Русское чтение
1845
ч. 1

E 14/19
ч. 1

Е 14/19

РУССКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

Сергѣемъ Глинкою.

—

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИСТОРИЧЕСКІЕ ПАМЯТНИКИ VIII и XIX СТОЛѢТІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1845.

РУССКОЕ ЧТЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

Е 14/19
34 1/11
Е 14/19

РУССКОЕ ЧТЕНІЕ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИСТОРИЧЕСКІЕ ПАМЯТНИКИ

XVIII и XIX СТОЛѢТІЯ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

Сергѣемъ Глинкою.

—

Часть I.

Ф 18002-35

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1845.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ 20 Января 1845 года.

Цензоръ А. Никитенко.

Библиотека имени В. И. Ленина
Ф 18002-35

Типографія Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

2007041245

ПАМЯТИ

Николая Михайловича

КАРАМЗИНА.

„Лѣтописцы славятъ въ немъ и милость безпримѣрную, и увѣтливость, и смиреніе Ангельское, прибавляя, что огорчать и презирать людей, было мукою для его сердца.

Ист. Гос. Росс., новое изд. 1843 *г. Т. XI. стр.* 127.

Пусть Небо накажетъ меня годомъ страданія за ту минуту, въ которую оскорблю несчастнаго.

Письмо Русскаго путешественника.

Ты видѣлъ нашъ двѣнадцатый годъ, но ты не коснулся двѣнадцатаго года нашихъ предковъ. Ранняя кончина пріостановила твое перо, но и въ неокончанной исторіи нашего отечества, ты оставилъ безсмертные памятники разсказа и описанія лицъ, не только разительными, но вѣрными и истинными чертами.

И миръ праху твоему!

Найдется ли когда нибудь соперникъ творческаго слога твоего, дышущаго выраженіемъ и полнотою души твоей? (*) Не знаю. Но твоя неутомимая добросовѣстность въ собраніи при-

(*) Le style est la mise de l'âme en dehors.

Villemain.

(Cours de la literature Française.)

мѣчаній извлеченныхъ изъ всѣхъ существовавшихъ лѣтописей, многимъ и многимъ открыла пути на поприщѣ исторіи и на всѣхъ стезяхъ отечественной нашей словесности. Ты далъ новое движеніе Русской мысли. Уважаемый тобою историкъ Робертсонъ говорилъ, что «если бы поэтъ фернейскій означалъ источники, откуда почерпалъ свои свѣденія въ Опытѣ о нравахъ народовъ, онъ облегчилъ бы половину своего труда.» Ты ничего не скрылъ, ты не потаилъ сокровищъ великаго труда своего и теперь продолжаемаго; ты для всѣхъ снялъ завѣсу съ вѣковъ исторической жизни земли Русской.

И миръ праху твоему! Ты и теперь еще живешь этою завѣтною жизнію.

Не удивляюсь! Еще въ прекрасной веснѣ лѣтъ своихъ, путешествуя по областямъ Европейскимъ, ты зоркою мыслію вычитывалъ будущую ихъ судьбу. И среди волненія Царствъ и народовъ, сердце твое сказало всѣмъ и каждому:

«Кто въ мирѣ и любви умѣетъ жить съ собою,
«Тотъ радость и любовь найдетъ во всѣхъ странахъ.»

Подъ очаровательнымъ небосклономъ древней Греціи на преддверіи храма Дельфійскаго сіяла изъ золотыхъ буквъ надпись: «Познавай самого себя.» Изреченіе твое стоитъ на ряду съ этою надписью. Миръ и любовь лелѣяли твое сердце. И радость и любовь вездѣ тебя встрѣчали. И превосходные умы XVIII-го столѣтія дѣлились съ тобою изустно сокровищами мысли своей. Чувствительность умножаетъ жизнь. И

долго, долго ты жилъ всѣмъ тѣмъ, что прекрасно и въ природѣ и въ человѣчествѣ. Но если бы всѣ жили въ мирѣ и любви не было бы и исторіи. Счастіе людей предпочиталъ ты славѣ великаго писателя.

Миръ и любовь праху твоему! Ты жилъ и въ мирѣ съ самимъ собою и душевною любовью къ родному краю и къ человѣчеству!

По живому предчувствію безсмертія своего, ты сказалъ въ исторіи своей: «душа не умираетъ.» Твоя душа живетъ въ сердцахъ твоего семейства и перейдетъ въ потомство въ твореніяхъ мысли и пера твоего.

А я повторю собственныя слова твои: «Меня не будетъ, но память моя не совсѣмъ охладѣетъ въ мірѣ; любезный, нѣжнообразованный юноша, читая нѣкоторыя мысли, нѣкоторыя чувства мои, скажетъ: онъ имѣлъ душу, имѣлъ сердце.

Миръ праху твоему!

И какъ счастливъ тотъ, кто и въ веснѣ лѣтъ своихъ и на прощаньи съ жизнью могъ сказать: «пусть небо накажетъ меня годомъ страданія за ту минуту, въ которую оскорблю несчастнаго.»

Незабвенный! это твои слова. Ты въ нихъ выразилъ всю душу свою и съ ними изъ юдоли превратностей земныхъ, перешелъ въ міръ лучшій.

На прощаньи съ жизнію предлагаю новый трудъ, можетъ быть слабый, но съ тою же цѣлію, чтобы оживлять доблести Отечественныя и доставлять что нибудь полезное для всѣхъ сословій общественныхъ.

Жизнь Отечественная—жизнь нераздѣльная отъ палатъ до хижинъ. Соединеніе мыслей, душъ и сердецъ подкрѣпляютъ и сохраняютъ эту жизнь, даруемую намъ Богомъ подъ тѣмъ небосклономъ, гдѣ была колыбель наша, гдѣ прахъ нашихъ отцевъ, и гдѣ мы въ свой урочный часъ сойдемъ въ могилу.

Но любовь къ родинѣ, любовь къ Отечеству не исключаетъ общей любви къ человѣчеству, завѣщанной Христомъ Спасителемъ. Гдѣ встрѣтимъ страдальца, тамъ видимъ въ немъ ближняго и брата: и счастлива та рука, которая

приподнимаетъ на тернистомъ пути жизни. Небо видѣло: это было лучшею моею отрадой. Кто стоитъ у могилы, тотъ не лжетъ. Померкаетъ мое зрѣніе, но не душа. А душа моя желаетъ: «Да благоденствуетъ все человѣчество на «ряду съ нашимъ Отечествомъ.» Съ этимъ желаніемъ жилъ я, — съ нимъ умру.

I.

ИСТОРІЯ
ЗЕРЦАЛА ПЕТРА ПЕРВАГО
и
ЛЮБОВЬ ЕГО КЪ ПРАВДѢ.

Вездѣ и всегда Петръ Первый говорилъ: «Петръ не думаетъ о себѣ, но о томъ: *да живетъ и да благоденствуетъ Россія!*»

Тоже повторилъ и Александръ Первый: «*Любовь народа,*» говорилъ Онъ, «*составляетъ для Меня единственный предметъ, начало и конецъ всѣхъ Моихъ дѣйствій и желаній.*» (*)

И какъ сладостно отзываются въ сердцѣ слова Императора Николая Перваго, преемника Престола Александра Перваго! «*Да исполнится все,*» вѣщаетъ Онъ, «*чего для блага Россіи желалъ Тотъ, Коего священная память будетъ питать въ Насъ и ревность и надежду, стяжать благословеніе Божіе и любовь народовъ Нашихъ.*» (**)

Не умиралъ Петръ Первый; онъ живетъ въ душахъ потомковъ своихъ.

И такъ обращаюсь къ Преобразователю нашего отечества.

(*) Изъ письма къ Александру Андреевичу Беклешеву, бывшему Московскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ.

(**) Слова изъ Высочайшаго Манифеста отъ 19 Декабря 1825 года.

На различныхъ своихъ путяхъ, исторія указываетъ намъ на необычайныхъ людей, которые, какъ будто по какому то вдохновенію, не видя еще великихъ событій, скопляющихся вдали будущаго, дѣйствуютъ для этихъ незримыхъ событій. Въ числѣ такихъ людей былъ и нашъ Петръ Первый; съ какою торопливостію, съ какою кипящею дѣятельностію на сушѣ и на моряхъ вводилъ онъ тѣ событія въ свой вѣкъ и въ наше *Девятнадцатое столѣтіе*! Вышедъ изъ круга своихъ современниковъ, казалось, что онъ шелъ мимо ихъ и великимъ трудомъ своимъ сближался съ нами. Какъ страшился онъ потерять одинъ день, одинъ часъ, одно мгновеніе! Для этаго дивнаго трудолюбца и ночь была днемъ, онъ все сближалъ быстрою своею мыслію. Съ гремящаго поля Полтавскаго, едва остывшаго отъ огня боеваго, онъ писалъ въ новую свою столицу, на берега Невы: «не мѣшкайте переводомъ исторіи *Пуфендорфа*.»

Между тѣмъ передъ побѣдителемъ Карла XII падаютъ стѣны крѣпостей, по словамъ *Ѳеофана*, поколебленныхъ побѣдою Полтавскою. Мысль Петра летитъ далѣе. Онъ обмѣнялъ на время престолъ на сельскій пріютъ въ *Сардамѣ* и чреду Царя на чреду работника. Шагами исполинскими въ дѣлѣ корабельномъ догналъ онъ своихъ наставниковъ. А вотъ онъ и на берегахъ *Темзы*. И Королева *Анна*, съ изумленіемъ смотря на царственнаго работника говорила приближеннымъ своимъ «за чѣмъ Царь Русскій оставилъ скиптръ для топора?» И не она одна этому ди-

вилась, до Петра нашего Европа не встрѣчала такого примѣра. А Онъ, Онъ съ восхищеніемъ спѣшитъ отдохнуть отъ труда въ *Гренвичскій* госпиталь, гдѣ пьетъ за здоровье *ветерановъ — моряковъ* и пріютъ успокоенія ихъ называетъ: «лучшимъ дворцемъ Короля *Вильгельма.*» Въ очахъ Петра Перваго, польза — вѣнецъ обществъ человѣческихъ, не успѣли оглянуться: а онъ въ *Парижѣ* и тамъ въ Академіи Наукъ, въ полномъ присутствіи ея членовъ, поправляетъ чертежъ Каспійскаго моря, Онъ и ученикъ и учитель; Онъ и побѣдитель и преобразователь. Но для Него и этого мало.

Пріостановимся тутъ, тѣмъ болѣе, что оговорки сами собою сойдутся съ тѣмъ, что будетъ далѣе. Нѣкоторые Французскіе писатели увѣряли, будто бы Петръ Первый, проходя мимо статуи *Ришелье*, управлявшаго и Людовикомъ XIII и Франціей, сказалъ: «Я подѣлился бы съ такимъ Ришелье Царствомъ моимъ.» Не вѣрю этому. *Арманъ Ришелье* въ свой вѣкъ былъ въ непрестанной борьбѣ съ тогдашними Французскими *феодалами* и въ непрерывномъ разлетѣ политическомъ по старинымъ областямъ Европы. Но гдѣ и та Франція и та Европа? Ихъ прежній бытъ какъ будто и не бывалъ. Для Франціи же *Ришелье* не оставилъ ни одного сѣмени, которое въ будущемъ могло бы животворно прозябнуть въ ней. Онъ домогался унижать *Австрію*, но это не могло усилить внутренней жизни Франціи. Напрасно также предполагаютъ, будто бы онъ все дѣлалъ одинъ. У него былъ изворотливый чело-

вѣкъ, котораго онъ называлъ «правою своею рукою.» (*)

Снова повторяю, что *Ришелье* изъ семнадцатаго вѣка ничего не передалъ въ осмнадцатое столѣтіе для самостоятельной жизни Франціи. Въ чемъ же бы онъ могъ быть помощникомъ Петру Первому? Рѣшительно ни въ чемъ.

А что *Ришелье* не упрочилъ во Франціи ни одной законодательной черты, вотъ этому и доказательство: 1755 года Министръ Иностранныхъ Дѣлъ *д'Аржансонъ* говорилъ: «во Франціи каждый хлопочетъ только о себѣ и для себя, торговля кипитъ; быстро движутся денежные обороты, а законодательство дремлетъ.»

А вотъ и еще сильнѣйшее доказательство. Въ Іюнѣ 1790 года одинъ изъ представителей народныхъ, такъ сказать, передъ лицемъ цѣлой Франціи въ рѣчи своей о законодательствѣ произнесъ слѣдующія слова: «осмнадцатый вѣкъ отразилъ блескъ свой на науки и искусства; но ничего не сдѣлалъ для законодательства.» (**)

(*) 1636 года взятіе *Корби* сильно встревожило и весь Парижъ и Кардинала Ришелье, онъ хотѣлъ бѣжать, но другъ его и наперстникъ Капуцинъ Іосифъ Леклеркъ де *Трамбле* удержалъ его: и когда пронеслась гроза, онъ сказалъ ему: Ne vous avais-je pas dit que vous n'étiez qu'une poule mouillée, et qu'avec un peu de courage et de fermeté vous rétabliriez les affaires. «Не говорилъ я тебѣ, что ты просто *трусишка*.» А когда Капуцинъ умеръ, Ришелье воскликнулъ: «пропала моя правая рука.»

(**) Le XVIII siècle a éclairé les sciences et les arts; mais il n'a rien fait pour la législation.

De Landine.

Убѣжденъ былъ и Петръ въ необходимости и силѣ законодательства.

Вотъ объ этомъ разсказъ одного изъ его современниковъ. Предлагаю его подлинникомъ. Это живой откликъ и своей современности и того, чего люди русскіе желали въ началѣ осмнадцатаго вѣка.

«1717 года будучи Его Величество на пиру за столомъ со многими знатными, и разговаривалъ о дѣлахъ отца своего, о дѣлахъ, бывшихъ въ Польшѣ. Тогда Графъ *Мусинъ-Пушкинъ* сталъ дѣла Царя Алексѣя Михайловича уничтожать, а дѣла Его Величества превозносить, утверждаясь на томъ, что у отца его *Морозовъ* и другіе были искусные Министры, которые болѣе, нежели онъ дѣлали. Государь такъ тѣмъ разсердился, что вставъ изъ за стола, сказалъ: *ты хулою дѣлъ отца моего, а лицемѣрною Мнѣ похвалою болѣе Меня бранишь; и я сего не стерпѣть не могу.* И потомъ, подошедъ къ Князю Якову Ѳедоровичу *Долгорукову* и ставъ у него за стуломъ, сказалъ: *дядя! ты Меня больше всѣхъ журишь и такъ часто досаждаешь спорами, что Я часто едва Себя удерживаю. Но когда разсужу, то и вижу, что ты Меня и Государство вѣрно любишь и говоришь правду; за что внутренно благодарю тебя; теперь же прошу и знаю, что о дѣлахъ отца Моего выскажешь подлинную правду.* Князь отвѣчалъ: *Государь! изволь сѣсть; а я подумаю.*» Государь сѣлъ подлѣ него. А Князь, разглаживая длинные усы свои, по повадкѣ своей, былъ въ глубокомъ разсужденіи. Всѣ молча смотрѣли на него и ожида-

ли, что онъ скажетъ. Нетерпѣливо ждалъ того и Государь. Смотря прямо въ глаза Его Величеству, Яковъ Ѳедоровичъ такъ началъ рѣчь свою:

«Государь! сей вопросъ нельзя кратко изъяснить для того, что дѣла разныя. Въ иномъ отецъ Твой, въ иномъ Ты больше хвалы и благодарности достоинъ. Главныя дѣла Государей три; первое: *внутренняя расправа* и *правосудіе*. Въ этомъ главномъ дѣлѣ отецъ Твой имѣлъ болѣе свободнаго времени. А Тебѣ еще и думать времени о томъ не доставало, и такъ отецъ Твой болѣе, нежели Ты сдѣлалъ, но когда и Ты о томъ прилежать будешь, то можетъ быть превзойдешь: и пора Тебѣ о томъ думать. Другое: *военное дѣло*. Отецъ Твой много черезъ нихъ удостоился похвалы и великую пользу Государству принесъ, Онъ указалъ Тебѣ путь устроеніемъ войскъ *регулярныхъ*. Да вотъ бѣда! какъ его не стало, то люди несмысленные всѣ учрежденія его опрокинули верхъ дномъ. Однакожъ, сколь ни думаю и не обдумываю; а все таки не знаю: кого болѣе похвалить? Но конецъ войны Твоей подлинно все намъ покажетъ. Третіе дѣло въ *устроеніи флота* и въ союзахъ и сношеніяхъ съ землями иностранными. А въ этомъ Ты далеко опередилъ отца своего и великую пользу принесъ Государству. Надѣюсь, что Ты и самъ все это примешь за чистую истину.» Выслушавъ все съ большимъ вниманіемъ, Государь, по обыкновенію своему, поцѣловалъ Князя въ лобъ и сказалъ:

благій рабе и вѣрный, надъ многими тя поставлю.» (*)

Великимъ былъ правдолюбцемъ Петръ и по свойству превосходныхъ душъ, твердымъ блюстителемъ слова своего. Когда Порта требовала выдачи Князя *Кантемира*, бывшаго *Господаря* Молдавскаго, Онъ сказалъ: «еслибъ честь и правота исчезли во всѣхъ сердцахъ, то и тогда онѣ должны жить непоколебимо въ сердцахъ Царей. Скорѣе уступлю *Портѣ* землю до Курска; а Кантемира не выдамъ. Землю можно опять завоевать; а потеря чести невозвратна.» (**)

А вотъ и другой примѣръ правдолюбія Петра; того правдолюбія, которое, какъ увидимъ, всею силою души своей домогался Онъ переселить въ свое *зерцало*.

1715 года Іюля 15, часу въ шестомъ, по гладкой поверхности великолѣпной Невы, съ голубаго небосклона утреннее солнце разливало лучи свои и раскидывало отблески ихъ по вершинамъ вѣковыхъ сосенъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ скромнаго пріюта Петра Перваго, на отруб-

---

(*) Этотъ разсказъ почерпнутъ изъ бывшей у меня рукописи унтеръ-офицера Кашина, переплетеной вмѣстѣ съ Исторіей Петра Великаго, напечатанной въ Венеціи. Все это передалъ я въ библіотеку Гвардейскаго Штаба при Начальникѣ его Н. М. Сипягинѣ.

(**) Истина неизмѣнно переходитъ изъ вѣка въ вѣкъ, что Петръ сказалъ въ началѣ XVIII вѣка, то говорилъ въ XIV столѣтіи Король Іоаннъ Второй; вотъ его слова: «si la justice et la bonne foi étaient bannies du reste de la terre, il faudrait du moins qu'elles se trouvassent dans le coeur des rois.»

къ маститой сосны сидѣлъ человѣкъ въ посадской одеждѣ, роста осанистаго, но въ чертахъ блѣднаго, изморщеннаго его лица, проглядывала какая-то томная, унылая грусть, видно онъ былъ давнишнимъ страдальцемъ; опершись на посохъ и съ открытой головою, онъ поглядывалъ то на небо, то на пріютъ Государевъ. Движеніе устъ его показывало, что онъ творилъ душевную молитву. Вскорѣ потомъ царственный хозяинъ новой столицы вышелъ на улицу; снялъ свой картузъ *черно-бархатной*; взглянулъ на небо; осѣнился крестомъ на трудовой подвигъ дня, окинулъ быстрымъ, орлинымъ взглядомъ все и по всѣмъ сторонамъ; и хотѣлъ идти далѣе. И вдругъ увидѣлъ передъ собою посадскаго съ челобитною въ рукахъ.

Посадскій. Остановись, Государь.

Петръ. Некогда.

Посадскій. Остановись, Надежа-Государь! Ты взялъ святую совѣсть и на святую и крѣпкую свою правду единый свѣтъ моихъ очей, единаго моего сына. Кровная Мнѣ до Тебя нужда; выслушай.

Петръ. О! тутъ дѣло, гдѣ дѣло идетъ о совѣсти, пойдемъ ко мнѣ.»

При входѣ въ домикъ Государевъ, Посадскій перекрестился большимъ крестомъ на икону Христа Спасителя и низко поклонясь Государю, сказалъ твердымъ голосомъ: «Православный нашъ Царь! если бы не такое было дѣло; то не сталъ бы я утруждать Тебя, мнѣ Господь Богъ далъ уразумѣть грамоту; а потому и вѣдаю, каково

тебѣ за всѣхъ насъ трудиться. Но вотъ въ чемъ бѣда! моей челобитной не примутъ ни суды, ни Твой Правительствующій Сенатъ.

Петръ. Да на когожъ ты жалуешься?

Посадскій. На Тебя, Государь! и Тебѣ самому.

Петръ. Хорошо, но ты, какъ вижу, шелъ изъ далека, присядь-ка, братъ! да и высказывай всю правду и Мнѣ и на Меня.

Посадскій. Не сяду, Государь! по великой милости Твоей прислонюсь къ стѣнкѣ, да и стану Тебѣ высказывать всю задушевную правду, какъ будто на судѣ Божіемъ. Помнишь ли, Надежа-Государь, какъ Ты, 1700 года, сбираясь въ походъ на Шведа, остановился въ моей посадской избѣ?

Петръ проницательными очами своими всмотрясь въ лице посадскаго, сказалъ: «помню; помню и хлѣбъ-соль твою. Продолжай, братъ!

Посадскій. Любовался Ты, Государь, на мои кузницы; радовалось и сердце мое, слыша ласковое Твое слово. Полюбился Тебѣ и мой парень, Ты назвалъ его *молодцемъ* и упрашивалъ отдать его Тебѣ. Велика эта честь, да у меня онъ былъ одинъ одинешенекъ. Слезно молилъ я Тебя, Надежа-Государь, не брать его отъ меня; да Ты такъ любишь разумныхъ молодцевъ, что и слушать меня не хотѣлъ; нечего было дѣлать? отдалъ я моего парня Богу, да *обѣщанной Твоей къ нему милости*. Тяжелая кручина пала на душу мою; а еще стало тяжелѣе, когда донесся къ намъ слухъ, что онъ убитъ подъ Нарвою, упало сердце мое; опустились и руки. Куда дѣлись мои

кузницы? куда дѣлись мои хоромы, гдѣ Ты, Государь, у меня приставалъ. Все прахомъ пошло, остались только у меня на память *топоръ*, *пила*, *молотъ* да *клещи*, чѣмъ Ты самъ ухаживалъ за пушечными снарядами.

Петръ. Этому помочь можно; а что сынъ твой убитъ, такъ видно на то была воля Божія.

Посадскій. Нѣтъ, родной нашъ отецъ, Государь Петръ Алексѣевичъ! сынъ мой живъ; онъ въ полону у Шведовъ.

Петръ. Отъ кого ты объ этомъ узналъ?

Посадскій. Отъ Князя Якова Ѳедоровича Долгорукова.

Петръ. Такъ видно ты пошелъ ко мнѣ изъ подъ его щита?

Посадскій. Нѣтъ, Государь! Я не бралъ на душу свою такого грѣха. Прямо пошелъ я къ Тебѣ подъ щитомъ Божіимъ подъ Твой щитъ. Онѣмѣлибы уста мои, еслибъ задумалъ я кому нибудь жаловаться на Тебя. Дорогъ мнѣ сынъ; безъ него мнѣ и жизнь не въ жизнь, но вѣрность и любовь моя къ Тебѣ, дороже мнѣ и сына моего.

Тутъ въ очахъ Государя сверкнули двѣ крупныя слезы; онъ отеръ тою рукою, которою, говоря его словами: «обнажилъ онъ на полѣ Полтавскомъ шпагу, не для того, чтобъ Петръ жилъ; но да живетъ Россія!» помолчавъ нѣсколько и не спуская глазъ съ Посадскаго, Петръ проговорилъ: «добрый ты человѣкъ; дай поцѣловать тебя въ умной твой лобъ.»

Посадскій хотѣлъ броситься къ ногамъ Госу-

даря; но онъ остановилъ его и сказалъ: «такихъ людей вѣрныхъ призываютъ не ноги, а сердце.» Но пора приняться за дѣло. Вотъ видишь, мой другъ! Шведы на меня сердиты и если стану просить о сынѣ твоемъ, то они, пожалуй себѣ, станутъ упрямиться, но вить и у нихъ есть отцы и матери; пушки пушками; а душа душою. Я дамъ тебѣ записку къ Графу Остерману, ему крѣпко удались всѣ грамоты, онъ напишетъ къ кому слѣдуетъ въ Стокгольмъ о сынѣ твоемъ; а ты самъ при помощи Божіей и моей, пойдешь выручать его.»

Присѣвъ къ столику, Петръ написалъ къ Графу Остерману записку и отдавая ее посадскому, примолвилъ: «Послушай братъ! Графъ человѣкъ умный и добрый. Если поднесетъ тебѣ рюмку любимаго своего Венгерскаго: ты не отнѣкивайся и не спѣсивься. Выпей рюмку, да и пріударь ему: «дай Богъ вамъ, Ваше Сіятельство, здравствовать несчетные годы!» А черезъ три дня забѣги къ другу своему Якову Ѳедоровичу. Отъ него получишь и письмо Остермана, и отповѣдь во всемъ. Съ Богомъ! ступай себѣ.»

Походя нѣсколько минутъ въ комнатѣ и сообразя все въ мысляхъ, Петръ, не выставляя именъ, принялся все излагать обстоятельно, ясно и отчетливо. Истина сама собою высказывается. Окончивъ свою бумагу, Государь отправилъ ее къ Генералъ-Прокурору при слѣдующей запискѣ: «Прочитавъ дѣло въ полномъ собраніи, отобрать голоса, что каждый изъ сенаторовъ вникнулъ въ оное, рѣшить въ два дня по

закону, по совѣсти и по здравому смыслу.» Черезъ два дня представлено было Петру слѣдующее рѣшеніе: «Отвѣтчикъ обязанъ выпустить изъ плѣна сына, и заплатить челобитчику за разореніе.» (*)

«Коротко, да ясно,» сказалъ Государь. «Тутъ нѣтъ ни какой околесицы. А иное дѣло такъ запутаютъ и перепутаютъ, что и въ три вѣка не распутаешь его. Умная слыветъ у насъ пословица: *На правду не надо много словъ.* Спасибо вамъ, господа Сенаторы! Вы дали мнѣ праздникъ.»

Между тѣмъ упорная еще война кипѣла съ Швеціей. Флоты Петра Перваго быстрымъ появленіемъ удивили и моря и Океанъ. Промышленность и торговля процвѣтали часъ отъ часу болѣе. Наконецъ пожалъ Петръ и блистательные лавры *двадцати-одно-лѣтней* войны съ Швеціею. Довольно бы этого было для другаго; но не для Петра Перваго. Преобразовывая Россію, онъ желалъ упрочить внутреннюю ея жизнь силою правосудія. Съ великимъ прискорбіемъ видѣлъ Онъ, какъ пронырливая ябеда искажаетъ законы. Онъ убѣжденъ былъ, что безъ правосудія поколеблется зданіе общественное, какъ бы ни было Оно блистательно. Для меня одинъ изъ достопамятнѣйшихъ дней въ жизни Петра Перваго: день *семнадцатаго* Апрѣля 1722 года.

Новая загорѣлась война, война съ *Персіей.*

(*) Смотр. Замѣчанія Татищева на Судебникъ Царя Іоанна Васильевича.

Новые подвиги требовали новыхъ трудовъ и усилій. Но въ самое это время, въ глубокомъ уединеніи въ селѣ *Преображенскомъ*, душа Петра Перваго занята была прочнымъ созиданіемъ правосудія. Мощною длапью Своею Великій Правдолюбецъ рѣшился сорвать личину съ ехидной ябеды и изобличить ее передъ лицемъ Россіи и передъ лицемъ цѣлаго свѣта. Великъ, безсмертенъ день *семнадцатаго* Апрѣля 1722 года! Вотъ, что изобразило въ этотъ день собственное перо Петра Перваго: «Ничто,» говоритъ Онъ въ первомъ назерцальномъ Своемъ указѣ: «Ничто такъ къ управленію Государства не нужно, какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ.»

Прислушиваясь къ этимъ словамъ, Екатерина Вторая говорила: «Взирая на изображеніе Петра Великаго, я ежеминутно требую у Себя отчета въ каждомъ днѣ Моемъ. Я вопрошаю Себя: *что бы Петръ Первый повелѣлъ; что бы Онъ запретилъ, или что бы сдѣлалъ на Моемъ мѣстѣ, и находясь въ Моихъ обстоятельствахъ?*»

И благоговѣя къ правилу Петра Перваго, что всего нужнѣе крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ, Она сказала въ наказѣ Своемъ: «Человѣка не должно и не можно никогда забывать.» (*) И далѣе прибавила: «Должно защищать права.» (**)

Назерцальный указъ 1724 Января 27 по дѣлу *Шафирова*, указъ историческій. Передъ походомъ въ Персію Императоръ Петръ Первый, отправляясь изъ сѣверной Своей столицы въ Мо-

(*) Наказъ § 569. (**) § 651.

скву, предписалъ, чтобы сенатскимъ чиновникамъ не выдавать жалованья до выслуженнаго срока. Извѣстно, что въ *Шафировѣ* зоркій взглядъ Петра угадалъ Шафирова. Проходя однажды мимо Московскихъ рядовъ, Петръ замѣтилъ, что въ одной лавкѣ молодой сидѣлецъ, погрузясь въ чтеніе какой-то книги, забылъ и лавку и все, что около него происходило. Подошедъ къ нему осторожно, Государь спросилъ: «Что ты, дружокъ, читаешь?» И увидя въ рукахъ его нѣмецкую книгу, сказалъ: «Нѣтъ, братъ! тутъ не твое мѣсто; тебѣ надо быть поближе ко Мнѣ.» На поприщѣ умственномъ, счастія и заслугъ, *Шафировъ*, какъ будто летѣлъ на крыльяхъ. Въ тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ подъ *Прутомъ*, когда правдивый Государь говорилъ: «И я попалъ въ такую же западню, въ какую братъ мой Карлъ попалъ у насъ въ Россіи.» Къ выручкѣ себя изъ этой западни, Петръ, отправляя *Шафирова* для переговоровъ съ Визиремъ, далъ ему собственноручную записку, и теперь еще существующую; съ одною строкою, но безсмертную для *Шафирова* по безусловной къ нему довѣренности Императора. *Мирись на чемъ хочешь:* сказано было въ запискѣ. Какой быстрый переходъ лавочника-сидѣльца *Шафирова* до полномочнаго министра 1711 года! За дивнымъ орломъ своего времени и сотрудники его летѣли орлами. Петръ, какъ будто огнемъ, похищеннымъ миѳическимъ *Прометеемъ* съ неба, воспламенялъ въ нихъ души. Но видно и у нихъ была живая способность —

принимать этотъ огонь. А не рѣдко: бѣда и великая бѣда отъ этого огня, когда онъ горитъ въ душѣ пылкой, понимающей свое достоинство, и увлекаемой внутреннимъ чувствомъ выше извилистыхъ путей мелкихъ душъ. *Шафировъ* съ пылкою душою шелъ дорогою открытою, смѣло смотрѣлъ всѣмъ въ глаза и ни передъ кѣмъ не изгибался. И это бѣда! Бѣда и то, что у него было братское горячее сердце. А къ этой бѣдѣ пріурочилась болѣзнь брата его, служившаго Оберъ-Секретаремъ въ Сенатѣ. Бѣдный больной, обремененный многочисленнымъ семействомъ и тяжелыми насущными нуждами, убѣдилъ брата своего, чтобы онъ упросилъ ближайшихъ къ нему сенаторовъ, подписать бумагу о преждевременной выдачѣ ему жалованья. Налетѣла бѣда и тутъ. Видно, что тотъ самый *Шафировъ*, который подъ Прутомъ выручилъ Петра Перваго изъ бѣды: на бѣду свою не запасливъ былъ на двигателей земнаго нашего міра, т. е. на деньги. А безъ того не рипулся бы онъ на опасную колею ослушника. Нѣтъ сомнѣнія, что и Сенаторы въ разсѣянномъ забвеніи и по порыву добросердечія подписали бумагу. Бѣда и доброму сердцу: у него много промаховъ. А вотъ главная и валовая бѣда. Суворовъ сказалъ: *Свѣтъ работаетъ случаю.* На бѣду подоспѣлъ и этотъ *случай.* Угадайте и разгадайте, какъ припутывается и перепутывается то, что мы называемъ *обстоятельствами.* Разгадайте: какъ именно, какъ будто нарочно, явится человѣкъ, который изъ этихъ обстоятельствъ,

во что бы ни стало, станетъ искать личную выгоду. На бѣду и это тутъ случилось. Тогдашній Прокуроръ Сената (не назову его: Богъ себѣ съ нимъ: онъ былъ человѣкъ не добрый) зналъ, что Князь *Меншиковъ* давно сердитъ на *Шафирова* за то, что при отмежеваніи ему земель въ *Батуринѣ*, *Шафировъ* не допустилъ перейти за узаконенную черту. Чудное дѣло! Тотъ самый *Меншиковъ*, который первый изъ Русскихъ полководцевъ разбилъ Карла XII, тогдашняго бича Европы: тотъ самый *Меншиковъ* былъ побѣжденъ не оружіемъ, а самимъ собою, какимъ то непостижимымъ любостяжаніемъ. Истинное геройство ожидало его подъ дальнимъ небосклономъ Сибири, гдѣ въ крестьянской сермягѣ и съ топоромъ въ рукахъ, сооружалъ онъ церковь въ присутствіи дочери своей, нарѣченной и обрученной невѣсты юнаго Петра Втораго. Опирайтесь теперь на ломкое счастіе человѣческое! Гоняйтесь за тѣмъ счастіемъ, которое изъ чертоговъ Царей и изъ великолѣпныхъ палатъ вельможей, превратнымъ вихремъ перекидываетъ подъ нищенскій, изгнаническій пріютъ! Но 1722 года въ очахъ Меншикова виталъ и ликовалъ весь міръ надеждъ очаровательныхъ! Послѣ Петра онъ былъ первымъ человѣкомъ въ Россіи. Какъ бы то ни было: но и отъ искры вспыхиваетъ пожаръ. А въ суматохѣ и трескотнѣ дѣлъ человѣческихъ такая искра не всегда раздувается великими міра; ее пускаютъ въ разлетъ и самые мелкіе раболѣпные прислужники случайности. Такъ и было. Говоря просто:

Оберъ-Прокуроръ Сената, ожидая *великой* и *богатой* милости отъ Меншикова, а можетъ быть и благопріятнаго только взгляда, вступилъ въ доносъ на Шафирова. Какъ передъ началомъ грозы сперва слышенъ гулъ отдаленный; потомъ, чѣмъ ближе налетаетъ она на крыльяхъ мрачныхъ облаковъ, тѣмъ болѣе усиливается ея ревъ, и наконецъ разражается въ грохотаніи громовъ и сверканіи молній. Тоже бываетъ въ кипѣніи и трескотнѣ дѣлъ человѣческихъ. Такая буря забушевала 1722 Октября 31 въ юномъ Сенатѣ, основанномъ Петромъ Первымъ почти за одиннадцать лѣтъ передъ тѣмъ. Сильными стрѣлами разилъ Оберъ-Прокуроръ Шафирова, какъ ослушника указа; сильно и Шафировъ отражалъ его стрѣлы. Пылъ негодованія и раздраженнаго самолюбія возрасталъ часъ отъ часу болѣе. Отъ укоризнъ юридическихъ дошло до личностей. Посыпались укоризны и на родъ, и на племя и на то, кто чѣмъ прежде былъ. Вѣсть о такой суматохѣ долетала до Петра въ Персіи, и Государь вскорѣ по взятіи Дербента поспѣшилъ на берега Невы къ потушенію пожара, вспыхнувшаго въ Сенатѣ. Шафировъ отданъ былъ подъ судъ. Еслибы пылкій Шафировъ укротилъ волненіе духа своего, то безъ сомнѣнія все бы обошлось миролюбиво. Тотъ Петръ, Который 1708 года приказалъ отпускать лекарства въ лазареты Карла XII, разорявшаго Россію; Тотъ Петръ, Который въ ненастную Ноябрскую ночь 1724 бросился въ заливъ для спасенія утопавшихъ людей: Тотъ Петръ

уважилъ бы, что мимо Его предписанія выдано, по ходатайству брата, до срока жалованье больному и нуждавшемуся его брату. Но упорный Шафировъ не хотѣлъ двинуться ни на шагъ на попятный дворъ. Отдаляя брата своего отъ отвѣтственности, онъ объявилъ въ судѣ, что: «братъ его за болѣзнію не зналъ объ указѣ; а онъ не слышалъ когда Оберъ-Прокуроръ читалъ его.» Не отступалъ Шафировъ; не отступалъ и Петръ Первый. Нельзя было ему измѣнить собственному узаконенію. Онъ сказалъ и повѣстилъ въ военныхъ *процессахъ*, что: «собственное признаніе паче свидѣтельства цѣлаго свѣта.» Шафировъ обреченъ былъ къ смерти гражданской; но не на долго. Екатерина Первая, при первомъ шагѣ Своемъ на престолъ, вполнѣ возвратила ему прежнюю его чреду. А тутъ съ основательностію можно сказать, что Меншиковъ не участвовалъ въ паденіи Шафирова; ибо еслибъ онъ былъ тому причастенъ, то при тогдашнемъ положеніи своемъ, онъ могъ бы довершить уничтоженіе его. Просто, тѣ *ушенадуватели*, которые все умѣютъ перетолковывать по своему, возстановляли Меншикова противъ Шафирова.

Назерцальный указъ о *Шафировѣ* 1724 года Января 27 слѣдуетъ разсмотрѣть и со стороны *юридической*. 1841 года поэтъ нашъ *П. В. Кукольникъ* въ одной изъ статей своихъ сказалъ, будто бы при Петрѣ Первомъ никто не въ правѣ былъ: «отзываться невѣдѣніемъ законовъ.» Этого не было и не могло быть, по причинѣ

возникшаго новаго управленія. А при томъ Петръ Первый зналъ, что безъ основательнаго правовѣденія нельзя изучаться законамъ. Въ наше время, при умноженіи университетовъ, при существованіи многихъ другихъ учебныхъ заведеній; при основаніи особеннаго училища правовѣденія; при печатаніи различныхъ повременныхъ изданій, гдѣ помѣщаются указы; въ наше время съ основательностію можно требовать того, чего требуетъ 63 статья перваго тома Свода Законовъ. Съ распространеніемъ путей къ просвѣщенію и мысль законовѣденія должна была подрости. Не было этого при Петрѣ; а потому не требуя невозможнаго, онъ обязывалъ только служащія лица по всѣмъ разрядамъ управленія знать и вѣдать законы. Въ случаѣ упущенія того, на основаніи назерцальнаго указа 1723 года, Онъ подвергалъ ихъ слѣдующимъ взысканіямъ: за *первое* ослушаніе виновный на время лишался жалованья за годъ; за *второе* ослушаніе виновный подвергался лишенію третьей доли всего движимаго и недвижимаго имѣнія; наконецъ за *третье* небреженіе виновный лишался всего имѣнія и чиновъ вовсе.

А изъ этого очевидно слѣдуетъ, что при Петрѣ Первомъ отвѣтственность въ свѣдѣніи законовъ лежала только на однихъ чиновникахъ. Касательно же *частныхъ лицъ*, Петръ не только не требовалъ отъ нихъ знанія законовъ, но какъ будто препоручалъ ихъ въ попечительное доброхотство судей, предписывая другимъ

указомъ 1724 года, чтобы въ судахъ съ ними обходились учтиво. Въ томъ же указѣ показано, что *челобитчики* тогда только подвергались уплатѣ отъ *десяти* до *ста* рублей, когда заводили въ судахъ какія нибудь ссоры или шумъ.

Между тѣмъ и исполинская крѣпость силъ Петра Перваго начинала часъ отъ часу болѣе ощущать приступы разрушенія; рано для Россіи, но не для потомства; онъ изнемогалъ подъ необычайнымъ бременемъ трудовъ вѣковыхъ! Между тѣмъ и Тотъ, Кто и среди сонмовъ народа и среди сановниковъ Своихъ превышалъ всѣхъ головою, возносившеюся на мощныхъ раменахъ, и Тотъ Петръ Первый поникалъ челомъ къ землѣ. Грустно ему было смотрѣть на недостроенное зданіе новой Россіи; еще грустнѣе было для Него видѣть, что въ колыбели этого зданія не успѣлъ Онъ упрочить главное благо отечества — правосудіе. Съ сердечнымъ сокрушеніемъ и съ великодушною откровенностію объявилъ Онъ въ первомъ назерцальномъ Своемъ указѣ 1722 года Апрѣля 17, что въ Его время сильно потрясена была твердыня законовъ и прибавилъ: «Всуе писать законы, если ихъ не исполняютъ.» Видѣли мы выше, что при исчисленіи дѣлъ отца Его Княземъ Яковомъ Ѳедоровичемъ Долгорукимъ, Онъ согласился, что внутреннее управленіе и законодательство — вѣнецъ славы правителей народовъ. Говорилъ Онъ нѣкогда: «Братъ мой Карлъ почитаетъ себя Александромъ Македонскимъ.» И Онъ видѣлъ, какъ

быстро разсѣялась эта слава и какъ быстро блекнутъ лавры побѣдъ. И Екатерина Вторая, какъ будто прислушиваясь къ словамъ и мысли Петра Перваго, обозрѣвая поле *Полтавское*, сказала: «Посмотрите, отъ чего зависитъ жребій державъ! Одинъ день, одно мгновеніе рѣшитъ ихъ судьбу.... Одна погрѣшность, одинъ легкомысленный шагъ, уничтожилъ всю славу, всѣ долговременные успѣхи Карла XII. Тотъ, кто приводилъ въ трепетъ Саксонію, Австрію, Италію: тотъ самый побѣдитель народовъ бѣжалъ съ полей Полтавскихъ, а безъ того и насъ бы здѣсь не было.»

Горестенъ, туманенъ былъ для Петра Перваго 1724 годъ. Есть предчувствія, особливо для души, которой такъ много надобно было и дѣйствовать и работать. Бросая взгляды на новую свою столицу и облетая мыслію Россію, Онъ видѣлъ, Онъ убѣжденъ былъ, что все то было только первымъ шагомъ великаго Его труда, много оставалось еще дѣлъ. А гдѣ дѣла—тамъ нѣтъ лести. «Петръ Первый, говоритъ историкъ Татищевъ: великолѣпіе Свое показывалъ въ Своихъ дѣлахъ.» А другой его современникъ, праводушный Гвардейскій унтеръ-офицеръ *Кашинъ*, въ простыхъ, но безпристрастныхъ своихъ запискахъ о Петрѣ Первомъ, говорилъ: «тотъ день не могъ Великій Государь въ сласть хлѣба кушать, въ который вездѣ самъ быть и всего посмотрѣть не изволилъ.»

И потомъ прибавляетъ: «что Великому Государю мѣшаетъ покоиться? Кто отнимаетъ у Него

спокойный сонъ? Что изъ царскихъ палатъ на стужу, дождь и на суровость воздуха выгоняетъ Императора? Все сіе произходитъ отъ любви къ Отечеству.»

И одушевляясь этою любовію, какъ Петръ Первый торопился упрочить при себѣ хотя начало святаго дѣла правосудія! Въ назерцальномъ указѣ о Шафировѣ не показано, когда онъ изданъ, то есть не означено число Января 1724 года. Но въ послѣднемъ указѣ, писанномъ Петромъ Первымъ въ *зимнемъ* Его *домѣ*, выставлено 21 Января; а оба указа напечатаны 27 Января 1724 вмѣстѣ съ указомъ 1722 года и составили: «Зерцало Петра Перваго.»

Послѣдній назерцальный указъ Великаго правдолюбца, можно назвать: *лебединою Его пѣснію* на поприщѣ правосудія.

Въ этомъ указѣ, какъ будто отрекаясь отъ собственнаго своего могущества, Русскій Царь призываетъ на помощь и Небо и все то, что можетъ убѣждать, возбуждать совѣсть судей и что можетъ удержать ихъ на стезѣ правоты и вѣры. Взявъ изрѣченіе изъ книгъ завѣтныхъ, Онъ называетъ судъ земной, *судомъ Божіимъ*. (*) Отвѣтственность за нарушителей Законовъ и правды и при Себѣ и послѣ Себя, передаетъ Онъ на судъ Божій, Онъ знаетъ, что и Онъ мимолетный пришлецъ въ мірѣ; Онъ знаетъ, что одинъ Богъ безконеченъ подъ Его карательную длань вводитъ гонителей невинности и утѣснителей правоты.

(*) Второзаконіе, глава первая.

«Проклятъ!» говоритъ Онъ въ указѣ Своемъ: «проклятъ всякъ творяй дѣло съ небреженіемъ!» Это Его духовное завѣщаніе; это Его оправданіе передъ судомъ Божіимъ, если судъ человѣческій глухъ будетъ къ Его обѣщаніямъ. И сказанное Петромъ по духу Книгъ Завѣтныхъ повторилось и въ нашемъ девятнадцатомъ столѣтіи. Въ Сводѣ Законовъ сказано: «Законы должны быть исполняемы безпристрастно, не смотря на лица, не внимая ни чьимъ требованіямъ и предложеніямъ.» (*) Это живой откликъ книгъ завѣтныхъ. Въ первой главѣ Второзаконія, *Моисей* говоритъ: *да не познаете лица на судѣ; малому и великому судиши, и не устыдишися лица человѣча; яко судъ Божій есть.*

И такъ Петръ Первый оставилъ суды земные подъ судомъ небеснымъ. И неудивительно, еслибъ въ Немъ одномъ было и нѣсколько Петровъ, то и тогда не довершилъ бы Онъ зданія и созиданія новой Россіи, Онъ мало жилъ; Онъ промелькнулъ на землѣ, но оставилъ преемникамъ своего Престола привесть въ общій составъ и въ самостоятельное единство законы гражданскіе. А о Себѣ на одрѣ смертномъ Онъ сказалъ: «*Познайте изъ меня, какъ малъ человѣкъ!*»

Не стало Петра, и Меншиковъ устремилъ взоры на внука его. И быстрою стопою двинулся онъ на путь льстивый, но обманчивый. Честолюбіе летитъ на крыльяхъ. Ему уже казалось, что поколѣніе его сіяетъ на престолѣ

(*) Статья 64. Томъ первый.

Державы Русской. Оставался одинъ только шагъ. Дочь его нарѣченная и обрученная невѣста юнаго Императора. Далеко и высоко витала его мысль; а бѣда шумѣла за плечами. Но какъ прислушиваться къ грозному ея налету въ очаровательныхъ сновидѣніяхъ надеждъ исполинскихъ! Винить ли Меншикова? Трудно. Просто говоря: ему было изъ чего биться. А иногда хлопочутъ и бьются изъ нѣсколькихъ клочковъ земли и сходятъ въ могилу, не добившись ихъ.

Не стало Екатерины Первой: и зерцало Петра Перваго осѣнилось, какъ будто завѣсою гробовою.

Началась, закипѣла борьба вельможъ; борьба сильная, упорная. Меншиковъ палъ, и все его съ нимъ пало. Долгорукіе побѣдили. Но и они въ потемкахъ честолюбія пошли по стопамъ побѣжденнаго соперника. И имъ мечталось, что отрасль княжескаго ихъ дома блеснетъ на престолѣ Россіи. Не сбылось. Юный Петръ Второй быстрымъ лучемъ весеннимъ промелькнулъ въ вѣнцѣ державномъ—и угасъ.

Новый пожаръ; новая борьба. Отдѣлясь отъ общаго, временные полновластные вельможи составили свой совѣтъ. По смерти юнаго Петра Втораго общее народное мнѣніе вступалось за Елисавету, дочь Петра Перваго. Всѣ помнили, что она родилась въ исходѣ 1709 года, въ тѣ самые дни, когда побѣдитель Полтавскій вступилъ въ торжествѣ въ древнюю Русскую столицу; всѣ видѣли, что на ней отражаются

великія заслуги Россіи Великаго Ея отца. Объ Аннѣ Іоанновнѣ, вдовствующей Герцогинѣ Курляндской, никто не думалъ; да и она, живя спокойно въ своемъ владѣтельномъ помѣстьѣ, ни о чемъ не думала. Къ чему было ее тревожить! Развѣ тѣ вельможи не знали, что кого вызываютъ, у того не отнимаютъ воли? Развѣ они не знали, что тѣ паутинныя цѣпи, которыми они оковывали *Герцогиню*, могли въ прахъ разлетѣться отъ одного слова *Императрицы?* Наконецъ: развѣ они не видѣли, что дворянство, купечество и народъ Московскій, предводимые тремя умными головами: Князьями *Кантемиромъ*, *Черкасскимъ* и историкомъ *Татищевымъ*, могли сильно поперечить ихъ затѣямъ? Но развѣ тѣ вельможи, которые все сами собою себѣ присвоили, были люди безграмотные? Очень были они умны, а еще болѣе опрометчивы. Соберите умнѣйшихъ людей ночною порою въ великолѣпную залу и погасите всѣ свѣчки: что они увидятъ? Такъ случилось и съ Долгорукими: и ихъ надежды видѣть на престолѣ свое поколѣніе, удалились съ ними къ хижину семейства Меншикова. И Сибирь обогатилась знаменитыми изгнанниками, и *Острова Березовые* соединили тѣхъ въ убогихъ хижинахъ, кого раздѣляли Царскіе чертоги.

Грозное было нашествіе на наше отечество въ лицѣ иноплеменника *Бирона*, наглаго презирателя Русскихъ, когда они были ему не нужны и раболѣпнаго льстеца, когда надобно было ему завлекать ихъ въ сѣти свои. Домогаясь вла-

стительнаго опекунства надъ младенцемъ *Іоанномъ*, онъ говорилъ вельможамъ того времени: «вы и сыны Россіи и патриціи древняго Рима.» Зерцало Петра Перваго потемнѣло; законы безмолвствовали; алчная строптивость *Бирона* поражала и палаты бояръ и хижины земледѣльцевъ. Бурнымъ потокомъ часъ отъ часу болѣе кипѣли неправды и беззаконія. Вступила на престолъ Елисавета и при первомъ шагѣ своемъ, 1741 года, издала указъ въ духѣ назерцальныхъ указовъ отца своего.

Вотъ этотъ указъ достопамятный:

«Несытая алчба корысти дошла до того, что нѣкоторыя мѣста, учрежденныя для правосудія, сдѣлались торжищемъ лихоимства; пристрастіе предводительствуетъ судей, а потворство и упущеніе ободряютъ беззаконниковъ. Въ такомъ достойномъ сожалѣнія состояніи находятся многія дѣла въ Государствѣ и бѣдные неправосудіемъ утѣсненные люди.

«Повелѣваемъ симъ Нашему Сенату, какъ честнымъ дѣтямъ Отечества, воображая долгъ Богу, Государству и законамъ Государя Императора Нашего любезнѣйшаго родителя, которое мы все своимъ почитаемъ—всѣ свои силы употребить къ возстановленію желаемаго народнаго благоденствія.

«Хотя нѣтъ челобитенъ и доносовъ по самымъ обстоятельствамъ, Сенату извѣстныхъ, зло прекращать и искоренять всякой Сенаторъ по своей чистой совѣсти долженъ и обязанъ, представлять о происходящемъ вредѣ въ Государствѣ и безза-

конникахъ, ему извѣстныхъ, безъ всякого пристрастія, дабы тѣмъ, злымъ пощады, а невиннымъ напрасной бѣды не приносить; но какъ истинному сыну Отечества, памятуя страхъ Божій и свою должность: ибо возведеннымъ быть судіями другихъ, надлежитъ почитать свое Отечество—родствомъ, а честность—дружбою.»

Тогдашній Генералъ-прокуроръ князь *Шаховской*, изъ записокъ котораго заимствованъ предложенный указъ, жалѣлъ что не присовокупилъ его къ тремъ назерцальнымъ указамъ Петра Перваго. «Я забылъ тогда, говоритъ онъ: что отъ счастія къ несчастію — одинъ шагъ.»

Недоумѣніе въ добрѣ убыстряетъ ходъ зла. Оно летитъ на крыльяхъ. Такъ и случилось, и Екатерина Вторая почти при самомъ своемъ вступленіи на престолъ въ духѣ указа Елисаветы издала новый указъ о лихоимствѣ.» (*)

Аббатъ *Мабли*, въ книгѣ своей, посвященной юному принцу *Пармскому*, ни къ селу ни къ городу, взявшись учить и переучивать Петра Перваго, говоритъ: «Государь! Ты увѣнчался славою безсмертною; свидѣтели Твоихъ необычайныхъ предпріятій едва вѣрятъ глазамъ своимъ, Ты подобенъ тѣмъ *сынамъ боговъ, которые нѣкогда вызвали людей изъ глубины дикихъ дремучихъ лѣсовъ*. Ты подобно древнему *Промевею* похитилъ огнь небесный для одушевленія *грубаго вещества*. Ты воздвигъ зданіе исполинское;

(*) Екатерина воцарилась 28 Іюня 1762, и того же года въ Октябрѣ мѣсяцѣ обнародованъ упомянутый указъ.

но на какомъ основаніи? Что, если оно сіяетъ только внѣшнимъ блескомъ? И не самъ ли *Мабли* проповѣдывалъ, что зданіе старинной Франціи должно срыть *до тла*? (*) и прежде его еще въ XVI столѣтіи сказано было о Франціи: «въ началѣ народной болѣзни можно отличить здоровыхъ отъ больныхъ. Но когда болѣзнь усилится, тогда все тѣло обхватывается заразою.» (**)

Сидя спокойно въ пріютѣ своемъ, легко перомъ строить и перестроивать замки на воздухѣ: такъ дѣлалъ и *Мабли*. Не нужно также говорить, что люди, по его мнѣнію, вызванные изъ *глубины дикихъ лѣсовъ*, предки наши; а *грубое вещество*, земля Русская.

Хотя Петръ Первый въ новое зданіе преобразовываемой Имъ Россіи вызвалъ Своихъ современниковъ не изъ глубины дикихъ лѣсовъ, но и въ этомъ зданіи кипѣла борьба закоснѣлыхъ предубѣжденій, вредившихъ и прежней землѣ Русской. Извѣстно, что Іоаннъ Грозный, еще 1550 года предписалъ *дѣтямъ боярскимъ* быть *безъ мѣстъ* съ *воеводами*. Но это было только въ военное время. Извѣстно, когда неопытный вождь Князь Семенъ Пожарскій растратилъ ввѣренные ему полки, Царь Алексѣй Михайловичъ усиливался искоренить заразу мѣстничества. Наконецъ: извѣстно, что Царь Ѳеодоръ

(*) Il faut tout refaire en France; «c'était la maxime favorite de Mably.»

(**) Опыты *Монтеня*, книга 3, гл. 9.

Алексѣевичъ предалъ *мѣстничество* проклятію и *случайныя* книги въ присутствіи Патріарха сжегъ 1682 года. Но мѣстничество снова откликнулось, и, по свидѣтельству историка *Татищева*, не унималось даже и при Петрѣ Первомъ, не взирая на то, что у Него все опредѣлено было по *заслугамъ* и по *чинамъ службы*. Борьба съ закоснѣлою и упорною спѣсью, борьба трудная. Хотя, какъ говоритъ пословица: «*спѣсь и не вводитъ въ добро.*» А сколько же такихъ борепій предстояло преобразователю Россіи!

Какъ бы то ни было: но если Петръ Первый по краткости вѣка, вмѣстѣ съ міромъ вещественнымъ не успѣлъ развить міръ нравственный и законодательный: то, какъ дѣлатель, водимый невидимою дланью Провидѣнія, Онъ исполнилъ призывъ Его.

Объясняюсь.

Петръ Первый родился въ исходѣ того столѣтія, когда землю Русскую посѣтилъ *первый двѣнадцатый годъ*, годъ великаго испытанія, когда дѣло шло о томъ: *быть или не быть землѣ Русской?* Едва вступилъ Онъ въ колыбель, тогдашніе люди ученые и люди безграмотные спрашивали другъ друга: *какой это дивной родился младенецъ?* Это былъ Петръ Первый, человѣкъ и Своего вѣка и нашего девятнадцатаго столѣтія. И въ этомъ показаніи нѣтъ никакой заносчивости мечтательнаго воображенія.

Спросимъ, *во первыхъ*: Для отраженія въ нашъ двѣнадцатый годъ нашествія Европейскаго что было нужно? Основательное знаніе военнаго

Европейскаго искусства. Кто же особенно проложилъ къ этому путь? Петръ Первый.

Во вторыхъ. Къ отраженію силы силою, что было необходимо? Устроеніе всѣхъ частей войскъ и доставленіе всевозможныхъ средствъ къ успѣшному ихъ дѣйствію. Кто же все это усовершенствовалъ? Петръ Первый.

Въ третьихъ. Къ возбужденію народнаго духа въ необычайную годину, что нужно? Одушевленіе духа народнаго. Но чѣмъ? Уваженіемъ къ этому духу. Кто же первый подалъ къ тому примѣръ? Петръ Первый. Отправляясь въ Персидскій походъ и поклонясь гробу Минина, Онъ первый въ осмнадцатомъ столѣтіи назвалъ его: «великимъ гражданиномъ земли Русской.»

Иной скажетъ, что все это было случайно. Не стану спорить. А я полагаю, что все это было дѣломъ Провидѣнія. И такъ тутъ только разница въ словахъ. Но вотъ въ чемъ проявляется истина историческая. Петръ всегда и вездѣ говорилъ: «*Да живетъ и да благоденствуетъ Россія!*»

Петръ о Себѣ не думалъ; а желаніе Его вполнѣ осуществилось въ нашъ двѣнадцатый годъ.

Двинулась вооруженная Европа въ Россію; горѣли города и селенія; горѣла Москва, завѣтное сердце Россіи. Но сила военная, устроенная и заготовленная Петромъ, дѣйствовала и отстаивала Отечество. Онъ далъ ей душу и новый полетъ. Ожилъ Петръ и въ другомъ отношеніи къ нашему Отечеству. Едва ли кончилась великая борьба и едва древняя Русская столица

проглянула изъ пепла пожарнаго, въ стѣнахъ обновленныхъ ея судовъ явилось зерцало Петра Перваго съ безсмертнымъ его изрѣченіемъ: *ничто такъ къ управленію государства нужно есть, какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ.*

Совершились неисповѣдимыя опредѣленія судебъ Провидѣнія надъ Россіей; совершился кругъ *двухъ вѣковъ.* Новое зрѣлище возникло предъ лицемъ вселенной. Вышла Европа изъ подъ знаменъ вождя нашествія и ополчилась на Него. Онъ палъ; онъ изгнанъ; и онъ снова явился въ предѣлахъ Франціи, но въ это время, какъ будто забывъ владычество свое, и какъ будто отдавая себя на судъ потомства, онъ изъ стѣнъ *Гренобльскаго* суда передалъ вѣкамъ слѣдующее изрѣченіе: «безсильны люди упрочивать будущность. Однѣ постановленія утверждаютъ судьбу народовъ.»

Думалъ ли Петръ Первый 1722 Апрѣля 17, повѣщая, что: «храненіе правъ гражданскихъ утверждаетъ государства?« Думалъ ли Онъ тогда, что слова Его повторятся исполиномъ девятнадцатаго вѣка? Но пальмы великой мысли принадлежатъ Петру Первому. Это животворная мысль почти за цѣлое столѣтіе до Наполеона сіяла уже на зерцалѣ.

II.

ПЕТРЪ ПЕРВЫЙ

и

ИСТОРИКЪ ТАТИЩЕВЪ,

Астраханскій Губернаторъ.

Вселенная была попираема тмою громоносныхъ завоевателей, приводившихъ въ удивленіе ужасомъ и опустошеніемъ; но сколько было на престолахъ истинныхъ благотворителей роду человѣческому? Титъ, Маркъ-Аврелій, Петръ Великій, Екатерина — число краткое, показующее сколь трудно, но и сколь славно, быть отцемъ народа.

Я. Б. Княжнинъ.

Давно у насъ доискиваются, кому принадлежатъ пальмы, осѣняющія судьбу человѣчества въ тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, когда нѣтъ явныхъ и очевидныхъ свидѣтельствъ къ обвиненію человѣка, и когда по недостатку доказательствъ, правосудіе держитъ вѣсы въ недоумѣніи? Кому принадлежитъ рѣшеніе этого важнаго въ законодательствѣ вопроса — Петру Первому или Екатеринѣ Второй? Доселѣ болѣе голосовъ было на сторонѣ послѣдней. Но такъ ли это? Увидимъ изъ разсказа. Для меня отысканіе подлиннаго источника, откуда истекло животворное слово для жизни че-

Примѣчаніе. О празднествѣ, о которомъ упомянуто въ разсказѣ, и данномъ Татищеву Азіятскими гостями, слышалъ я въ молодости моей отъ роднаго его внука.

ловѣчества, предпочтительнѣе головоломныхъ изслѣдованій и переслѣдованій о старшинствѣ и о туманномъ происхожденіи народовъ. Въ переходахъ народовъ дороги тѣ слѣды, гдѣ напечатлѣлась мысль, или гдѣ остались слова, способствующія къ благотворному созиданію обществъ человѣческихъ.

А потому и нужно вызывать изъ дали минувшаго событія, указывающія на тѣ мысли и слова, и въ то же время дающія средство представить въ своемъ свѣтломъ видѣ вопросъ нерѣшенный.

И слава тому, кто зоркимъ умомъ опредѣлилъ и рѣшилъ: какъ въ случаѣ сомнительномъ дѣйствовать приговорамъ закона? И въ разрѣшеніи этого обстоятельства Петръ Первый пожинаетъ вѣнокъ безсмертія. А *Татищевъ*, Губернаторъ Астраханскій, указываетъ на этотъ вѣнокъ. Клевета домогалась нагнать мрачныя облака на нашего историка: за то какой ясный лучь блеснулъ изъ нихъ къ засвидѣтельствованію правоты и невинности!

Вотъ какъ это было.

За недѣлю до 1724 года, въ обширной залѣ Азіятскихъ *гостей* начались какія-то необычайныя приготовленія. Полъ устилали разноцвѣтными, роскошными коврами *Персидскими*, стѣны обивали богатыми тканями. До Князя Таврическаго, въ прихотливый нашъ большой свѣтъ, не перешли еще ни диваны, ни шали. Но на Востокѣ и то и другое давно лелѣяло и нѣгу и роскошь. Шалями *Кашемирскими* гости Азіят-

скіе обвили *диванъ* и къ украшенію палаты истощили всѣ затѣи сказочнаго восточнаго воображенія. И не удивительно. Тутъ усердіе и любовь спорили о побѣдѣ. А любовь и усердіе великіе чародѣи.

Между тѣмъ, какъ и вездѣ водится, по городу витала какая-то молва неразгаданная. Одни полагали, что *гости* Азіятскіе ждутъ съ востока какого-то знаменитаго посѣтителя; другіе думали, что они сбираются праздновать какой нибудь изъ священныхъ дней своего *Алкорана*. Всѣ терялись въ догадкахъ и предположеніяхъ, что бываетъ и въ большихъ и въ малыхъ дѣлахъ, если отъ лицъ постороннихъ окидываютъ ихъ завѣсою тайны. Сильно дѣйствуетъ то неугомонное любопытство, которое такъ часто, бѣлое превращаетъ въ черное, а черное въ бѣлое.

Наконецъ, наканунѣ новаго года 1724, тайна объяснилась; и люди Астраханскіе вздохнули легко; бремя любопытства спало съ взволнованныхъ сердецъ. Гости Азіятскіе объявили Головѣ и почетнымъ гражданамъ, что они завтра, Января 1, будутъ праздновать день имянинъ *правосудительнѣйшаго* Губернатора Астраханскаго, Василія Никитича, за великія его къ нимъ милости и за любовь. При объявленіи тайны гости Азіятскіе пригласили на пиръ имянинный Голову и гражданъ почетныхъ. Въ тоже время старшина гостей Азіятскихъ съ людьми избранными изъ своего круга, отправились къ Губернатору, куда послѣдовалъ за ними Голова и граждане почетные.

«Господинъ Превосходительный Губернаторъ!» сказалъ старшина гостей Азіятскихъ: «подъ сѣнію высокоотеческаго твоего попеченія, мы живемъ какъ птенцы, подъ крыломъ орлинымъ. Это видитъ цѣлая Астрахань и объ этомъ знаютъ и въ нашей сторонѣ. Увѣнчай же, Превосходительный Господинъ Губернаторъ, вниманіе свое къ намъ, гостямъ Азіятскимъ! Мы положили единодушно праздновать завтра день имянинъ твоихъ; удостой насъ высокимъ своимъ посѣщеніемъ, этотъ день представитъ очамъ нашимъ и солнце твоихъ благодѣяній и сіяніе нашей къ тебѣ благодарности, также неизмѣримой, какъ и океанъ безбрежный: извѣстно также всѣмъ, что ты въ свой торжественный день, угощаешь милосердіемъ своимъ бѣдныхъ и убогихъ. Дозволь намъ принять на себя это дѣло, святое и по нашему Алкорану. Нашъ восточный мудрецъ *Гусганій* говоритъ: *громъ гремитъ по временамъ, а солнце свѣтитъ каждый день. За одинъ часъ гнѣвный, Богъ посылаетъ намъ тысячу неизрѣченныхъ благъ своихъ.* А въ Алкоранѣ сказано: *Богъ уравниваетъ полетъ вѣтра и съ слабымъ рукомъ агнца.*

«И ты, Г. Превосходительный Губернаторъ! и ты подъ свой щитъ берешь слабыхъ, убогихъ и нищихъ.»

Заблистали глаза у Головы Астраханскаго не отъ досады, не отъ зависти, но отъ радушнаго усердія. «Ужъ, какъ вы изволите, Ваше Превосходительство! По трапезы убогой братіи, Азіятскимъ гостямъ не уступимъ. Мы не отлучаемъ

васъ отъ ихъ угощенія. Они приготовились для праздника. Гости иноземные искони были у насъ въ чести. Но слыветъ у насъ поговорка, что: *въ одинъ день двухъ праздниковъ не бываетъ.* За что же у насъ все хотятъ отнять? Каждому свое. Имъ пиръ для тебя; а намъ угощеніе убогой братіи. А безъ того, Гг. гости Азіятскіе, мы не придемъ къ вамъ завтра.

«Согласенъ!» Вскричалъ старшина Азіятскихъ гостей. И онъ и Голова дружески обнялись. «Прекрасно!» сказалъ Василій Никитичъ: «прекрасно! Востокъ съ Сѣверомъ обнимается; это счастливый знакъ.»

Въ первый день 1724 года учредились въ Астрахани два пиршества: одно во имя небесной благодати для убогой братіи; другое въ честь и славу доблестей попечительнаго начальника. При торжественномъ молебствіи, вмѣстѣ съ Головою и почетными гражданами, были съ старшиною своимъ и гости Азіятскіе; различнымъ словомъ, но всѣ молились одному Богу. По выходѣ изъ церкви все двинулось въ Городскую Думу, гдѣ заготовлено было христіянское угощеніе. И подъ рубищемъ нищаго бьется сердце тою любовью, какой не знаетъ тщеславіе и гордыня, вжившіяся въ *самихъ себя* и пресмыкающіяся на землѣ для *самихъ себя.* Душевный привѣтъ убогой братіи встрѣтилъ имянинника.

Доброму человѣку вездѣ хорошо; и на чредѣ превосходительнаго и подъ соломенною кровлею земледѣльческою. Въ радости и въ горѣ, онъ спокойно смотритъ и на небо и на совѣсть свою и

на людей; для такого человѣка, что день, то праздникъ.

Азія, со всѣми очарованіями роскошнаго міра своего встрѣтила имянинника. Зала казалась какимъ то волшебнымъ чертогомъ, особливо въ то время, когда и у князей и бояръ едва стали переводиться скамьи дѣдовскія. Но и душа восточныхъ гостей не розпилась съ этимъ внѣшнимъ блескомъ, любо было нашему русскому историку, когда юный сынъ старшины гостей Азіятскихъ, смѣло подступя къ нему, громко провозгласилъ: «Господинъ Превосходительный Губернаторъ! Ты вчера сказалъ, а сегодня видишь, что въ очахъ твоихъ Востокъ радостно обнимается съ Сѣверомъ.»

Татищевъ поцѣловалъ витію. Старшина-угоститель просилъ и Василія Никитича и другихъ присѣсть и благосклонно выслушать продолженіе привѣтственной рѣчи сына его, «согласенъ,» отвѣчалъ Василій Никитичъ! Только, чтобъ тутъ не звучали похвалы мнѣ. Вы, Гг. гости Азіятскіе, перекинули меня вчера за облака. А я право человѣкъ простой.»

«Мой сынъ,» сказалъ старшина: «желаетъ поднесть тебѣ, Г. Превосходительный Губернаторъ, свой переводъ изъ нашего восточнаго мудреца *Саади*.»

«Радъ,» возразилъ Татищевъ: «радъ и слушать и принять такой подарокъ. Я люблю премудрость вѣковъ, гдѣ бы она не высказывалась.»

Юный Азіятецъ началъ чтеніе свое: «Однажды, говоритъ мудрый *Саади*: встревоженная моя

мысль облетала всѣ состоянія людей и мнѣ все представлялось въ какомъ то туманѣ не разгаданномъ. Измученный недоумѣніемъ, я задремалъ. И вдругъ вижу, что какой-то крылатый красавецъ устремился съ облаковъ, схватилъ за руку, перенесъ въ очаровательную рощу и скликалъ туда тучу различныхъ пернатыхъ. «Даю тебѣ даръ, сказалъ онъ: понимать ихъ говоръ, прислушайся. «И чтоже я услышалъ! Отъ орла до малиновки, отъ малиновки до орла, то въ слухъ, то шопотомъ, неслись перекоры, насмѣшки, ѣдкое подшучиваніе, злословіе.

«Молчите!» Вскричалъ Геній. Каждая изъ васъ получила свое. Но вы несмысленны. Стыдно только роптать человѣку, ему данъ умъ. Онъ можетъ исправлять себя и примѣромъ дѣлъ своихъ можетъ и другихъ вести къ лучшему.»

«Тутъ Геній бросилъ на меня взглядъ пытливый и скрылся, какъ будто призракъ эфирный.

«Вѣстникъ небесный! Вскричалъ *Саади*: я понялъ силу твоего взгляда. Да! Душевная жизнь обществъ человѣческихъ — *взаимное снисхожденіе другъ къ другу*. Откуда бы мы ни сходились, мы всѣ братья, мы всѣ дѣти одного Отца, мы здѣсь мимолетные путники, гости. А тамъ, за небесами лазурными, не спросятъ: *чѣмъ мы были — но что мы дѣлали*? И счастливъ тотъ, кто придетъ туда съ запасомъ добра и любви къ человѣчеству.»

Дивнымъ временемъ была первая четверть XVIII столѣтія! Франція, истощенная честолюбіемъ и расточительною пышностію Людовика XIV, видимо сходила въ могилу. Въ Австріи и

въ Англіи сила военная угасла съ Принцемъ *Евгеніемъ* и Герцогомъ *Мальборугомъ*, которые для личной славы, отжившей вмѣстѣ съ ними, не щадили человѣчества. Испанія исчезала подъ бременемъ борьбы за наслѣдство. Словомъ: въ обветшалой Европѣ XVIII вѣка, на зарѣ его, Петръ Первый и Россія, какъ будто дали ей порывъ новой жизни, или подвигали ее къ необычайному наблюденію. Европѣ казалось, что Петръ Первый мощною рукою выводитъ на всемірное зрѣлище какую-то область исполинскую, давно существовавшую, но еще не разгаданную Европою. И какъ быстро выходила сѣверная столица изъ болотъ вѣковыхъ и изъ лѣсовъ дремучихъ, къ удивленію народовъ и къ борьбѣ съ заливомъ, моремъ и океаномъ! На берегахъ *Сены*, на берегахъ *Темзы*, вездѣ, въ палатахъ и хижинахъ Европейскихъ велась рѣчь о Петрѣ, работникѣ *Сардамскомъ*; о Петрѣ—Царѣ и побѣдителѣ Карла XII; о Петрѣ—Императорѣ Россіи.

И на праздничномъ обѣдѣ въ первый день 1724 года, Петръ Первый былъ душою разговора. «Великолѣпіе Петра Перваго. говорилъ Василій Никитичъ: въ дѣлахъ его. На скромный домикъ Его смотритъ вселенная; Онъ въ стѣнахъ этого домика придумываетъ перестройку цѣлой Россіи. Много говорятъ о Петрѣ Первомъ; но многіе ли понимаютъ Его! Государь удостоиваетъ меня благосклонною рѣчью; и когда возвращался Онъ изъ Персидскаго похода, я, между прочимъ, сказалъ Ему,

что боюсь, чтобы *Ассамблеи* не ввели нашихъ баръ и дворянъ въ раззореніе. «Сами будутъ виноваты,» отвѣчалъ Государь: «цѣлый свѣтъ знаетъ, расточитель ли Я на пустые дрязги? Пусть Русскіе смотрятъ не на длинный Мой парикъ и не на французскій кафтанъ. Пусть смотрятъ они на то, что Я дѣлаю, развѣ не могъ послать кого бы захотѣлъ въ *Сардамъ* для плотничества корабельнаго! Развѣ нужно Мнѣ ковать желѣзо и брать за работу по три татарскихъ алтына, которые отмѣнилъ Я указомъ Моимъ, чтобы у насъ и духа не было ига монгольскаго. Развѣ, кромѣ Меня, нѣкому въ Россіи, подкинуть подметки подъ изношенные Мои сапоги! Богъ далъ мнѣ неутомимую жажду къ работѣ и труду, эта жажда ни свѣтъ ни заря поднимаетъ Меня точить паникадило для церкви или что другое; она гонитъ Меня рано по утру на работу въ Адмиральтейство, и на трудъ въ Сенатъ! Правду говоритъ Мой Преображенскій сержантъ *Кашинъ* въ сказаніи своемъ обо Мнѣ, что Мнѣ въ тотъ день не всласть и кусокъ хлѣба, когда не поработаю и не потружусь для Отечества. Вотъ къ чему пусть присматриваются и бояре и дворяне: будутъ любить трудъ и работу, не промотаются. А лѣнивцамъ и тунеядцамъ дай хоть горы золотыя, и тѣ выпырнутъ изъ рукъ ихъ. Я работаю; Я тружусь; Я желаю, чтобы и новая Россія жила работою и трудомъ. Видѣлъ Я зѣвакъ въ Парижѣ; видѣлъ мотовство и затѣи роскоши; съ этимъ не уѣдутъ далеко. Смѣшно Мнѣ показалось, что, впрочемъ умный Министръ

Торси, писалъ про Мой голубой кафтанъ и про Мои золотыя пуговицы. Но Меня веселило, когда съ этимъ Министромъ, послѣ Полтавскаго сраженія, нашъ *Курбатовъ*, бывшій въ Парижѣ съ Княземъ *Куракинымъ*, на его языкѣ словомъ и письменно спорилъ о взаимныхъ выгодахъ Франціи и Россіи. Радовало меня, когда *Веселовскій* и *Бестужевъ* не поддались Лондонскому Министерству и передъ лицемъ Великобританіи поддержали честь ума русскаго.

«Вотъ, продолжалъ Петръ Первый; вотъ чего Я желаю, французы называли нашихъ русскихъ *медвѣдями* и *неуклюжими увальнями*. Теперь эти медвѣди и увальни, во французскихъ кафтанахъ вертятся на *ассамблеяхъ*, это просто урокъ легкомыслію, чтобъ не судить о людяхъ по наружности. Правду сказать, нужно было старыхъ и спѣсивыхъ баръ чѣмъ нибудь сблизить. Но повторяю еще: это простая комедія. А все дѣло въ трудѣ и работѣ. Вотъ въ чемъ мнѣ нужны помощники и вотъ чѣмъ будетъ жить и поддерживаться Россія.»

Тутъ наливъ кубокъ и привставъ, Василій Никитичъ воскликнулъ: «За здравіе Государя Императора Петра Перваго именемъ и дѣлами; за здравіе отца Отечества, желающаго, чтобы Россія жила своею самобытною, своею трудовою жизнію. И да живетъ великій Государь сто и двадцать лѣтъ для окончанія намѣреній своихъ!»

И закипѣли кубки заздравные!

Среди общаго ликованія, старшина гостей

Азіятскихъ взялъ заздравный кубокъ и сказалъ Василію Никитичу: «по закону нашему вина пить не могу. Но цѣлую этотъ кубокъ, изъ котораго ты Г. Превосходительный Губернаторъ пилъ за здравіе Великаго Государя Императора, и да будетъ Онъ великъ и славенъ во всѣхъ краяхъ свѣта! Онъ, какъ солнце небесное, озаряетъ всѣхъ и каждаго, кто занятъ трудомъ полезнымъ. Онъ въ бытность свою въ Астрахани не обошелъ и насъ. Онъ знаетъ наше дѣло такъ, какъ будто-бы это Его дѣло. Онъ орломъ паритъ и подъ небосклономъ Россіи и подъ небосклономъ Азіи Онъ сближаетъ Востокъ съ Сѣверомъ. Цѣлую заздравный кубокъ за Великаго Государя Императора! И мы будемъ Его хранить изъ рода въ родъ!»

И всѣ гости Азіятскіе съ восторгомъ привѣтствовали кубокъ заздравный. Казалось, что тутъ была одна семья родная, не смотря на различіе племенъ и одеждъ. «Почтенный нашъ Градской Голова!» сказалъ Василій Никитичъ: «ты вчера намекнулъ, что въ одинъ день двухъ праздниковъ не бываетъ. Но для меня, кромѣ имянинъ моихъ, и другой праздникъ. 1704 года, въ этотъ самый день, покойный родитель мой благословилъ меня на службу. Помню и какъ будто теперь слышу умныя его рѣчи. Крѣпко завѣщаю тебѣ, говорилъ онъ: не отказывайся ни отъ какого положеннаго и возлагаемаго на тебя дѣла; и не набивайся самъ ни на какое дѣло. И все шло хорошо, когда я держался этому правилу. Когда же по умничанью затѣ-

валъ на что нибудь набиваться, все шло въ разладъ. Время тратилось по пустому; а неудача бѣситъ самолюбіе. Труденъ и путь жизни и путь службы. Трудно всегда уклоняться отъ происковъ коварства: но во всякомъ случаѣ, счастливъ тотъ, кто удомосѣдилъ у себя совѣсть и можетъ съ нею жить спокойно при шумѣ клеветы и гоненія. Были и на меня поклепы; очерняли и меня предъ лицемъ Государя. По доселѣ правота Его была мнѣ защитою. А что будетъ впредь? Это Богу извѣстно. Но между тѣмъ пойдемъ взглянуть на угощеніе убогихъ нашихъ братій.»

«И мы пойдемъ туда, вскричалъ старшина гостей Азіятскихъ: пусть и тамъ изъ заздравнаго кубка выпьютъ сладкимъ виномъ за здравіе великаго Государя.»

И какой былъ праздникъ для убогой братіи! Какой раздавался откликъ душевный! И онъ долеталъ далѣе береговъ Невы; туда, туда, куда долетаетъ голосъ любви и молитвы.

На другой день все пошло своимъ обыкновеннымъ порядкомъ, безъ торопливости и сбивчивости.

Мирно было въ домѣ Губернатора; спокойна была его душа. Но не то было и въ домѣ и въ душѣ богача, котораго знаю имя и не упоминаю его. Давно этотъ баловень слѣпаго счастія кипѣлъ противъ Василія Никитича завистію и злобою за то, что онъ былъ выше его на чредѣ чиновной и не уважалъ его богатство. На это у Татищева было свое правило. «Дру-

житься надобно съ тѣмъ, говорилъ онъ, кто любитъ правду, совѣсть и справедливость. Въ друзья выбирать должно такого человѣка, не разбирая ни знатности, ни породы, ни состоянія его. Нѣтъ нужды: богатъ онъ или бѣденъ! У богатыхъ много льстецовъ; лучше сближаться съ честнымъ бѣднякомъ. Неоспоримо и то, что *адамантовъ* и *фениксовъ* правды мало на свѣтѣ. Плуты и ненавистники, такихъ людей называютъ *чудовищами*, осуждая, что они не гнутъ спины ни предъ чинами, ни предъ богатствомъ.» (*)

Такимъ *чудовищемъ* былъ нашъ историкъ въ глазахъ богача Астраханскаго. Странное дѣло! Есть люди, твердо въ томъ увѣренные, что никогда отъ того или другаго богача ничего не получатъ, а все таки увиваются около него. У богатства магнитъ волшебный: этотъ-то магнитъ и затягивалъ въ домъ богача Астраханскаго раболѣпныхъ поклонниковъ. Въ слѣдъ за обѣдомъ, даннымъ Василію Никитичу гостями Азіятскими, закипѣлъ у него пиръ горою. Сперва о вчерашнемъ угощеніи поговаривали намеками, потомъ, съ разгуломъ бокаловъ, стали возглашать, что Губернаторъ Астраханскій не даромъ потворствуетъ гостямъ Азіятскимъ, и ведетъ съ ними дружбу. Дошло и до того, что пирующіе льстецы начали увѣрять, будто бы въ Астрахани людямъ Русскимъ нѣтъ отъ иноземцевъ никакой защиты. Цѣлую недѣлю у бо-

(*) Духов. завѣщ. Татищева, стр. 46.

гача кипѣли пиры и разгарались поклепы и клеветы на Василія Никитича.

Давнымъ давно сказано и опытомъ доказано, что зло летитъ на крыльяхъ, а добро бредетъ шагомъ черепашнымъ. Такъ было и въ бурѣ, вагнанной клеветою на Татищева. Подлые застольники богача золотомъ его разшевелили площадь и затянули на свою колею. Загремѣла молва, что Губернатору не миновать бѣды! Наконецъ до всѣхъ дошелъ слухъ, что ненавистникъ Татищева, съ расторопнѣйшимъ изъ повѣренныхъ своихъ, отправилъ на него доносъ въ Верховный Совѣтъ, въ которомъ изобличалъ его въ корыстолюбивомъ доброхотствѣ къ гостямъ Азіятскимъ. Ужаснулись эти добрые люди! Бросились они къ Василію Никитичу и со слезами говорили: «Прикажи, отецъ нашъ! позволь намъ ѣхать въ Петербургъ и упасть за тебя къ ногамъ Великаго Государя! Мы и головъ своихъ не пожалѣемъ.» «Спасибо вамъ, братцы! Но мнѣ не нужны ни ходатаи, ни стряпчіе. Что бы вы сказали, еслибъ я былъ кормчимъ, и взявшись вести васъ, куда слѣдовало, въ часъ грозной бури заботился бы только о личномъ своемъ спасеніи? Шумитъ буря на меня и на васъ: выждемъ спокойно, пока она пронесется. Грѣхъ и стыдно сомнѣваться въ прозорливой справедливости Петра Перваго. Чего вы испугались и о чемъ засуетились? Развѣ я хлопочу? Развѣ я тороплюсь отправлять въ Петербургъ нарочныхъ? Посланъ доносъ на меня и на васъ. Правда сама за себя по-

стоитъ. Она свѣтлѣе солнца. Но и на солнце набѣгаютъ облака. И такъ еще повторяю: потерпимъ, подождемъ; а будетъ то, что Богъ велитъ.»

Въ половинѣ Февраля 1724 года, изъ Верховнаго Совѣта доносъ на Татищева поступилъ на разсмотрѣніе Государя. Отличительное свойство превосходныхъ умовъ то, что они не только пользуются опытами жизни и уроками исторіи, но даже и изъ собственныхъ погрѣшностей своихъ извлекаютъ пользу и для себя и для другихъ. Послѣ измѣны хитраго и коварнаго *Мазепы*, Петръ Первый еще осторожнѣе сталъ въ разбирательствѣ всего того, что до Него доходило. А потому, не рѣша ничего по доносу на Татищева, Онъ, такъ сказать, сдѣлалъ его судьею въ его дѣлѣ, хотя дотолѣ и полагали, что въ собственномъ своемъ дѣлѣ никто не можетъ быть судьею. Подписавъ на доносѣ: «Справедливо ли сіе? Объясни.» Петръ Первый отправилъ доносъ къ нашему историку.

Съ нетерпѣніемъ ожидала Астрахань развязки по доносу. Пришелъ Государевъ запросъ и Василій Никитичъ немедленно пригласилъ къ себѣ старшину и гостей Азіятскихъ. «Молитесь Богу!» сказалъ онъ: «а я уже помолился! Праводушный Государь Императоръ спрашиваетъ у меня самого: справедливъ ли на меня доносъ?»

Тутъ показалъ онъ помѣтку Петра Перваго, старшина и гости Азіятскіе бросились цѣловать слова, начертанныя Государемъ и восклицали въ восторгѣ: «Великій! великій Государь!

Ему бы только управлять цѣлымъ свѣтомъ! Великъ Петръ Первый!» прибавилъ Василій Никитичъ. «Я могу сказать съ Давидомъ: *сей день его же сотвори Господь*! Довѣріе Монаршее увѣнчало всю жизнь мою. Счастливъ для меня былъ тотъ день, когда на полѣ Полтавскомъ я раненъ былъ подлѣ Государя, Который самъ все распоряжалъ подъ ядрами и пулями и когда по обыкновенію своему Онъ поцѣловалъ меня въ лобъ, поздравляя раненнымъ за Отечество. Счастливъ былъ тотъ день; но этотъ день довершаетъ мое блаженство. Государь предоставляетъ мнѣ право защитить мою правду, мою совѣсть: это дороже для меня жизни моей и свыше всѣхъ наградъ.»

Прекратится ли когда на лицѣ земли нашей борьба неправоты съ правдою? Не знаю. Но и въ кипѣніи этой борьбы опозоренная клевета терпитъ мучительную, нестерпимую пытку. Терзаясь неудачею, богачъ Астраханскій ночью спѣшилъ выѣхать изъ города. Клеветникъ страшился взглянуть и на свѣтъ и на людей, за то, какой праздникъ — торжество невинности! Но если по какимъ нибудь обстоятельствамъ и ей доводится терпѣть; то и тогда она счастливѣе ликующаго порока. У нее остается то завѣтное, святое сокровище, которое ни кто и ни что не можетъ отнять — чистая совѣсть и ясный взоръ на небо и для неба.

Татищевъ предложилъ объясненіе свое на основаніи *вѣры*, *совѣсти* и *присяги* своей.

«По вступленіи въ должность мою,» писалъ

онъ къ Петру Первому: «Я твердо положилъ въ умѣ моемъ хранить правосудіе, не льстясь ни какою личною выгодою, зная, что алчность къ обогащенію ведетъ къ пагубѣ и что неправедное собраніе прахъ. Богатство можетъ возвеличить на одинъ мигъ, но истязаніе совѣсти непрерывно. Особенно въ дѣлахъ Государственныхъ добросовѣстность необходима. Нѣтъ такой тайны, которая бы не открылась. Но если за мой собственный трудъ, что нибудь получаю, въ томъ не грѣшу ни передъ Богомъ, ни передъ Тобою, Государь праводушный! Иное дѣло *лихоимство*; иное дѣло *мзда*; а мзда, по слову святому, принадлежитъ дѣлающему.

«Въ слѣдствіе сего: въ началѣ судья долженъ смотрѣть на состояніе дѣла. Если онъ и ничего не возьметъ, но криво рѣшитъ, онъ виноватъ. А если къ нарушенію закона присовокупится корысть, тогда онъ сугубо виновенъ. Но если прилежаніемъ моимъ произведу дѣло законнымъ порядкомъ, то отъ правой стороны, могу принять благодарность, не подлежа осужденію.

«Буде же возмездіе за трудъ вмѣнится въ преступленіе, то изъ этого болѣе воспослѣдуетъ вреда и Государству и частнымъ людямъ.

«Ибо: за получаемое жалованье я долженъ работать только *до полудня*: но этого времени не достаетъ на рѣшеніе и нужнѣйшихъ дѣлъ. Послѣ же обѣда дѣлами я заниматься не обязанъ. Дѣла въ *канцеляріяхъ* должны рѣшаться по настольному *реэстру*. Случается же такъ, что

нѣсколько дѣлъ неважныхъ, *впереди* дѣлъ, требующихъ немедленнаго исполненія; а иначе проситель и истецъ могутъ потерпѣть убытокъ на нѣсколько тысячь рублей. Астрахань особенно городъ торговой. Въ ней непрестанное движеніе денежныхъ и торговыхъ оборотовъ.

«Если въ такихъ настоятельныхъ случаяхъ прибѣгнутъ ко мнѣ, то я употреблю то время, котораго я полный хозяинъ. Иные послѣ обѣда рыскаютъ со псовою охотою по полямъ; другіе пируютъ; третьи играютъ въ карты, иногда до глубокой ночи. Въ удаленіи отъ всѣхъ увеселеній, я не только днемъ, но и ночью работаю для пользы Русскаго и иноземнаго купечества; за что и беру слѣдуемую мнѣ награду. Доносчикъ богатъ и можетъ сорить деньгами по прихоти своей: на это его воля. Я не богатъ и дорожу своимъ временемъ: это моя собственность. Во всемъ показанномъ безъ всякаго смущенія совѣсти признаюсь я и предъ Богомъ и предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ! Но если я пропустилъ, что либо по *реэстру* и не исполнилъ чего нибудь узаконеннаго: повели, Государь, изслѣдовать и предать меня суду.» (*)

На это объясненіе Петръ отвѣчалъ собственноручно: *все сіе правда и для совѣстныхъ судей невинно; токмо не безопасно позволить, чтобъ подъ тѣмъ доброхотствомъ принужденнаго не было, но лучше многихъ виновныхъ помиловать закономъ, нежели наказать одного невиннаго.*» (**)

(*) Смотр. Духовн. завѣщ. Татищева.

(**) Я видѣлъ этотъ драгоцѣнный памятникъ у Василія Ефремовича, внука Татищева.

Полагаютъ, что Екатерина Вторая выразила эту мысль такимъ образомъ: «лучше простить девять преступниковъ нежели наказать одного невиннаго.»

Какъ бы то ни было, но мысли, охраняющія человѣчество, должны сіять выше всѣхъ превозносимыхъ торжествъ на скрижаляхъ лѣтописей народовъ. *Вольтеръ* пишетъ, что изъ двухъ сотъ сраженій XVIII вѣка, полезно было одно только сраженіе *Полтавское*. И замѣтьте, что онъ это сказалъ 1759 года. А сколько послѣ того было и сраженій мелочныхъ и битвъ исполинскихъ, разливавшихся огненнымъ потокомъ отъ истока *Рейна* до береговъ *Океана*; гремѣвшихъ на вершинахъ *Альпійскихъ* и за ними; перелетавшихъ въ *Египетъ* и *Азію*: и гдѣ плоды этихъ разлетныхъ и битвъ и побѣдъ? Ихъ какъ будто и не было.» 1797 года говоритъ *Тьеръ*: слава юнаго Бонапарта отразилась на цѣлой Франціи и казалось, что Франція достигла высшей чреды славы своей, но это былъ одинъ мигъ! И эти мгновенія существуютъ и въ общей жизни народовъ и въ частной жизни людей.»

Мгновенія торжествъ исчезаютъ вмѣстѣ съ шумомъ восторженныхъ рукоплесканій: но все то, что относится къ жизни человѣчества переходитъ изъ вѣка въ вѣкъ. Не исчезло въ этомъ переходѣ изрѣченіе Петра Перваго, относящееся къ внимательному разбору и изслѣдованію трудныхъ обстоятельствъ, когда и самой зоркой проницательности предстоитъ недоумѣніе.

Подарилъ Петръ Первый Татищева довѣрен-

ностію душевною; за то и историкъ нашъ не остался у Него въ долгу, когда не стало Преобразователя Россіи и когда завязались пересуды о предпріятіяхъ и узаконеніяхъ Его, Татищевъ отстаивалъ умнымъ перомъ каждый Его шагъ и высказывалъ причины, отъ чего что не было дополнено или и вовсе не состоялось.

Начнемъ съ земли, питающей человѣка и все то, что служитъ къ его пользѣ. Еще при Іоаннѣ Грозномъ на основаніи *сто четвертой статьи* Судебника, повелѣно было учинить размежеваніе, и у тѣхъ, у кого окажется земли свыше ихъ службы, раздать неимущимъ. Извѣстно, что тогда дворянамъ служащимъ, вмѣсто жалованья, давали земли. Татищевъ замѣчаетъ, что тогдашній землемѣръ зналъ геометрію съ вычетами плоскостей. Но тѣ межевыя сказки истреблены Московскимъ пожаромъ при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ 1616 года. 1627 года сочинены были писцовыя книги земель всего Государства; но это дѣло производилось людьми, не знавшими геометріи и даже безграмотными. Петръ Первый намѣренъ былъ издать новый межевой уставъ, «но, прибавляетъ Татищевъ: за посылкою *сочинителя* по другому нужному дѣлу, уставъ не состоялся. Припомнимъ здѣсь, что даже и послѣ такъ называемаго *генеральнаго* или общаго размежеванія при Екатеринѣ Второй, все еще осталась спорная *черезполосность*.

Былъ указъ при Петрѣ Первомъ, предписывавшій, что: «кто не право бьетъ челомъ, съ того столько же взыскать, сколько не право онъ искалъ.»

И этотъ указъ остался въ безгласности.

Это не удивительно, говоритъ Татищевъ: «Петръ Великій весьма жалѣлъ, видя, что во время военныхъ безпокойствъ и отлучекъ Его, нѣкоторые указы были выданы въ запутанномъ смыслѣ. Въ слѣдствіе чего, Государь повелѣлъ разсмотрѣть всѣ существовавшіе указы и *строптные*, не согласные съ другими, отмѣнить.

Упоминаетъ также Татищевъ, что когда безсовѣстные судьи перетолковывали указы по своимъ выгодамъ, тогда для поясненія исполненныхъ указовъ или для сочиненія новыхъ, приглашали въ Сенатъ членовъ изъ всѣхъ коллегій и перевершали снова дѣло.

Такъ было при Петрѣ Первомъ. Но вскорѣ по смерти Его, говоритъ Татищевъ: и особенно въ царствованіе юнаго Петра Втораго: «безсовѣстные сребролюбцы или по самолюбію, или по невѣжеству, презрѣвъ пользу своего Отечества, сперва потаенно, а потомъ явно, подъ различными предлогами нагло ниспровергли многія благія учрежденія покойнаго Государя. И такъ, чтобы вновь открыть двери на тѣ пути, которыми Петръ хотѣлъ вести наше Отечество къ прочному и твердому благоустройству, (*) прозорливый Петръ Первый самъ повѣстилъ 1722 года Апрѣля 17, что всуе писать законы, если ихъ не исполняютъ.» Въ томъ же указѣ Онъ говоритъ, что «ябеда и пронырство сильно и при жизни Его подкапывались подъ зданіе

(*) Смотр. Духовн Завѣщаніе Татищева, стр. 32.

правды.» Съ этого достопамятнаго года, то есть, съ 1722, упрочиваніе законодательства было главною Его цѣлью. Но ранняя Его кончина оставила новую Россію, такъ сказать, на чредѣ еще младенческаго бытія.

Нѣтъ Петра Перваго; но мы слышимъ безсмертное Его слово: *лучше многихъ виновныхъ помиловать закономъ, нежели одного невиннаго наказать.»* Это вѣнецъ мысли Петра Перваго; незабвенныхъ достоинъ пальмъ и историкъ Татищевъ за сохраненіе этого умственнаго вѣнка.

III.

ПОХОДЪ

Князя Юрія Владиміровича

ДОЛГОРУКАГО

ВЪ ЧЕРНОГОРІЮ.

(Отрывокъ изъ собственноручныхъ его записокъ).

Провидѣніе путеводительною звѣздою блеститъ надъ вами и освѣтляетъ пути жизни вашей, часто омрачаемые внезапнымъ туманомъ.

(*Духъ древнихъ народовъ*).

1769 года воспослѣдовало движеніе къ первой Турецкой войнѣ. Князь Юрій Владиміровичь *Долгорукій* просился въ армію. Екатерина Вторая удержала его. Въ это время, подъ предлогомъ болѣзни, Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ находился въ Италіи. Предположенія и догадки всегда были пищею молвы разлетной. Разсказывали, будто бы Графъ Орловъ отправилъ изъ *Ливорны* въ Россію какую-то таинственную дѣвицу, о чемъ, по обыкновенію своему, заграничныя вѣдомости много надѣлали шуму, выдумывая романическія приключенія. Объѣзжая на досугѣ Италію, Графъ Орловъ завернулъ въ ту Венецію, гдѣ въ нашъ вѣкъ поэтъ *Байронъ*, витая воображеніемъ по волнамъ Адріатики при лунномъ сіяніи, переселялъ въ живую мысль вдохновенія *романтическія*. Но въ послѣднюю половину XVIII столѣтія не воображеніе, а звонкость скликала со всѣхъ сторонъ хитрецовъ и пронырь, которые, какъ будто съ заповѣдными товарами политиче-

скими, прокрадывались туда, куда заманивала ихъ корысть и протирались къ тѣмъ лицамъ, которые на чредѣ своей ловили пищу для разгула честолюбія. Нашлись такіе удальцы изъ Славянъ Венеціянскихъ. Не одного Наполеона очаровывала слава, вызываемая изъ глубины вѣковъ новыми подвигами отважными. И въ вѣкъ Екатерины Второй возрожденіе той очаровательной *Эллады*, гдѣ хитрый *Филипъ*, пожиная лавры побѣдъ, смирялся передъ витійствомъ *Демосѳена*; словомъ: откуда подъ всѣ небосклоны Европейскіе блеснулъ свѣтъ наукъ и искусствъ, и гдѣ даже и развалины дышутъ еще жизнію завѣтною: и въ вѣкъ Екатерины мысль о возстановленіи древней Греціи двигала умы и души. А потому продавцамъ мнимыхъ тайнъ политическихъ не трудно было внушить Графу Орлову: «будто бы *Славяне Венеціянскіе* негодуютъ на гордыню аристократіи Венеціянской, и будто бы сосѣди ихъ, Черногорцы, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ того радостнаго дня, когда ударитъ для нихъ желанный часъ свободы.»

Еще повторяю: не одинъ Наполеонъ изъ настоящаго залеталъ исполинскою мыслію вдаль минувшаго для вызова оттуда новой жизни въ настоящемъ и въ потомствѣ. Въ этомъ стремленіи духа и Екатерина Вторая ни кому не уступала. Открывалось и для Графа Алексѣя Григорьевича Орлова поприще блистательное; поприще, на которомъ могъ онъ сочетать имя свое и на волнахъ морскихъ и на сушѣ съ име-

нами героевъ древней Греціи — *Ѳемистокла* и *Мильтіада.* Кого не очаруетъ восхитительная мысль, что мимолетная жизнь смертнаго перейдетъ въ вѣка отдаленные, въ лѣтопись всемірную! Пылая надеждою быть возстановителемъ древней Греціи, Графъ Орловъ умолялъ и убѣждалъ Императрицу, немедленно отправить флотъ въ *Архипелагъ*, но съ тѣмъ, чтобы въ числѣ сподвижниковъ его былъ Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій, а безъ того, признавался онъ откровенно, что никакъ не согласится принять начальства.

Князь Ю. В. Долгорукій былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ людей того времени. Пріятно и свободно объяснялся онъ на нѣсколькихъ языкахъ и обладалъ глубокими свѣдѣніями во всѣхъ отрасляхъ наукъ. По скромности рѣдко давалъ онъ полетъ мысли своей; но за то каждое его слово ознаменовывалось силою и оставалось въ памяти слушателей. Въ юности моей имѣлъ я счастіе быть въ числѣ его Адъютантовъ и жилъ у него въ домѣ; насъ молодыхъ *Адъютантовъ* собиралось къ нему человѣкъ до шести и болѣе. Князь любилъ слушать наши разговоры и если кто усиливался блеснуть остроуміемъ, онъ говорилъ съ улыбкою: «Послушайте, что онъ говоритъ: вѣдь онъ насмѣшитъ людей.» Память у него была обширная. 1824 года ему было уже за сто лѣтъ, а онъ разсказывалъ о всѣхъ подробностяхъ семилѣтней войны, какъ будто на канунѣ возвратился съ полей битвъ. Онъ пережилъ все свое семейство, но не

пережилъ напоминанія о своемъ вѣкѣ, онъ умеръ съ тою любовію къ Отечеству, которая была постоянною спутницею на всѣхъ поприщахъ его службы. Въ этомъ чувствѣ столѣтній старецъ былъ пламеннымъ юношею.

Въ слѣдствіе извѣстія Графа Алексѣя Григорьевича *Орлова*, составилась тайная *Экспедиція*, для отправленія къ берегамъ Италіи. Главою ея назначенъ былъ Князь Ю. В. Долгорукій, подъ именемъ купца *Барышникова*. Получа изустныя наставленія отъ Императрицы, Князь вышелъ изъ кабинета, а Графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ вынесъ къ нему Аннинскую ленту и сказалъ: «Императрица дозволяетъ вамъ ее надѣть, и даетъ вамъ двадцать тысячь рублей.» Закипѣлъ въ сердцѣ Князя Юрія жаръ любочестія, и онъ отвѣчалъ: «Не возьму ни ленты, ни денегъ, а званіе купца приму на себя въ той только надеждѣ, что буду чѣмъ нибудь полезенъ отечеству.»

По прибытіи своемъ въ Италію, Князь Юрій встрѣтилъ Графа Орлова въ *Пизѣ* и вручилъ ему бумаги отъ Императрицы. Во всѣхъ такъ называемыхъ тайныхъ экспедиціяхъ или попыткахъ, главное затрудненіе въ томъ, что люди посвященные въ тайныя предпріятія, остаются людьми недѣйствующими, и какъ будто ощупью идутъ за главными лицами; такъ и тутъ было. Ждали войска; ждали флота. Но флотъ будто бы для починки, простоялъ семь мѣсяцовъ у береговъ Англіи. Это былъ только предлогъ. А дѣло было въ томъ, что начальникъ той эскад-

ры, хладнокровно ожидая перемѣны обстоятельствъ, повторялъ: *Авось! обойдется все и безъ насъ! Авось помирятся.* Но — *авось* въ политикѣ, говоря словами *Суворова*, тоже, что и авось въ военныхъ предпріятіяхъ. Это призракъ и оборотень неуловимый.

Туманною завѣсою окинуто было поприще Князя Юрія. Идти на борьбу съ владычествомъ Оттоманскимъ и съ тревожною подозрительностію Аристократіи *Венеціянской*: Это не бездѣлица и не шутка! Но по не разгаданному стремленію духа человѣческаго, чѣмъ запутаннѣе, чѣмъ затруднительнѣе обстоятельства, тѣмъ сильнѣе кипитъ и мысль, готовая сразиться съ ними. Назовутъ ли этотъ порывъ самолюбіемъ? Можетъ быть. Но это самолюбіе не холодная гордыня. Самолюбіе борется съ обстоятельствами, а гордыня тѣшитъ себя, уничижая людей. Князь Юрій никогда не увлекался этимъ мертвымъ чувствомъ. А потому, какъ увидимъ, онъ и съ самыми ограниченными средствами выручалъ изъ явной бѣды и себя и другихъ, то есть, товарищей романтическаго его похода.

И дѣйствительно, это былъ походъ *романтическій*. Князь Юрій безъ пушекъ и безъ штыковъ въ видѣ Русскаго купца шелъ вѣстникомъ возстанія одной отрасли Славянъ и возрожденія Греціи. Передовой его отрядъ, состоявшій изъ двадцати шести Славянскихъ удальцовъ, сбѣжавшихся съ различныхъ сторонъ Италіи, поспѣшилъ въ *Семигалію* къ *Драговичу*, чтобы распускать подъ рукою таинственную молву о ско-

ромъ приходѣ Русскихъ. А между тѣмъ начальникъ экспедиціи съѣздилъ въ *Анкону* къ *Марущію* за той волшебной *звонкостью*, которая движетъ всѣ разряды нашего міра.

Должно упомянуть здѣсь, что въ отрядѣ Князя былъ Маіоръ *Розенбергъ*, который потомъ въ чинѣ полнаго Генерала, 1799 года отразилъ въ горахъ Швейцаріи *Массену* и поразилъ *Лекурба*. Письмоводителемъ при *экспедиціи* былъ *Миловскій*. Отважную дружину велъ въ *Черную-Гору* Черногорецъ, служившій Капитаномъ въ Россіи. Вторымъ же лицомъ былъ Графъ *Войновичь*, подданный Венеціянскій. Тутъ же находились еще два гвардейскіе офицера.—Дворецкій Князя и слуга—Италіянецъ *Лукезини*, плутъ записной и изворотливой. «Вотъ, говоритъ Князь Юрій, вотъ все мое войско, съ которымъ я отправился на *Семигальскую* ярмарку.»

Труденъ былъ переходъ черезъ горы; несли на себѣ свинецъ, порохъ, и подъ этою ношею вскарабкивались на горы, пробивались черезъ стремнины и пропасти, уцѣпляясь за терновникъ. «Смерть, прибавляетъ Князь Юрій, была передъ нами, около насъ и подъ нами. Наконецъ съ руками, исцарапанными и окровавленными, наши герои вошли въ деревню *Черницу*, откуда начальникъ экспедиціи повѣстилъ сборъ Черногорцамъ въ Цетинѣ, гдѣ были Архіерей и Губернаторъ. Быстрою молніею разлетѣлась повѣстка по селеніямъ Черногорцевъ. Воздухъ оглашался громкими кликами. «Наши братья Славяне идутъ насъ спасать!» На другой же

день толпы Черногорцевъ поспѣшили къ Князю Юрію, выслушали манифестъ, присягнули въ вѣрности Императрицѣ Екатеринѣ Второй и поступили подъ развѣвавшееся знамя двуглаваго орла. Но флотъ все еще медлилъ. Закипѣли происки. Венеціяне, прислуживаясь Портѣ Оттоманской, вездѣ домогались раскидывать сѣти дружинѣ Русской и даже покушались отравить нашихъ, подкупя слугу Италіянца. Наконецъ, тогдашнее правительство Турецкое повѣстило, что тотъ получитъ *пять* тысячь червонныхъ, кто представитъ Князя Юрія живаго или мертваго. Посулъ обольстительный заглушилъ въ сердцахъ Черногорцевъ откликъ независимости и уничтожилъ присягу. Умысливъ захватить и продать Князя Юрія, они подъ разными предлогами домогались отдалить отъ него стражу Славянскую. Князь и сопутники его рѣшились бѣжать. Графъ *Войновичь*, нарядясь въ Турецкую одежду, нанялъ лодку. Опасенъ былъ входъ въ Черногорію, но еще труднѣе былъ оттуда ночной выходъ. Изъ стремнинъ и пропастей, опытный проводникъ, какъ будто выносилъ дружину на рукахъ. Заря утренняя встрѣтила ее на берегу моря. Славянскій Патріархъ, укрывавшійся отъ преслѣдованія Турокъ съ нѣсколькими Архимандритами, упросилъ Князя взять его съ собою. «Въ это время, говоритъ сочинитель записокъ: «насъ окружали четыре непріятеля: Черногорцы, Венеціяне, Турки и берега моря Адріатическаго.»

IV.

ЧЕШЕНСКІЙ БОЙ,

ОПИСАННЫЙ

Княземъ Юріемъ Владиміровичемъ

ДОЛГОРУКИМЪ.

Прервавъ слово свое, говоренное въ Петропавловскомъ Соборѣ, въ присутствіи Екатерины II, по случаю побѣды подъ *Чесмою*, Митрополитъ Платонъ быстро подступилъ къ гробницѣ Петра I, и ударивъ три раза жезломъ своимъ, воскликнулъ: «Возстани Петръ! Возстани, говорю Тебѣ, зри трофеи и лавры, Твои корабли, Твой флотъ торжествуютъ подъ Чесмою. Екатерина славу побѣды Своей повергаетъ къ Твоимъ стопамъ.»

Вотъ собственный разсказъ нашего Героя о боѣ Чесменскомъ.

«Послѣ многихъ походовъ и переходовъ, я отправился къ Графу Алексѣю Григорьевичу Орлову; а флотъ пустился искать славы въ Архипелагѣ, оставя одинъ корабль и фрегатъ, на которомъ я съ братомъ моимъ отплылъ въ Морею. Появленіе флота Русскаго нагнало на Турокъ сильной страхъ. *Паваринъ* сдался горсти Русскихъ и Грековъ. Нашихъ было только двѣнадцать человѣкъ. Вскорѣ подоспѣлъ къ намъ Адмиралъ *Эльфистонъ* съ тремя кораблями и присоединился къ прежнимъ нашимъ шести линейнымъ кораблямъ. Было также у насъ и нѣсколько фрегатовъ. Потомъ долетѣла до насъ

вѣсть, что въ море вышли шестнадцать Турецкихъ кораблей и множество различныхъ судовъ. Составился совѣтъ, на которомъ были два Графа *Орлова*, Контръ-Адмиралъ *Спиридовъ*, Капитанъ нашего корабля *Грейхъ* и я; начинали колебаться. Но мы съ *Грейхомъ* рѣшительно сказали, *должно плыть къ Турецкому флоту и напасть на него.* Долго мы боролись; наконецъ настойчивость наша увѣнчалась успѣхомъ. Мы вовлекли въ наше мнѣніе Графа Алексѣя Григорьевича. Грейхъ былъ мореходецъ искусный, опытный, умный и чрезвычайно распорядительный. Онъ разставилъ нашъ флотъ такимъ образомъ: три корабля въ авангардѣ подъ начальствомъ Адмирала: 1) *Европа*; 2) *Евстафій*, на которомъ былъ Спиридовъ и Графъ Ѳедоръ Григорьевичъ Орловъ; 3) *Януарій*; *Коръ де Баталь*: 1) *Трехъ Святителей*, 2) *Три Іерарха*, 3) *Ростиславъ*, въ арріергардѣ, Адмиралъ *Эльфистонъ*. Корабли: 1) *Не тронь меня*; 2) Осмидесяти пушечный *Всеволодъ*, 3) *Саратовъ*. Кораблямъ предписано было идти одному за однимъ, на пистолетный выстрѣлъ отъ непріятеля и ложась въ *линію* производить пальбу.

«Накануне сраженія *Грейхъ* убѣждалъ меня принять начальство на кораблѣ *Ростиславѣ*. На этотъ вызовъ я отвѣчалъ смѣючись: *вѣдь я не морякъ*. Наконецъ уступя сильнымъ убѣжденіямъ его, я переѣхалъ на корабль *Ростиславъ*, куда послѣдовали за мною Генералъ *Паленъ*, Подполковникъ *Перенъ* и еще нѣкоторые другіе. На другой день мы увидѣли Турецкій флотъ на

якорѣ между островомъ *Хіо* и Азіятскимъ берегомъ. Корабль *Капитанъ Паши* въ той же линіи на правомъ крылѣ флота.

«Загремѣлъ знакъ къ нападенію. Корабль *Европа*, перешедъ на надлежащее разстояніе, поворотился вдоль Турецкаго флота съ пальбою, за нимъ двинулся *Евстафій*, а потомъ *Януарій*. Ставъ предъ Капитанъ Пашинскимъ кораблемъ, *Януарій* встрѣтилъ мѣль и опасаясь сѣсть на нее, повернулъ назадъ. Тоже предпринималъ и *Евстафій*, но паруса его были повреждены и его наклонило на корабль Капитанъ Паши. Въ это время Адмиралъ Спиридовъ и Графъ Ѳедоръ Григорьевичъ Орловъ сѣли въ шлюбку и погребли къ фрегату, стоявшему въ отдаленіи отъ флота. Въ слѣдъ за Спиридовымъ не поспѣлъ сынъ его, а за Графомъ Ѳедоромъ Григорьевичемъ задушевный другъ его Князь *Козловскій*. Капитанъ Крузъ на послѣдней шлюбкѣ своей, отправилъ Адмиральскаго сына къ Графу Алексѣю Григорьевичу прокричать *ура*! то есть: поздравить со взятіемъ Турецкаго корабля. Горестно было это *ура*! перескочивъ на корабль, наши встрѣтили дымъ, клубившійся съ низу. Бросились назадъ, пламя обхватило корабль Турецкій. Не со страхомъ, но объятые изумленіемъ, наши сподвижники ожидали жребія своего. И вдругъ съ Турецкаго корабля на нашъ корабль съ трескомъ рухнулась мачта. Съ быстротою молніи полетѣли и посыпались отъ нее искры въ пороховую камеру, открытую во время боя. Мгновенно корабль нашъ взлетѣлъ на воздухъ. Спаслись только Ка-

питанъ *Крузъ* и еще четыре человѣка. Всѣ прочіе погибли, въ томъ числѣ и Князь *Козловскій*, воспѣтый Творцемъ Россіяды и извѣстный произведеніями пера своего. Вѣроятно что Турки въ неизбѣжной крайности готовили погибель и себѣ и намъ.»

«Между тѣмъ закипѣло дѣйствіе *Коръ-дебаталь*, корабль *Трехъ-Святителей* первый прошелъ сквозь Турецкую линію. *Три Іерарха* и *Ростиславъ*, повернувъ противъ Турецкаго флота, двинулись къ нему какъ можно ближе и огромляли его пальбою, флотъ Турецкій, отрубя якори, стремительно и въ чрезвычайномъ разстройствѣ ринулся въ глубокій бассейнъ при Чесмѣ. А нашъ авангардъ, убавляя паруса, прибылъ уже тогда, когда обложили упомянутый бассейнъ. Во время сраженія, онъ далеко былъ отъ насъ и изъ одного хвастовства палилъ на воздухъ изъ пушекъ. А потому *Рюльеръ* и другіе иностранные писатели, несправедливо говорятъ, будтобы слава Чесменскаго боя принадлежитъ Англичанину *Елфистону*. Онъ былъ зрителемъ этой огненной трагедіи, а не дѣйствующимъ лицомъ. Онъ сражался съ воздухомъ и воздушными замками, а не съ флотомъ Оттоманскимъ.»

«При взрывѣ Евстафія, казалось, что и душа Графа Алексѣя Григорьевича вырывалась изъ груди его, сильно взволнованной печальной мыслію, что море поглотило брата его Ѳедора Григорьевича; въ этомъ сердечномъ порывѣ горести онъ бросилъ на палубу табакерку съ бриліантами и вскричалъ: ахъ! *братъ! братъ любезный!*

и слезы брызнули изъ очей его. Но вдругъ явился сынъ *Спиридова* съ извѣстіемъ, что и Графъ Ѳедоръ Григорьевичъ и отецъ его живы. Восхищенный вѣстію, Графъ А. Г. позвалъ меня къ себѣ и мы пустились отыскивать Гр. Ѳ. Г. Флотъ Турецкій не думалъ тревожить насъ. Свѣтлое, спокойное море, въ которомъ очаровательно отражался волшебный небосклонъ Греціи какъ будто приглашало насъ не на бой, а на пиръ. Не стану описывать свиданія двухъ братьевъ; у кого горячо бьется въ груди сердце родственное, тотъ и безъ меня пойметъ то мгновеніе. Братья бросились въ объятія другъ друга, плакали, рыдали и слышно было: *братъ! любезный братъ!* тутъ же обнялись они и съ нашимъ Адмираломъ, на груди котораго былъ большой образъ.»

«Снова поговоря съ *Грейхомъ*, мы немедленно оснастили четыре *брандера* (*) и ночью, подъ прикрытіемъ корабля *Европы*, *Колкачевъ* вплылъ въ бассейнъ и сблизился съ Турецкимъ флотомъ. Грозная туча сгущалась надъ флотомъ Оттоманскимъ. Мы встрѣтили его въ такомъ суматошномъ расплохѣ, что иной корабль стоялъ къ намъ кормою. Нѣсколькими выстрѣлами *брандскугельными*, отважный Колкачевъ сжегъ Турецкій флотъ до тла. Изъ четырехъ *брандеровъ* одинъ *брандеръ* Ильина сцѣпился съ фланговымъ Турецкимъ кораблемъ. Разъѣзжая съ Грейхомъ на шлюбкѣ, мы увидѣли на разсвѣтѣ, что одинъ только корабль *Родосъ* уцѣлѣлъ. Онъ тотчасъ

(*) Зажигательныя суда.

былъ взятъ и отведенъ въ Русскій флотъ, гдѣ громкое *ура*! оглашало небосклонъ Греціи. Домогались вытащить и другой корабль, но съ сосѣдняго сгорѣвшаго корабля упала на него мачта.»

«Ужасно, неописанно было зрѣлище въ Чесменскомъ портѣ! И Азія и Европа видѣли пламя, пожиравшее флотъ Оттоманскій: и Азія и Европа слышали ужасные громы отъ взрыва кораблей Турецкихъ. Кровь смѣшалась съ волнами морскими; обгорѣлые трупы и дымящіеся корабельные обломки, до того затѣсняли портъ, что едва можно было пробираться и на шлюбкѣ.»

ЗАМѢЧАНІЕ

о Князѣ

ТАВРИЧЕСКОМЪ.

«Вы кратки; вы вѣчны! цѣлебное мое отъ ранъ близъ васъ»

Письмо Суворова къ Князю Потемкину 1788 г.

Родина Князя Потемкина село *Чижево*, въ семи только верстахъ отъ села *Сутокъ*, бывшаго помѣстья моихъ отцовъ. Прадѣдъ мой и дѣдъ были въ связи съ его домомъ. Все то, что предлагаю о юныхъ его лѣтахъ, слышалъ я на родинѣ моей. О бытности Князя въ Московскомъ Университетѣ передалъ мнѣ поэтъ *Е. И. Костровъ*, соученикъ и другъ юности Григорія Александровича. О посылкѣ *Баура* въ Парижъ, частію разсказывалъ мнѣ племянникъ его И. П. Высоцкій, а остальными подробностями дополнилъ В. В. Энгельгардтъ, подъ начальствомъ котораго служилъ я въ Земскихъ Смоленскихъ войскахъ. Наконецъ о послѣднихъ дняхъ его жизни сообщилъ мнѣ мой родственникъ, Григорій Богдановичъ Глинка, находившійся тогда при Князѣ.

Обращаюсь къ нынѣшнимъ сужденіямъ объ этомъ неразгаданномъ еще человѣкѣ.

Лирикъ Державинъ называетъ Потемкина: «Великолѣпнымъ Княземъ Тавриды.» Но въ чемъ состояло его великолѣпіе? У него нигдѣ не было, такъ сказать, постояннаго пріюта. Въ Таврическомъ дворцѣ онъ былъ заѣзжимъ гостемъ. А родина его село *Чижево*, доселѣ осталось въ скромной своей простотѣ. Тамъ превращена только въ каменную бесѣдку та баня, гдѣ Князь родился. Въ ней на стѣнѣ, за стекломъ и въ рамкахъ, находится свидѣтельство о томъ, что 1781 Іюня 4, была тутъ Екатерина II, сходила по лѣстницѣ къ колодцу, собственною рукою зачерпнула воду въ стаканъ, который и теперь тамъ же хранится. Въ числѣ прочихъ лицъ былъ тутъ съ Императрицею и Графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій. Не стану допытываться тайны, для чего она пригласила съ собою на родину Князя, тогдашняго его соперника; можно однако догадываться, что она хотѣла уничтожить молву о его мнимой и безполезной расточительности. Въ то же время и изъ одного стакана, она какъ будто въ знакъ сближенія двухъ полководцевъ подчивала водою Румянцева-Задунайскаго. Было ли это Оссіановскою чашею примиренія? Не знаю. Но то неоспоримо, что соперничество не мѣшало Румянцеву вполнѣ оцѣнять достоинства и заслуги Потемкина. Полковникъ *Чекалевскій*, бывшій письмоводителемъ Графа Петра Александровича, разсказывалъ мнѣ, что при полученіи извѣстія о кончинѣ Князя Таврическаго, въ *Вишенкахъ* были Князь Дашковъ и Апраксинъ, приверженцы Румянцева. Съ удивленіемъ смо-

трѣли они на Графа, когда, прочитавъ бумагу, онъ быстро всталъ съ креселъ, преклонилъ колѣно передъ образами, громко проговорилъ: «Вѣчная тебѣ память, Князь Григорій Александровичъ!» И потомъ оборотясь къ Князю Дашкову и Апраксину прибавилъ: «Чему вы удивляетесь? Князь былъ мнѣ соперникомъ, можетъ быть и непріятелемъ. Но Россія лишилась великаго человѣка; а Отечество потеряло сына, безсмертнаго по заслугамъ своимъ.» Въ той же бесѣдкѣ я видѣлъ простой, деревянный бюстъ Князя. Вотъ все внѣшнее *великолѣпіе*.

Но если *нравственное великолѣпіе* состоитъ въ томъ, чтобъ быть выше предубѣжденій соперничества и зависти, то это великолѣпіе безспорно принадлежитъ Князю Потемкину. Получа поздравленіе Я. И. Булгакова по случаю пріобрѣтенія Крыма, онъ отвѣчалъ: Вы относите ко мнѣ Крымскія дѣла. Все отъ Бога. По вашъ умъ, дѣятельность и твердость духа отвратили войну. Вамъ обязана Россія и сами Турки. Они былибы побѣждены, но и кровь Русская потекла бы.» Великолѣпенъ былъ Князь Таврическій, когда въ полномъ мундирѣ и съ тремя блестящими звѣздами на груди, стоялъ подъ выстрѣлами Турецкой батареи и когда подлѣ него поразило ядромъ Генерала Синельникова, а онъ былъ неподвиженъ. Поэтъ Петровъ свидѣтельствуетъ, что Князь въ дружескихъ бесѣдахъ говорилъ: «Я не заботусь о своей жизни, дорожу только славою Россіи и счастьемъ моего Отечества.»

Другое обстоятельство. Тотъ же Лирикъ Державинъ сказалъ о Потемкинѣ:

«Могущь хотя и не въ порфирѣ.»

Одинъ изъ новыхъ нашихъ писателей изъ этого заключилъ, будто бы Князь уполномочилъ себя въ какомъ-то безотчетномъ управленіи. И это несправедливо. Онъ имѣлъ столько власти, сколько предоставляла ему Императрица. Скромная Екатерина о себѣ говорила: «Я только счастлива. Побѣдами моими подъ Ларгою и Кагуломъ обязана Я Румянцеву; пораженіемъ Турецкаго флота подъ Чесмою, Орлову; пріобрѣтеніемъ Крыма, Потемкину (*).» Подражая Императрицѣ и Потемкинъ ничего себѣ не приписывалъ. Въ тѣхъ письмахъ Суворова, которые я передалъ Графу М. С. Воронцову, онъ говоритъ: «Нашъ ангелъ вездѣ открываетъ мнѣ пути и ни въ чемъ не связываетъ мнѣ рукъ.»

Наконецъ, даже нѣкоторые изъ современниковъ Потемкина полагали, будто бы онъ дѣйствовалъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Попова и Фалѣева, содержавшаго винный откупъ въ Крыму. И это совершенная ложь. Князь имѣлъ только довѣренность и къ тому и къ другому, и она оправдалась временемъ. Его давно уже не было на свѣтѣ, а 1807 года изъ сельскаго своего уединенія Поповъ приглашенъ былъ на совѣщаніе о Тильзитскомъ мирѣ. Онъ проѣзжалъ черезъ Могилевъ, гдѣ былъ Князь С. Ѳ. Голицынъ, начальникъ земскихъ Смолен-

(*) Изъ переписки Екатерины съ Вольтеромъ.

скихъ войскъ, и гдѣ у супруги его гостила родная ея сестра, Графиня Браницкая. Послѣдняя сказала Попову: «Смотри, Василій Степановичъ, докажи на Совѣтѣ, что ты помнишь уроки моего дяди.» Не знаю, что на совѣщаніи говорилъ Поповъ; но онъ вскорѣ послѣ того поступилъ въ Члены Государственнаго Совѣта. Касательно Фалѣева недавно еще помѣстили въ Сѣверной Пчелѣ, что онъ еще при Князѣ подавалъ голосъ о срытіи Днѣпровскихъ пороговъ, о чемъ теперь озабочиваются для свободнаго плаванія по Днѣпру; справедливо то, что Потемкинъ не пренебрегалъ никѣмъ и ничѣмъ. Услышавъ объ какомъ нибудь свѣдущемъ человѣкѣ, въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, онъ приглашалъ его къ себѣ и бесѣдовалъ съ нимъ безъ чиновъ. Недавно также напечатано въ Полиц. Вѣдомостяхъ, что Князь у нашего механика — самоучки Кулибина, пилъ за его здоровье на имянинахъ и что это подало поводъ и ученымъ привѣтствовать нашего механика. Какъ бы то ни было много еще, можетъ быть, будетъ сужденій о Потемкинѣ. Въ одной книгѣ, изданной за границею, называютъ Потемкина честолюбцемъ. Это клевета. 1777 года, когда составлялся Сѣверный союзъ по случаю войны, возгорѣвшейся 1772 года, между Англіею и Америкою, Англичане домогаясь обольстить Потемкина золотомъ, предлагали ему 50000 фунтовъ стерлинговъ. Графъ Н. И. Панинъ сказалъ: Потемкина нельзя подкупить:» и онъ не былъ другомъ его. Въ судахъ и вездѣ свидѣтельство считается

вѣрнымъ, когда оно отъ недруговъ представляется.» (*).

Великодушный соперникъ и сопернику отдаетъ справедливость. Панинъ, украшаясь этимъ превосходнымъ качествомъ, воздалъ лучшую похвалу Потемкину.

(*) Іоаннъ Златоустъ.

V.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ

Князя Григорія Александровича ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКАГО.

Наука первая непостижима вѣкъ
Для человѣка есть — наука человѣкъ.

Херасковъ.

Въ кипѣніи и шумѣ новыхъ битвъ простыли слѣды двухъ главныхъ сраженій Румянцева: *Ларги* и *Кагула.*

Сошелъ въ могилу съ Суворовымъ громкій въ свое время бой *Рымникскій.*

Но *Крымъ* и *Таврида*, послѣднее гнѣздо опустошителей юныхъ областей Россіи, день отъ дня разцвѣтаетъ болѣе и болѣе роскошнымъ садомъ природы. А тотъ, кто принесъ этотъ *безкровный даръ* Россіи, во всю жизнь свою не имѣлъ никакой осѣдлости. Князь Григорій Александровичъ въ безпрестанныхъ своихъ переѣздахъ, такъ сказать, *кочевалъ.* Разсказываютъ, что за нимъ возили садъ, раскидываемый въ степи, когда глубокое его раздумье вызывало дохнуть свободнѣе подъ открытымъ небомъ. Суворовъ, какъ выше было сказано, называлъ Потемкина Ангеломъ и говорилъ: «Нашъ Ангелъ ни въ чемъ не связываетъ мнѣ руки.» Не связывалъ рукъ Григорій Александровичъ и де-Рибасу, который, служа подъ его начальствомъ, полагалъ основаніе нынѣшней блестящей *Одессы.* Для себя Потемкинъ

ничего не строилъ. Родина его, село *Чижево*, въ семи верстахъ отъ бывшаго жилища отцевъ моихъ. Взглянувъ на это село, подумаешь, что нашествіе 1812 года прошло, какъ будто мимо его. Церковь осталась неприкосновенною. Домъ, просто дворянскій, также уцѣлѣлъ, и свидѣтельствуетъ, что тотъ, кто могъ бы превратить его въ готическій замокъ, закинуть въ роскошную тѣнь садовъ, оставилъ все по прежнему. За то и колыбель, и жизнь, и кончина его, все также было необычайно, какъ и онъ самъ. Онъ родился въ банѣ, превращенной въ каменную бесѣдку. Кажется, будто бы въ грозную борьбу 1812 года, тѣнь его отстаивала свою колыбель. И эта бесѣдка, и скромный въ ней бюстъ его, и листъ въ рамкахъ за стекломъ — все это уцѣлѣло; все это пережило и Екатерину, и Князя Таврическаго, и нашествіе. А сколько перемѣнилось областей съ того времени!

Въ предварительномъ замѣчаніи разсказаны уже подробности посѣщенія родины Князя Таврическаго Екатериною, а здѣсь прибавлю, что все это слышалъ я отъ отца моего, который въ званіи Духовщинскаго Капитанъ-Исправника провожалъ Императрицу.

Упомянулъ я, что Григорій Александровичъ для себя ничего не строилъ. Дворецъ Таврическій былъ пожизненнымъ его пріютомъ, гдѣ, такъ сказать, онъ гостилъ только налетомъ, и гдѣ 1791, въ день своихъ имянинъ Апрѣля 21, далъ то волшебное празднество, которое, безъ всѣхъ преувеличеній, какъ будто

превзошло разсказы *Шехеразады* о лампадѣ *Алладина*, изъ которой, по прикосновенію хозяина, появлялось чудо за чудомъ, и одно другаго удивительнѣе. Завѣщалъ только Григорій Александровичъ, чтобы въ Москвѣ, на Никитской, гдѣ былъ небольшой деревянный домикъ, сооружена была церковь. И это завѣщаніе осуществилось послѣ великаго нашего 1812 года. Въ обновленной Москвѣ освященъ былъ завѣщанный храмъ.

Отецъ Григорія Александровича за доброе сердце, за радушную ласку и за патріархальное гостепріимство, былъ искренно любимъ во всемъ околодкѣ, и для богатаго и для бѣднаго сосѣда, у него для всѣхъ равно отворялись и двери его дома и сердце. А мать Князя *Таврическаго*, на своемъ домовитомъ поприщѣ, какъ будто предвѣстила будущій его жребій на чредѣ военачальника; для родныхъ и знакомыхъ, была она законодательницею и въ хозяйствѣ и въ нарядахъ, не модныхъ, но домашняго издѣлья. Тогда еще моды Парижскія въ необозримой дали были отъ сельскихъ пріютовъ Смоленскихъ, да чуть ли и не отъ самого Смоленска. А кажется это и не дурно. Тогда души земледѣльцевъ съ родныхъ нивъ не затѣснялись въ *Ломбардъ*. Какъ бы то ни было, но по живой довѣренности къ матери Григорія Александровича, отцы и матери совѣтывались съ нею во всѣхъ своихъ семейныхъ обстоятельствахъ. Безъ нее не улаживалось ни одно сватовство, ни одна свадьба. И все это помогалъ ей дѣлать

здравый ея умъ и доброе сердце; и все это шло и мирно и полюбовно. Отъ нее перешло и къ сыну искусство обворожать сердца и взглядомъ привѣтливымъ и живымъ словомъ. Однажды въ полномъ блескѣ Фельдмаршала пріѣхалъ онъ на смотръ тогдашняго артиллерійскаго корпуса. Быстрымъ, орлинымъ взлядомъ окинувъ юныхъ кадетъ, онъ взялъ за руку начальника ихъ Мелисино и богатырскимъ голосомъ воскликнулъ: «Петръ Ивановичъ! что за молодцы твои кадеты! Вѣдь это все будущіе фельдмаршалы.» Объ этомъ разсказывалъ мнѣ одинъ изъ тогдашнихъ кадетъ, дослужившійся уже до Генералъ-Лейтенанта. На другой день *Мелисино* и всѣ корпусные чиновники явились поблагодарить Князя за посѣщеніе. Правда, онъ вышелъ въ шлафрокѣ и протирая широкими ладонями сонные глаза; но тутъ же дружески обнявъ *Мелисино* и оборотясь ко всѣмъ чиновникамъ, сказалъ: «Господа! обнимаю васъ всѣхъ въ лицѣ Петра Ивановича, вашего достойнѣйшаго начальника; а вашимъ молодцамъ скажите, что они нынѣшнюю ночь подарили меня самымъ сладкимъ сномъ.»

Тутъ же съ корзинами яблокъ и другихъ плодовъ толпились разносчики въ залѣ Таврическаго дворца, имъ отсыпали деньги и отпускали ихъ съ барышемъ безъ продажи, съ товаромъ и съ ласковымъ привѣтомъ.

—

ЗАТѢЙЛИВАЯ ШУТКА ЮНАГО ПОТЕМКИНА.

Рано пробудился въ юномъ Потемкинѣ затѣйливый умъ. Между прочими его проказами, вотъ одна, которая чуть было кончилась и не шуткою. Однажды отецъ его отправился на охоту съ роднымъ дядею его. Увлекаясь удачною охотою, охотники заполевались и въ сумерки возвращались домой. Луна засеребрилась надъ лѣсомъ. Издали неслись звуки роговъ, хлопанья арапниками и пѣсни заливныя, вѣрные вѣстники веселаго полеваго разгула. Нашъ молодецъ въ очередь свою затѣявъ потѣшить юную удаль свою, принарядился въ медвѣжью кожу, въ полномъ ея видѣ и притаился подъ лѣсомъ въ кустахъ. На бѣду, дядѣ довелось ѣхать прямо мимо этой медвѣжьей засады. Лишь только онъ поровнялся съ шалуномъ, онъ выскочилъ, взвился на дыбы и протяжно заревѣлъ, испуганный конь шарахнулся, и дядя во весь свой ростъ рипулся на землю. Крѣпко журили проказника, а онъ отвѣчалъ: *волка бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить.*

—

ОТМѢТКИ ЮНАГО ПОТЕМКИНА НА КНИГУ ЮАННА ЗЛАТОУСТАГО:

О Священствѣ.

Поступя 1806 въ земскія Смоленскія войска, я отправился на родину мою и проѣзжая мимо села *Чижева*, полюбопытствовалъ осмотрѣть внутренность, особенно библіотеку. Наслышась давно отъ поэта нашего *Кострова*, (о которомъ будетъ далѣе) что Григорій Александровичъ въ бытность свою въ Московскомъ Университетѣ, читая чужія книги, дѣлалъ отмѣтки карандашемъ, а на своихъ чернилами, я при самомъ входѣ въ домъ, спросилъ у управителя: «не осталось ли какихъ нибудь книгъ отъ Князя Григорія Александровича?» Ласковый управитель отвѣчалъ, что есть еще цѣлый шкафъ съ духовными книгами, которыя Князь читалъ въ молодости своей: «спѣшу туда, разбираю, перебираю книги духовныя, перевертываю листы и наконецъ доискался до завертанныхъ страницъ отмѣтки въ словахъ книги Златоуста: *о священствѣ*. Пробѣгаю первую завернутую страницу и читаю, (предлагаю по новому переводу): «Если хочешь всѣхъ военачальниковъ исчислить отъ самой глубокой древности, ты увидишь, что ихъ трофеи были большею частію слѣдствіемъ

военной хитрости и побѣждавшіе посредствомъ оной заслужили болѣе славы, нежели тѣ, кои поражали открытою силою; ибо сіи послѣдніе одерживаютъ верхъ съ великою тратою людей, такъ, что никакой выгоды не остается отъ побѣды,» и проч. и проч.

На полѣ этой рѣчи, Потемкинъ очень четко отмѣтилъ чернилами: *правда! сущая правда! нельзя ничего сказать справедливѣе.*

Вижу другую завернутую страницу и читая на ней: «Изобиліе денегъ не то, что благоразуміе души, деньги истрачиваются.»

Въ отмѣткѣ Потемкина сказано было: *и это сущая правда: и я цѣлую сіи золотыя слова.»*

А въ послѣдствіи и по сердцу своему и по духу Златоуста Князь Таврическій говорилъ: «Люди все; а деньги соръ.»

Юнаго Потемкина готовили въ духовное званіе, а судьба вызывала его на другое поприще. Но онъ съ молоду, такъ сказать, вчитался въ духовныя и церковныя книги, что и поселило въ немъ набожность. Одинъ изъ его родственниковъ также *Потемкинъ*, поступя изъ военной службы въ духовный санъ, былъ преосвященнымъ въ *Екатеринославлѣ*. Князь Таврическій чрезвычайно уважалъ его и хранилъ къ нему постоянную дружбу. Памятникъ набожности Григорія Александровича, существуетъ и въ Москвѣ; тамъ, гдѣ на *Никитской* былъ скромный пріютъ его отца, по завѣщанію его сооружена церковь названіемъ *новаго Вознесенія*.

—

ГРИГОРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Видя бойкость юнаго сына своего, отецъ Григорія Александровича, оставя мысль о духовномъ званіи, рѣшился отдать его въ Московскій университетъ. Но съ затѣйливымъ умомъ трудно было Потемкину ужиться исправнымъ студентомъ. При счастливыхъ способностяхъ ума, у него не доставало способности, какъ говорится, *ходить по стрункѣ*. Съ пылкою головою невольно пошатнешься то на ту, то на другую сторону. Память у него была удивительная. Еслибъ онъ шелъ путемъ *Лейбница*, то и его, можетъ быть, назвали бы: *ходячею библіотекою*. Любимый его товарищъ, поэтъ Ермилъ Ивановичъ Костровъ, разсказывалъ мнѣ у Федора Григорьевича *Карина*, общаго нашего пріятеля, что Потемкинъ взялъ у него однажды книгъ десять различнаго содержанія, и возвратилъ ихъ ему дней черезъ пять. «Да ты, братъ!» сказалъ Костровъ: «видно только пошевелилъ листы въ моихъ книгахъ. На почтовыхъ хорошо летѣть въ дорогѣ; а книги — не почтовая ѣзда.» «Ну! возразилъ Григорій Александровичъ: пусть будетъ по твоему, что я летѣлъ на почтовыхъ; а все таки я прочиталъ твои книги отъ доски до доски. Изволь! профессор-

ствуй! Вскочи на стулъ—вмѣсто каѳедры. Раскрой какую хочешь изъ книгъ своихъ и вопрошай громогласно, безъ запинки.» «И въ самомъ дѣлѣ, прибавилъ Костровъ: Григорій Александровичъ не только читалъ, но и вчитывался въ каждую книжку живою памятью. Онъ все мнѣ пересказывалъ, какъ будто заданный урокъ.»

И при этой счастливой памяти неугомонный юноша не усидѣлъ на лавкѣ университетской; онъ выбылъ оттуда *недоученымъ студентомъ*. Онъ ни сколько не сердился на университетъ и писалъ очень ласковыя письма къ тогдашнему Ректору Антону *Барсову*. Эти письма были у меня въ рукахъ, и я передалъ ихъ покойному Константину Ѳедоровичу *Калайдовичу*.

—

ДРУЖБА ДОУЧИВАЕТЪ ПОТЕМКИНА.

Другъ — дороже денегъ.
(Пословица.)

Правду сказать, родился тотъ въ сорочкѣ, кому въ веснѣ лѣтъ Богъ дастъ друга, съ кѣмъ можно подѣлиться и живыми мыслями, и юношескими сердечными порывами! Сколько ни умствовалъ XVIII вѣкъ во Франціи, будто бы всѣ связи людей сковываются золотыми цѣпями личныхъ выгодъ: это пустой звукъ словъ. Отважныя выходки писателей того вѣка иногда пускаютъ пыль въ глаза, но сердца не обманываютъ. Въ любви и дружбѣ оно лучшій судья. Душа ихъ видитъ; душа ихъ обнимаетъ. Не могу съ точностію сказать, когда *недоученый студентъ* Потемкинъ сблизился съ поэтомъ Василіемъ *Петровымъ*. Но очень вѣроятно, что это было вскорѣ по выходѣ его изъ университета. И это обстоятельство въ полномъ смыслѣ можно назвать счастливою находкою. Страстно любя Греческую и Латинскую словесность, Петровъ занимался ими съ юнымъ другомъ своимъ, училъ его языку *Омира*, и самъ перечитывалъ его съ нимъ. Вотъ, что онъ объ этомъ говоритъ:

«Читать пѣвца Троянской брани
Былъ, пишутъ, Александровъ вкусъ;
Какъ сотъ, Потемкина гортани
Пріятенъ стихъ любимца музъ.»

Петровъ все читалъ и перечитывалъ съ Потемкинымъ и вотъ почему, говоря словами Принца *Делиня*: «Потемкинъ въ послѣдствіи былъ: *мудрецомъ безъ книгъ.*

Страстно также любилъ Потемкинъ и русское слово. И эта страсть юноши перешла и въ зрѣлыя лѣта Князя Григорія Александровича.

«Въ ослабу утружденна духа
И средь пріятнѣйшихъ музыкъ
Онъ судитъ тонкостію слуха,
Чѣмъ сладокъ — нашъ родной языкъ. (*)

Въ то время въ нашемъ юномъ поколѣніи какое-то жаркое было стремленіе быть писателемъ, Суворовъ говорилъ: «еслибъ я не былъ воиномъ, то былъ бы писателемъ.» Не говоря о томъ, что тогда и Графъ де-*Саксъ*, обмѣнивая шпагу на перо, передавалъ ему свои мечты о военной наукѣ; не говоря и о томъ, что и *Фридрихъ* вторый среди тревогъ военныхъ писалъ и прозу и стихи; мы видѣли, что и юный *Бонапартъ* метилъ на чреду писателей и что трагедію его: *Аяксъ*, (если не ошибаюсь) играли подъ чужимъ именемъ. Заманчиво и поприще писательское. Видя опыты сочиненій своего юнаго друга Григорія Александровича, поэтъ *Петровъ* говорилъ:

(*) Петровъ.

«Онъ безъ усилья — успѣваетъ,
Когда паритъ своимъ умомъ,
И жарку душу выражаетъ
Живымъ и пламеннымъ перомъ.»
«Не тяжкихъ праздныхъ словъ примѣсомъ
Красотъ намъ въ слогѣ онъ примѣръ;
Когдабъ онъ не былъ *Ахилесомъ*,
То былъ бы онъ у насъ *Гомеромъ*.»

Скажу нѣсколько словъ о поэтѣ Петровѣ, онъ весь, какъ будто жилъ душою. Возвышеніе Потемкина въ чинахъ нисколько не разрознивало ихъ дружбы. Потемкинъ уже былъ *Превосходительнымъ*, а онъ къ нему писалъ:

«Младой и храбрый вождь, другъ *общества* и *мой*,
Препровождаемый собраньемъ музъ, Герой,
Что видѣнъ по своей заслугѣ, не по дѣдамъ,
Какъ агнецъ жилъ межъ насъ; какъ левъ изшелъ къ побѣдамъ;
Потемкинъ! будь счастливъ, геройствуй, успѣвай
И славой дѣлъ твоихъ съ лѣтами созрѣвай.»

Между тѣмъ, когда Потемкинъ пожиналъ лавры военные, другъ его, всегда готовый на добро, принявъ подъ руководство свое юнаго Галактіона Ивановича *Силова* отправился съ нимъ на берега *Темзы*. Вотъ, что онъ писалъ къ питомцу своему:

«Счастливое дитя незнатнаго отца,
Ты права тихостью влечешь къ себѣ сердца,
Какая въ обществѣ не выпала намъ доля,
Нашъ разумъ съ прочими равняетъ насъ и воля.»

Петровъ какъ говорилъ, такъ и дѣйствовалъ, онъ говорилъ:

«Нерѣдко намъ грозитъ ненастье;
Судьба гордиться не велитъ;

Другимъ содѣянное счастье
Одно лишь въ жизни веселитъ.»

Въ одинъ изъ пріѣздовъ Князя Григорія Александровича въ Москву, Петровъ повелъ его еще въ колыбельную типографію С. А. Селивановскаго. Не деньгами помогалъ онъ новому основателю типографіи, но ревностнымъ содѣйствіемъ къ успѣху его заведенія, Петровъ зналъ и писалъ, что:

«Никто не дастъ ума и пылкости страстей» (*)

На это нѣтъ покровительства, но онъ зналъ также, что человѣку умному и расторопному, живое участіе людей доброхотныхъ въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, придаетъ крылья. Вотъ чѣмъ услуживалъ Петровъ своему пріятелю *Селивановскому* и вотъ чѣмъ проложилъ онъ ему путь къ усовершенствованію типографскаго поприща. Вошедъ въ типографію съ другомъ своимъ Григоріемъ Александровичемъ, Петровъ сказалъ: «я примусь за работу, а вы, любезный Князь! увидите, что по ласкѣ хозяина типографіи и я кое какъ понаторѣлъ въ его дѣлѣ.» И тутъ же подступя къ станку довольно проворно и ловко набралъ и оттиснулъ слѣдующіе стихи:

«Ты воинъ, ты герой;
Ты любишь музъ творенья,
А вотъ здѣсь и соперникъ твой —
Герой печатнаго издѣлья.»

Прочитавъ стихи, Петровъ сказалъ другу сво-

(*) Изъ посланія къ Екатеринѣ Второй.

ему: «вотъ и обращикъ моего типографскаго мастерства и привѣтъ за ласковый вашъ сюда приходъ.» Григорій Александровичъ отвѣчалъ: «стыдно же будетъ и мнѣ, если останусь у друга въ долгу. Изволь: и я попытаюсь. Но чтобъ не ударить въ грязь лицемъ, пусть нашъ хозяинъ мнѣ укажетъ: какъ за что приняться и какъ что дѣлать? Дѣло мастера боится. А безъ ученья и аза въ глаза не увидишь.»

Это былъ праздникъ для хозяина типографіи. Не нужно и говорить, съ какимъ жаркимъ рвеніемъ принялся онъ все высказывать и указывать своему Сіятельному ученику. У Потемкина и тутъ закипѣло умѣнье. Хотя помедленнѣе друга своего улаживалъ онъ все, однако же сладилъ. Окончивъ наборъ, Князь сказалъ Петрову: «я, братъ! набралъ буквы, какъ съумѣлъ. А ты оттисни самъ, ты, какъ я видѣлъ, дока въ этомъ дѣлѣ.» Петровъ оттиснулъ набранное и прочиталъ:

«Герой ли я? не утверждаю;
Хвалиться не люблю собой,
Но что я другъ всегдашній твой;
Вотъ это очень твердо знаю.» (*)

Екатерина Вторая писала къ Фернейскому

(*) Поэтъ Петровъ женатъ былъ на *Бѣлавеной*. Одинъ изъ моихъ сослуживцевъ по Архаровскому полку, также былъ женатъ на *Бѣлавеной*, родной ли сестрѣ жены поэта или родственницѣ, не знаю, скажу только, что списокъ съ приведенныхъ стиховъ получилъ я 1808 года; а подлинникъ остался у вдовы Петрова.

поэту: «Петровъ подарилъ насъ переводомъ Энеиды, мы въ немъ читаемъ Виргилія.» *Бартелеми*, новый переводчикъ Энеиды, помѣстилъ эти слова въ предисловіи къ своему переводу.

—

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБѢДЪ У КНЯЗЯ ГРИГОРІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ВЪ МОГИЛЕВѢ.

Не стану безпокоить ни Энеиды, ни другихъ поэтическихъ произведеній Петрова. Очень часто перелеты славы писателей мелькаютъ и у насъ и вездѣ мгновенными искрами и гаснутъ, какъ искры. Поэтъ Фернейскій давно сказалъ:

«Нѣтъ! не добьетеся въ храмъ славы вы перомъ,
Умрете; кончено! съ могилою—забвенье!
Умрете вмѣстѣ вы съ томительнымъ трудомъ;
Гонялись за вѣнкомъ — васъ сторожитъ презрѣнье.»

Но тутъ дѣло не объ этомъ, а вотъ въ чемъ дѣло. Скажутъ, можетъ быть, что поэтъ Петровъ, говоря о глубокихъ познаніяхъ и полетѣ мысли друга своего, увлекался восторженною мечтою, но вотъ точно такое же о томъ свидѣтельство человѣка посторонняго, заимствованное изъ четвертой части записокъ *Михаила Огинскаго*. У меня нѣтъ теперь этой книги, а у кого она есть, тотъ можетъ свѣрить предлагаемый мною разсказъ съ подлинникомъ. Записки *Огинскаго* изданы имъ на Французскомъ языкѣ. «Въ одинъ изъ пріѣздовъ Князя Потемкина въ Могилевъ, говоритъ сочинитель записокъ: мнѣ довелось тамъ быть. Въ ожиданіи его за трое еще сутокъ съѣхались со всѣхъ сторонъ дворяне съ женами и дочерьми своими, разряженными въ

пухъ, и встрѣтили Князя на крыльцѣ. А онъ, выскочивъ изъ коляски въ запыленномъ халатѣ, какъ будто никого и ничего не видя, пролетѣлъ въ приготовленныя для него комнаты. На другой день человѣкъ двадцать иностранцевъ, Англичанъ, жителей сѣверныхъ Американскихъ областей и я, мы приглашены были на обѣдъ къ Князю. Казалось, что вчерашній Потемкинъ переродился, мы увидѣли ловкаго, сановитаго, привѣтливаго Князя. Но это ничего. А вотъ, что удивило и меня и всѣхъ гостей, съ каждымъ изъ нихъ разговаривалъ обо всемъ такъ отчетливо и съ такими подробностями, какъ будто бы вѣкъ жилъ и въ Англіи и въ Америкѣ. Мы не спускали съ него глазъ и ловили его слова. Онъ казался намъ *всемірнымъ путешественникомъ* и путешественникомъ умнымъ, наблюдательнымъ, отъ котораго ничто не ускользнуло. Можно сказать, что онъ, какъ будто передъ пол-свѣтомъ выдерживалъ испытаніе и выдерживалъ его не запинаясь, дошла очередь и до меня, *вашъ Варшавскій Губернаторъ Грабовскій*, сказалъ Князь, *слишкомъ молодъ для своего мѣста.*» «Ему поможетъ теорія, отвѣчалъ я.» *Теорія! теорія!* возразилъ Князь: *умъ творческій самъ пролагаетъ себѣ пути. А ваши теоріи, какъ будто младенца, водятъ умъ на помочахъ.*»

Замѣчу, что Державинъ, какъ будто подслушавъ Князя Григорія Александровича перенесъ эти слова въ свой *водопадъ*.

—

ВЫЗОВЪ ПОТЕМКИНА НА ПОЕДИНОКЪ КНЯЗЕМЪ П. М. ДАШКОВЫМЪ.

Современники Князя Потемкина и Графа Румянцева, раздѣлены были на двѣ стороны: одни были за Потемкина, а другіе за Румянцева. Князь Дашковъ принадлежалъ къ послѣднимъ. Не могу утвердительно сказать, подъ какимъ предлогомъ, но только извѣстно, что Князь Павелъ Михайловичъ, въ Кіевѣ вызывалъ Князя Григорія Александровича на поединокъ. Потемкинъ не поднялъ перчатки; по этому случаю воспослѣдовалъ указъ *о поединкахъ*. Почему Потемкинъ не принялъ вызова: это была его тайна. Но только въ этомъ и капли не было трусости. «Я жилъ съ Княземъ Таврическимъ, говоритъ Принцъ де-*Линь*: я видѣлъ слезы его, когда другимъ угрожала опасность. Онъ плакалъ, слыша пушечные выстрѣлы, полагая, что: *кто нибудь убитъ*. А самъ неподвижно стоялъ подъ ядрами и нерѣдко съ открытою головою. Три звѣзды, ленты и портретъ Екатерины, унизанный крупными бриліянтами, какъ будто вызывали выстрѣлы. *Съ вами*, говорилъ я Князю: *надобно имѣть нѣсколько запасныхъ жизней, а не одну*. Въ комнатѣ,

полураздѣтый, онъ прикидывался сонным, а вмѣсто того, и днемъ и ночью, онъ весь былъ въ мысляхъ своихъ. Передъ рядами войскъ своихъ онъ въ полной мѣрѣ былъ Омировымъ Агамемнономъ.»

СНОШЕНІЯ
КНЯЗЯ ТАВРИЧЕСКАГО
съ
Яковомъ Ивановичемъ Булгаковымъ.

Душа душу знаетъ.

Въ царствованіе Екатерины II Яковъ Ивановичъ *Булгаковъ* занималъ едва ли не первое мѣсто на чредѣ людей второстепенныхъ. Но что такое *человѣкъ второстепенный*? Мы этого не можемъ еще опредѣлить. У насъ существуютъ военныя извѣстія вѣка Екатерины II; но то, что называютъ исторіей *дипломатической*: у насъ нѣтъ этой исторіи. А отъ этого, сколько лицъ, дѣйствовавшихъ для пользы отечества, какъ будто *были* и *не были*? Потемкинъ избавилъ Булгакова отъ этого безгласнаго забвенія. Упрекали его и писатели и наши соотечественники въ какомъ то ненасытномъ тщеславіи, но онъ опровергъ это не словами, а явными дѣлами. Едва ли кто изъ первостепенныхъ лицъ вѣка Екатерины II дѣйствовалъ съ такимъ безпристрастіемъ, какое Князь Григорій Александровичъ оказывалъ сотруднику своему въ присоединеніи Крыма къ Россіи, Якову Ивановичу Булгакову. И Потемкинъ былъ правъ. Всѣ тогдашнія временныя побѣды подъ *Ларгою*, *Кагуломъ*, *Римникомъ*, даже и взятіе приступомъ

Измаила, слывшаго 1791 года грозною твердынею: все это промелькнуло блестящимъ сновидѣніемъ. 1809 года Князь *Багратіонъ* могъ тоже сказать, что сказалъ Юлій Цезарь, разбивъ Фарнака: *пришелъ*, *увидѣлъ*, *побѣдилъ*. Князь Багратіонъ пришелъ къ Измаилу, взглянулъ на него и вошелъ въ него, какъ будто бы на роздыхъ или на постой войска. Все временное само собою затеривается въ переходѣ времени, какъ бы оно ни было въ началѣ громко и блистательно. Но присоединенія къ Россіи *Крыма* требовалъ рядъ цѣлыхъ столѣтій. Сколько было отъ него разоренія и землѣ Русской, и нашей новой Россіи! Въ то самое время, когда побѣдоносное оружіе Петра Перваго огромляло прибалтійскія Шведскія области, Крымскіе Татары вторгались не только въ Украйну нашу, но и далѣе; жгли селенія, перегоняли стада, уводили въ плѣнъ тысячи людей, разграбляли имущества; словомъ, не давали передышки Украинцамъ и жителямъ прикосновенныхъ къ нимъ мѣстъ. Все это и подробно и разительно изложено Графомъ *Остерманомъ* 1735 года, въ объявленіи о войнѣ съ Портою Оттоманскою. Крымъ, такъ сказать, былъ передовымъ станомъ вторженія хищныхъ ордъ въ наши южныя области; въ тѣ самыя области, которыя можно назвать *житницами* нашего отечества. Терпѣли отъ Крыма и земля, и люди, и все то, что уничтожаетъ бытъ человѣческій. А теперь Крымъ цвѣтущій садъ; и въ Украйнѣ водворилась жизнь самостоятельная. Присоединеніе къ

Россіи Крыма, было *безкровною жертвою*, принесенною нашему отечеству Княземъ Таврическимъ и Яковомъ Ивановичемъ Булгаковымъ. У насъ нѣтъ еще полнаго очерка жизни Булгакова; но исторія его заслугъ по дѣламъ Крымскимъ заключается въ письмахъ Потемкина. Далѣе это увидимъ. А здѣсь скажу только, что Князя Таврическаго отъ того укоряли въ какомъ то высокомѣріи, что даже и не всѣ умные его современники понимали его. 1825 года, въ бытность мою въ Петербургѣ, въ Августѣ мѣсяцѣ, посѣтилъ я Князя Дмитрія Ивановича *Лобанова* на дачѣ его. Послѣ различныхъ разговоровъ о тогдашнемъ времени, дошла рѣчь до Князя Потемкина. «Потёмкинъ былъ гордъ, и гордостью своею часто оскорблялъ Князя Николая Васильевича *Репнина*.» «Это несправедливо, отвѣчалъ я: у меня есть собственноручное письмо Князя Григорія Александровича къ Князю Репнину, въ которомъ онъ называетъ его своимъ *сердечнымъ* и *душевнымъ другомъ*. Я вамъ его перешлю. Доставилъ бы и самъ, но я сегодня въ ночь отправлюсь въ Москву. Это письмо, занимающее четыре страницы, должно быть теперь у кого нибудь изъ родственниковъ покойнаго Князя Дмитрія Ивановича. Главная сущность письма слѣдующая: «Мой сердечный, мой душевный другъ! не замедли пріѣздомъ своимъ. Мнѣ нужно переговорить съ тобою о новомъ разпоряженіи войскъ. Ты знаешь, какъ я цѣню твой умъ и твои достоинства. Съ тобою, мой сердечный другъ, могу совѣтываться и говорить

съ полною откровенностію; но не со всѣми. Безусловная откровенность — сущая глупость. Иной употребитъ ее во зло; другой не повѣритъ ей; а третій не пойметъ.»

Съ Яковомъ Ивановичемъ Булгаковымъ всегда была и душа Князя Потемкина; по дѣламъ Крымскимъ, онъ не дѣлалъ безъ него ни одного шага и обо всемъ извѣщалъ его. 1783 года, Іюля 12 Князь Потемкинъ писалъ къ Якову Ивановичу: «да благословитъ Богъ старанія ваши! Онѣ увѣнчаются успѣхами. Въ томъ ручаются умъ вашъ, усердіе и дѣятельность. Я къ вамъ подвинусь поближе, относитесь прямо ко мнѣ. Все состоитъ въ томъ, чтобы Крымъ принадлежалъ Россіи.»

Въ отвѣтѣ своемъ къ Григорію Александровичу, Булгаковъ говорилъ: «имя ваше будетъ безсмертно въ исторіи вѣковъ и человѣчества.» Даря новыми пальмами сотрудника своего, Князь Таврическій писалъ къ нему: «вы относите ко мнѣ дѣла Крымскія; это еще болѣе увеличиваетъ заслуги ваши. Все отъ Бога; но вамъ обязана Россія и сами Турки. Ваша твердость духа, дѣятельность и умъ отвратили войну. Турки были бы побѣждены; но и русская кровь также бы потекла.»

Вотъ безсмертіе и Потемкина и Булгакова. Взаимныя, неразрывныя ихъ дѣйствія не померкнутъ никогда въ нашей новой исторіи. Присоединеніемъ Крыма къ Россіи, они споспѣшествовали къ существенной и очевидной пользѣ отечества. Было время, когда орды Крымскихъ Татаръ забѣгали и въ сердце земли Русской, въ Москву.

Но нѣкоторыя Европейскія области завистливымъ окомъ смотрѣли на это присоединеніе. Искры мщенія и въ Портѣ Оттоманской тлѣлись подъ пепломъ; новая война готова была вспыхнуть. Грозная борьба возникла бы; и Россія и Турція потерпѣли бы новыя утраты и въ издержкахъ и въ потерѣ людей. Но тутъ уже непосредственныя, полныя пальмы принадлежатъ Якову Ивановичу Булгакову; по свидѣтельству самого Князя Таврическаго, онъ *одинъ* удержалъ Турцію, отвратилъ войну отъ Россіи и оказалъ тѣмъ нераздѣльную услугу и Туркамъ и намъ Русскимъ. Но не взирая на всѣ его усилія, новая война возгорѣлась въ исходѣ 1787 года. Съ Потемкинымъ и съ Румянцевымъ войска двинулись противъ Турціи; двинулись и *Цесарцы*. А Булгакову опять пришлось *однимъ* своимъ лицемъ отстаивать Россію въ Турціи. Порта требовала, чтобы онъ содѣйствовалъ къ возвращенію Крыма и къ уничтоженію прежнихъ мирныхъ договоровъ. На всѣ угрозы нашъ русскій посолъ отвѣчалъ безтрепетно: *Россія не согласится ни на то, ни на другое*. Двери Семибашеннаго замка захлопнулись за нимъ. Семнадцать мѣсяцевъ страдалъ онъ и это еще до 1791 года; семнадцать мѣсяцевъ не получалъ отвѣта на донесенія, не рѣдко, за недостаткомъ чернилъ, писанныя собственною его кровью, сколько же надобно было употреблять осторожныхъ изобрѣтеній, чтобы доставлять Князю Таврическому нужныя свѣденія, которыя, такъ сказать, писалъ онъ подъ мечемъ *Дамоклеса*, висѣвшимъ надъ его головою на одномъ волоскѣ.

И въ это тяжелое время забывъ себя и живя каждый день, каждый часъ лицемъ къ лицу къ смерти, онъ писалъ къ Князю Григорію Александровичу: «дай Боже, чтобы только доходило то, что пишу, этого довольно для моего утѣшенія, истощивъ всѣ средства, подвергая себя всѣмъ опасностямъ. Что могу болѣе сдѣлать для моего Отечества?»

Безъ сомнѣнія, ничего нельзя было болѣе сдѣлать. Отважный Римлянинъ *Курцій*, бросился въ пропасть, угрожавшую Риму, предполагая, что пожертвованіемъ его жизни, она закроется. Но это подвигъ мгновенный, если только такъ было. А бороться одному съ явными опасностями мѣсяцы и годы: на это нужно великое душевное самоотверженіе.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ *Вольтеру* Екатерина писала: «слава моего царствованія не мнѣ принадлежитъ. *Орловъ* присовѣтывалъ мнѣ послать флотъ въ Архипелагъ. Блескъ моихъ побѣдъ принадлежитъ *Румянцеву*. За изгнаніе Татаръ я обязана Потемкину. Я только счастлива.» И это счастіе доставило Екатеринѣ *Булгакова*. Какъ бы то ни было, а лице стоящее на первой чредѣ, заслоняетъ лице второстепенное. Но Князь Таврическій самъ себя отдалялъ и изъ за себя выводилъ передъ лице отечества Якова Ивановича Булгакова. Два главные цѣнителя заслугъ его были *Потемкинъ* и какъ далѣе увидимъ: *Суворовъ*. А сотрудникъ Григорія Александровича по службѣ своей внѣ отечества, трудясь въ совершенномъ одиноче-

ствѣ не могъ привлекать къ себѣ тѣмъ, что обыкновенно приманиваетъ и что заставляетъ, по расчету личныхъ выгодъ, величать и провозносить того, въ комъ ищутъ. Въ Булгаковѣ искалъ одинъ Потемкинъ и для славы своей и для пользы отечества. За то и Яковъ Ивановичъ не искалъ ни въ комъ и ничего. Одинъ только разъ отнесся онъ съ просьбою къ Князю Таврическому, чтобы ему былъ данъ знакъ какого нибудь видимаго отличія. «Ибо, говорилъ онъ: и Турки начали присматриваться къ знакамъ почетнымъ и уклончивѣе передъ тѣми, на комъ ихъ видятъ. Но и объ этомъ прошу не для себя, а для пользы моей службы.»

Князю Таврическому воздвигнутъ памятникъ; а памятникъ Булгакова въ письмахъ его. Очень желательно, чтобы достойный сынъ Якова Ивановича, умнымъ перомъ своимъ написалъ полный очеркъ жизни своего отца съ размѣщеніемъ въ немъ по годамъ писемъ его, составляющихъ огромное и драгоцѣнное собраніе. Это будетъ у насъ вѣнкомъ русской дипломатической исторіи. Сколько борьбы выдержалъ Яковъ Ивановичъ и съ происками *Шуазеля Гуфье* и съ гоненіями Порты! Онъ былъ Героемъ на своей чредѣ. Вотъ почему и Суворовъ на ряду съ Потемкинымъ отъ чистаго сердца дарилъ его пальмою; и вотъ письмо къ нему Александра Васильевича, когда назначенъ онъ былъ посломъ въ Варшаву. «Великая наша Государыня, избравъ и возведя васъ на важную степень чрезвычайнаго

посланника при его Величествѣ Королѣ и *посполитой рѣчи Польской*, явственно показала довѣренность безпрекословно свидѣтельствующую о вашихъ достоинствахъ, признанныхъ цѣлою Европою.

«Почитая васъ отъ всего сердца, особенно беру участіе въ вашемъ новомъ званіи. Поздравляю и васъ и общее наше отечество.

«Нынѣшнія дѣла политическія чрезвычайно затруднительны, запутаны и многосложны. Въ изслѣдованіи ихъ нуженъ умъ превосходный, политикъ просвѣщенный, свѣдущій основательно правила всѣхъ Дворовъ; словомъ, эти дѣла требуютъ такого человѣка, какого видимъ въ лицѣ вашемъ.» (*)

1790 года.

Въ первый годъ изданія Русскаго Вѣстника, имѣлъ я, въ полномъ смыслѣ этого слова, счастіе познакомиться съ Яковомъ Ивановичемъ. Онъ жилъ тогда, въ небогатомъ, но уютномъ домѣ своемъ близъ Салтыкова моста. Я встрѣтилъ въ немъ олицетворенную скромность, много говорилъ о заслугахъ другихъ; а о себѣ не намекнулъ ни слова. Помню его слова, «мы, сказалъ онъ: живемъ въ необычайное время. Это не та Европа, которую мы видѣли въ XVIII вѣкѣ. Вездѣ какое то непостижимое недоумѣніе. Политики и дипломаты растерялись въ своихъ предположеніяхъ, 1780 года

(*) Это переводъ; письмо Суворова писано на Французскомъ языкѣ. И сколько такихъ памятниковъ въ бумагахъ Якова Ивановича.

я писалъ Императрицѣ, что Россія и Испанія воюютъ за добродѣтель.» Въ предѣлахъ Испаніи кипитъ жестокая, упорная борьба и кажется нескоро кончится; кто знаетъ: можетъ быть отъ береговъ океана раздадутся громы новой войны и у насъ. Все идетъ не попрежнему. Видно, что то свыше дѣйствуетъ на нынѣшнюю судьбу Европы. Сколько уже столицъ видѣли Наполеона! Но, впрочемъ одинъ Богъ знаетъ чему быть и что будетъ?»

СНОШЕНІЯ

Александра Васильевича Суворова

съ

КНЯЗЕМЪ ТАВРИЧЕСКИМЪ.

Aimer—c'est se confier.

Гдѣ любовь, тамъ и довѣренность.

Не говорю о прежнихъ сношеніяхъ Суворова съ Потемкинымъ; сближеніе между ними началось: *душевною исповѣдью*, изложенною Суворовымъ въ письмѣ къ Григорію Александровичу 1784 года, которое предложено будетъ далѣе. Наскучило ему слушать, что онъ какой то юродивый, чудакъ, нелюдимъ; словомъ, что онъ человѣкъ странный, ни въ чемъ не похожій на другихъ, но что такое *быть страннымъ человѣкомъ?* Имѣть свои особенныя привычки, свой образъ мыслей, свои правила, впрочемъ ни въ чемъ не вредныя для общества, хотя такой *неразгаданный* человѣкъ и отдаляетъ себя отъ него. Но взглянемъ на то, что въ Суворовѣ почитали *странностями*. Иной любитъ нѣгу, спокойствіе. А для Суворова это было могильнымъ томленіемъ. Свой отдыхъ полагалъ онъ въ переходѣ отъ труда къ труду. «Какъ сладостно, говоритъ онъ во Французскомъ письмѣ своемъ къ Александру Ильичу *Бибикову*, изъ

Крейцбурга отъ 1771 года. «Какъ сладостно воспоминать прошедшіе труды!» Иной любитъ общество женщинъ. Суворовъ признается, что въ Польшѣ и онъ любилъ женское общество, но рѣдко бывалъ въ немъ, потому, что боялся быть плѣнникомъ прелестей женщинъ.» (*) Иной любитъ заниматься своимъ собственнымъ помѣстьемъ. И это очень похвальное дѣло, если польза владѣльца нераздѣльна съ пользою сохи. А Суворовъ говорилъ въ письмѣ своемъ къ Петру Ивановичу *Турчанинову*, (**) что всякая личная собственность для него ничего не значитъ, ибо: «долгъ службы столь обширенъ, что все другое въ немъ исчезаетъ.» Иной любитъ путешествовать за границею; а Суворовъ такія прогулки называлъ *праздностію*. (***) По его мнѣнію: «душа трудолюбивая любитъ неутомимо питаться своимъ ремесломъ.» (****) Что же вы сдѣлаете съ человѣкомъ, кипѣвшимъ такою жаркою дѣятельностію? Чѣмъ отманите вы его отъ сладости труда? роскошными пирами. Онъ вамъ скажетъ: «я никогда ихъ не любилъ.» (*****) Но онъ никого отъ нихъ не отвлекаетъ. Онъ никому ничего не указываетъ. У Князя Таврическаго 1791 года Апрѣля 21 кипѣлъ волшебный пиръ: а онъ изъ подъ стѣнъ крѣпостей Финляндскихъ писалъ къ племяннику своему Алексѣю Ивано-

(*) Изъ письма къ Бибикову 1772 года. (**) Турчаниновъ служилъ первоначально въ канцеляріи Потемкина, а потомъ при докладахъ у Екатерины. (***) Изъ письма къ Потемкину. (****) Изъ письма къ Бибикову. (*****) Изъ письма къ Потемкину.

вичу Горчакову: «мнѣ здѣсь мало дѣла, по почтѣ могу быть обращенъ повсюду. Я въ непрестанной мечтѣ.»

А вотъ душевная исповѣдь Суворова Князю Таврическому.

«Съ наступающимъ новымъ годомъ, Вашу Свѣтлость поздравляю! Истекающій годъ я прожилъ въ деревнѣ при нѣкоторыхъ войскахъ въ ожиданіи отъ Вашей Свѣтлости особой мнѣ команды, какъ я обыкновенно командую *дивизіей* или *корпусомъ*, особливо, милостивый государь! ваканція мнѣ по дивизіи *Брюссовой* и *Репнина*. Въ сторонѣ первой я имѣю деревню; но все равно, Свѣтлѣйшій Князь! гдѣ бы отъ вниманія вашего особую команду не получилъ, хотя бы въ *Камчаткѣ*.

«Въ праздности купилъ я 92 души подъ вексель, который черезъ два года выплачу. Оставилъ на *Кубани* экономіи больше ста тысячъ и и по краткому времени четыре мѣсяца мѣсячныхъ. Вотъ мое корыстолюбіе.

«Подъ *Копыломъ* командовалъ не *Филисовъ*, а Николай *Рахмановъ*, который въ поле съ полкомъ, съ поля съ баталіономъ. Я во всю мою службу столько людей не потратилъ и онъ сочинилъ на меня *пасквиль*.

«Служу я, милостивый Государь! Больше сорока лѣтъ и почти шестидесятилѣтній; одно мое желаніе, чтобъ кончить Высочайшую службу съ оружіемъ въ рукахъ; долговременное мое бытіе въ нижнихъ чинахъ пріобрѣло мнѣ *грубость* въ поступкахъ при чистѣйшемъ сердцѣ и удалило

меня отъ познанія *свѣтскихъ наружностей*, препроводя жизнь мою въ полѣ поздно мнѣ къ нимъ привыкать.

«Наука просвѣтила меня въ добродѣтели. Я лгу, какъ *Эпаминондъ*; бѣгаю, какъ *Цесарь*; постояненъ какъ *Тюрень* и праводушенъ какъ *Аристидъ*. Не разумѣю изгибовъ лести и ласкательствъ; моимъ сверстникамъ часто неугоденъ. Былъ счастливъ, потому, что я повелѣвалъ счастіемъ.

«Успокойте духъ невиннаго передъ вами, въ чемъ я и на страшномъ судѣ Божіемъ отвѣчаю. Пожалуйте мнѣ особую команду.... Исторгните меня изъ праздности; но не мните притомъ, чтобы я чѣмъ нибудь хотя малымъ, Иваномъ Петровичемъ недоволенъ былъ. Только что въ роскоши жить не могу. Въ чужіе краи.... тоже праздность.

«Уповаю на милость Вашей Свѣтлости; и проч. (*)

Село Ундалъ.
10 Декабря, 1784 года.

Тутъ все ясно. Развязали орлу крылья и—онъ взвился своимъ полетомъ за облака. А какой глазъ уловитъ слѣдъ его? съ колеи, такъ называемыхъ: *грубыхъ поступковъ*, Суворовъ перешагнулъ на колею *проказъ*. Тутъ онъ дохнулъ своею жизнію, своею волею. Потемкинъ не связывалъ ему рукъ. Суворовъ самъ высказалъ ему самаго себя. Объяснимъ и нѣкоторыя подробно-

(*) Подлинникъ этого письма передалъ я К. С. Сербиновичу.

сти письма. Тутъ если не общая, то по крайней мѣрѣ, частная исторія *своего времени*. Николай Михайловичъ *Рахмановъ*, на котораго жалуется Суворовъ, былъ и умнымъ и образованнымъ и храбрымъ человѣкомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ и Князь Григорій Александровичъ въ донесеніи своемъ о взятіи *Очакова*. Но увлекаясь запосчивымъ и неумѣстнымъ хвастовствомъ и недовольствуясь предоставленными ему лаврами, въ поѣздку свою въ Москву, онъ распустилъ молву, будто бы покореніемъ Очакова, Потемкинъ обязанъ непосредственнымъ его распоряженіямъ. Эта молва предупредила возвращеніе его къ Князю Таврическому. Потемкинъ встрѣтилъ его по пословицѣ: *какъ аукнется, такъ и отзовется*. «Двумъ медвѣдямъ, сказалъ онъ Рахманову: въ одной берлогѣ не ужиться. Вашъ умъ, ваша тактика гремятъ по Москвѣ. Учиться мнѣ у васъ поздно. А вы откройте въ Москвѣ особенную каѳедру для преподаванія высокой вашей науки. Прощайте!»

Въ этомъ же письмѣ Суворовъ отвергаетъ клевету, будто бы онъ за что то негодуетъ на Графа *Салтыкова*. Правда, Графъ Иванъ Петровичъ жилъ роскошнымъ бариномъ. Но у него было прекрасное сердце и онъ заслужилъ общую любовь на чредѣ Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора. Двери его дома не затворялись ни для кого; а лѣтомъ въ подмосковномъ селѣ его *Марѳинѣ* для всѣхъ было радушное гостепріимство. Все это теперь давно-прошедшее; (да вѣдь и все пройдетъ): но тогда,

право, это очень и занимало и веселило. Словомъ, у Графа было прекрасное сердце. А потому Суворовъ и не могъ не любить его. Но между ними бросали яблоко раздора тѣ баловни нѣги, которымъ онъ кололъ глаза рѣзкими, солдатскими своими выходками. Одинъ изъ такихъ баловней пріѣхалъ къ нему подъ *Прагу* разряженный въ пухъ и въ шелковыхъ чулкахъ; Суворовъ отскочилъ отъ него и закричалъ: «бальный зефиръ! лети въ Петербургъ, въ Москву, въ Парижъ. Боюсь, боюсь тебя! Ты такъ насмѣшишь моихъ чудо-богатырей, что у нихъ отъ смѣха и ружья выпадутъ изъ рукъ.» Суворовъ и не такимъ шалунамъ давалъ Діогеновскіе уроки. Когда въ Италіянскую войну, *Нельсонъ*, застоялся въ Ливурнѣ, очарованный прелестями своей *Леди*, онъ писалъ къ нему: «Нельсонъ дремлетъ на миртахъ; Герой исчезъ.» Просто тогдашніе баловни, подслуживаясь Графу Салтыкову, нашептывали ему, будто бы Суворовъ говорилъ: «Каменскій знаетъ тактику, Суворовъ практику, а Графъ Салтыковъ не знаетъ ни тактики, ни практики.» «Свѣтъ, говорилъ Суворовъ въ письмѣ своемъ изъ Астрахани отъ 1781 года, свѣтъ работаетъ случаю.»

Свѣтъ служитъ случаю; а Князь Таврическій дѣйствовалъ по соображенію. Иные укоряютъ его въ зависти; но несправедливо. Этотъ порокъ мелкихъ душъ, не заглядывалъ въ сердце его. Умному сподвижнику, онъ самъ, подъ завѣсою тайны, пролагалъ новые пути къ славѣ и побѣдамъ, Измаилъ былъ взятъ въ Декабрѣ 1790

года; а Григорій Александровичъ 1788 года писалъ къ Суворову: «за тайну скажу: въ будущую компанію, если Богъ дастъ помощь Свою, все, что съ веслами, подчиню сухопутному начальству; а парусные оставлю морскимъ. Очаковъ будетъ взятъ; а потомъ, мой любезный Александръ Васильевичъ отправится къ Измаилу, предшествуя войску.»

Есть люди и теперь еще сомнѣвающіеся въ военномъ искусствѣ Князя Таврическаго. А Румянцовъ Задунайскій не стыдился спрашивать у него совѣта въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Когда Императоръ *Іосифъ*, подъ личнымъ предводительствомъ, овладѣлъ *Сабачемъ* на *Савѣ*, Григорій Александровичъ писалъ къ Суворову: «я получилъ извѣстіе изъ Царьграда, что Муфти смѣненъ. Визирь съ Капитанъ-Паши содралъ нѣсколько мѣшковъ на походъ себѣ; онъ хотя и губы кусалъ съ досады, но отдалъ. *Цесарцы* отъ Графа Петра Александровича требуютъ, чтобы онъ, перешедъ *Днѣстръ*, присоединилъ ихъ къ себѣ и дѣйствовалъ общими силами. Я писалъ, что это хорошо будетъ.»

Теперь хотите ли видѣть мнѣніе Суворова о Румянцовѣ? Вотъ, что онъ говоритъ о немъ въ письмѣ къ Петру Ивановичу *Турчанинову*.

«Пора *Рельштрому* быть на Кубани, *Райзеру* долго тамъ старшимъ не управить, за нимъ черезъ проливъ всего не усмотрѣть ни мнѣ, ни кому другому. Вѣщаю изъ пользы къ службѣ, *девятаго* (*) непрестанно боюсь. По выводѣ Хри-

(*) Въ подлинникѣ вмѣсто буквъ выставлено цыфрою: 9-го.

стіанъ порадовалъ было онъ меня письмомъ къ Хану, съ котораго сюда прислалъ копію. Вмѣсто того прислалъ послѣ иное. Напримѣръ: въ первыхъ почти суткахъ, какъ означился выводъ по договору Ханскому, нѣкоторые Христіане подали ему прошеніе, что не хотятъ, развѣ поневолѣ и будто бы Татары терпятъ отъ войскъ разныя обиды. О всемъ томъ *девятый* часто очищалъ.»

Далѣе Суворовъ упоминаетъ, что содѣйствіемъ Князя Григорія Александровича, Христіане вывезены, и потомъ намѣкая *Турчанинову* о препонахъ, полагаемыхъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Графомъ Румянцовымъ, Суворовъ продолжаетъ: «успѣху была бы помѣха. Боюсь не *его* (*). Хотя бы уже онъ купоросности отлагалъ; проникалъ лучше въ конецъ или бы его терпѣливо ждалъ. А то по мечтѣ какой то, изъ Иліады, особливо, Боже сохрани! въ прицѣпкѣ, по мнимымъ неудачамъ выбьетъ вонъ изъ *Вишенокъ* костьми и мозгъ и глаза (**).

(*) *Его*, означено въ подлинникѣ крупными буквами. Отрывистымъ словомъ своимъ Суворовъ хотѣлъ сказать: «Боюсь Бога! а не его.»

(**) И это письмо находится въ рукописи, переданной мною Графу М. С. Воронцову.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА XVIII СТОЛѢТІЯ

и

ПОСЫЛКА БАУРА

въ Парижъ, 1788 года.

L'art d'une bonne politique ne consiste jamais à renverser et à détruire, mais à bien connaître les circonstances et les hommes, pour en tirer tout le parti possible.

Цѣль умной политики не та, чтобы разрушать и уничтожать; но чтобы знать обстоятельства и людей и извлекать изъ того всевозможную пользу.

Чего не взводили на Князя Таврическаго? Были на него поклепы, будто бы онъ въ какія-то бездны сыплетъ милліоны. Графъ *Монтекукули* и говорилъ, и писалъ, что для войны нужны: *деньги*, *деньги* и *деньги*. Въ началѣ нашего девятнадцатаго вѣка это не сбылось. Много завезено было въ Россію *Наполеондоровъ*; а война какъ-то пошла роковымъ ходомъ. Правда, звучалъ и Потемкинъ червонцами; да что же было дѣлать: если въ осмнадцатомъ вѣкѣ и для движеній политики нужны были: *деньги*, *деньги* и *деньги?* Не испытавъ еще исполинскихъ событій нашего вѣка, политика осмнадцатаго столѣтія пресмыкалась по увертливымъ и изворотливымъ колеямъ, подъ завѣсою какой-то туманной тайны, которая отъ блеска золота ярко проясня-

лась. Принцъ Делинь называетъ Потемкина: *глубокимъ философомъ* и *величественнымъ политикомъ* (*). Положимъ, что это названіе нѣсколько пышно для тогдашней политики. Но и мелочная увертливость вызывала зоркое наблюденіе. И Потемкинъ, сидя на диванѣ въ халатѣ, и, какъ будто полусонный, грызя ногти, наблюдалъ; и изъ лагеря при *Карасубазарѣ*, отъ 10 Іюня 1783 года, писалъ къ Булгакову въ Константинополь: «Французы у васъ мутятъ, здѣсь кланяются, а дома погибаютъ.»

Между тѣмъ, то есть, 1788 года, было собраніе *нотаблей* и знаменитостей Франціи. Въ это же самое время одно изъ тогдашнихъ Европейскихъ министерствъ засѣивало плевела противъ Россіи. Потемкину нужно было провѣдать, что дѣлается во Франціи, и силою звонкости выхлопотать бумаги, относившіяся къ Россіи.

И вотъ! онъ кличетъ *Баура*; велитъ ему взять подорожную и скакать въ Парижъ за модными башмаками для *Прасковьи Андреевны* Потемкиной. (**)

(*) Philosophe profond, ministre habile, politique sublime. И къ этому Принцъ Делинь прибавляетъ: «Ребенокъ десятилѣтній, не упрямый, просящій прощенія, если чуть увидитъ, что кто нибудь на него поморщится. Прискучили ему всѣ забавы, и отъ чрезмѣрнаго счастія онъ сталъ несчастливъ.»

(**) Намекъ о посылкѣ Баура въ Парижъ помѣщенъ былъ въ Русскомъ Вѣстникѣ еще до 1812 года. П. П. Свиньинъ съ своими оговорками перенесъ его въ Отечественныя Записки. Но мнѣ всѣ подробности объ этой посылкѣ сообщены были роднымъ племянникомъ Григорія Александровича, Ник. Петровичемъ Высоцкимъ. Здѣсь же къ дополненію къ прежнему помогла мнѣ и рукопись писемъ Суворова.

Закипѣлъ по землянкамъ офицерскимъ говоръ о новой причудѣ Князя Таврическаго; шутки летѣли за шутками. А между тѣмъ Василій Степановичъ *Поповъ* въ сумку Баура всунулъ пакетъ на имя одного изъ тогдашнихъ банкировъ. У Баура гоньба почтовая была волшебнымъ *коврикомъ самолетомъ*. Сѣлъ, встрепенулся! *по всѣмъ по тремъ*! И онъ за границей и онъ—въ Парижѣ. Пакетъ немедленно отданъ былъ поименованному банкиру; а самъ *Бауръ* умышленно пустился, хлопотать, суетиться, бѣгать по всѣмъ моднымъ лавкамъ и заказывать: «модные башмаки pour madame Potemkin. Рыбакъ рыбака далеко въ плесѣ видитъ. Князь Григорій Александровичъ зналъ и кого посылать и кому что препоручать. Что за потѣха! что за разгулъ по улицамъ Парижскимъ! Кипитъ и разливается гулъ: le Prince Russe, Русскій Князь прислалъ въ Парижъ за модными башмаками.» Башмаки—Альцибіадовская замашка. У *Баура* кромѣ пакета къ банкиру были и другія письма кое къ кому въ Парижѣ. Въ это время было вторичное собраніе *Нотаблей* въ Версали; въ тоже время загоралась война у Англичанъ съ Испаніей за мѣховую торговлю на *Путкѣ*; а передъ этимъ, то есть 1787 года заключенъ былъ торговый договоръ между Франціей и Россіей, съ предоставленіемъ Франціи всѣхъ выгодъ, которыми прежде пользовались Англичане на Балтійскомъ и Бѣломъ морѣ. Замѣчу мимоходомъ, что Французамъ не удались ни какія выгоды. Когда буря революціи разорвала связи Россіи съ Фран-

ціей, тогда и вина и все оттуда завезенное къ намъ, перешло за ничто въ руки нашего купечества. Кому изъянъ, а кому нажива — это круговая порука въ нашемъ бѣломъ свѣтѣ. Надобно было Потемкину все узнать, изслѣдовать, взвѣсить и сообразить. Отъ недомолвокъ бѣда! Отъ нихъ вскрикивалъ и Суворовъ. Бѣда въ политикѣ и одинъ упущенный уголокъ земли. Не былъ въ *Канадѣ* размежеванъ такой уголокъ 1713 года; за то какая вспыхнула война и въ Европѣ и за Океаномъ 1756 года! Звонкій запасъ вызоветъ всю подноготную; а нашъ Григорій Александровичъ все обдумаетъ. Слышно было, что когда посолъ за модными башмаками метался туда и сюда, сочиненъ былъ *водевиль* на покупку модныхъ башмаковъ. На улицахъ зѣваки толкуютъ свое; а Парижскій банкиръ отсчитываетъ передъ такой-то *шестдесятъ тысячъ* червонцевъ съ тѣмъ, чтобы она изъ бюро *такого-то*, ловкою рукою выбрала *такія-то бумаги*. При выдачѣ бумагъ будутъ выданы и червонцы. Какъ зналъ Потемкинъ, что *такая-то* въ Парижѣ, и что *такія-то* бумаги у *такого-то*, тамъ, или гдѣ въ другомъ мѣстѣ? Это его дѣло. *Омиръ* говоритъ, что чудный *Терезіадъ* такъ привыкъ въ жизни думать и все обдумывать, что онъ отъ этого не унялся и на томъ свѣтѣ. Какъ бы то ни было, блестящая звонкость придала крылья хитрой сильфидѣ; она слетала куда слѣдовало; вытащила изъ заперти такія-то бумаги, и получила слѣдуемое за услугу. Накупилъ Бауръ цѣлый коробъ модныхъ

башмаковъ, крѣпко на крѣпко увязалъ бумаги на грудь, и — прощай Парижъ! Между тѣмъ министръ, обожатель хитрой сильфиды, не успѣлъ спохватиться, а бумаги были напечатаны въ заграничныхъ вѣдомостяхъ. Какая нужда до имени этого дипломата? Съ того времени перемѣнились цѣлыя поколѣнія и министровъ, и дипломатовъ; а сколько измѣнилось правилъ политическихъ; объ этомъ нечего и говорить. Скажу только, что того министра Суворовъ называлъ *сюперфинъ* — прехитрецемъ. И вотъ въ какомъ письмѣ: «Ахъ, батюшка! Григорій Александровичъ! Оживили вы меня. Боже вамъ даруй, чтобъ сонъ *Бирбрауена* у Василія Степановича сбылся; и право есть надежда. N. N. *сюперфинъ* роется, (и прибавляю, не дороется). *Густавъ* нашъ, коли угодно, *Геркулесова* дубина, и центръ не далекъ. Виватъ *Ушаковъ!* Благодарю за довѣренность. Я готовъ къ повелѣніямъ вашимъ. Борюсь съ горячкою.»

Это было писано послѣ послѣ небольшой размолвки Князя Таврическаго съ Суворовымъ. Въ порывѣ нетерпѣнія, Суворовъ 1788 года Іюля 27, мимо Потемкина, полетѣлъ на стѣны Очакова. Подкрѣпленія не было, неудалось. Въ первой разъ въ глазахъ его Русскіе солдаты побѣжали. Не оторопѣлъ; нашелся Суворовъ. Остановясь и обхватя грудь руками, онъ вскричалъ: ребята! чудо-богатыри, умираю! умираю! «быстро всѣ сбѣжались къ нему. Встрепенулся Герой и вывелъ свой отрядъ изъ подъ пушекъ Турецкихъ. Онъ былъ раненъ. Потем-

кинъ удалилъ его и писалъ къ нему: «солдаты не такъ дешевы, чтобы ими жертвовать по пустякамъ. Къ тому же мнѣ странно, что вы въ присутствіи моемъ дѣлаете движеніе безъ моего приказанія пѣхотою и конницею.»

Вѣтеръ непріязни вскорѣ стихъ и Князь Таврическій писалъ къ Суворову: «мой другъ сердечный! лодки бьютъ корабли; пушки заграждаютъ теченіе рѣкъ, Боже дай тебя найти въ Очаковѣ!»

Скажутъ, можетъ быть, какъ можно было бросать 60000 червонныхъ? *Во первыхъ*: ходъ этой звонкости былъ тогда гораздо скромнѣе. *Во вторыхъ*: лучше прозвѣнѣть червонцами, нежели прогремѣть новыми пушечными выстрѣлами. *Въ третьихъ*: въ тотъ XVIII вѣкъ, когда Абатъ *Сенъ-Пьеръ* провозглашалъ общій миръ въ Европѣ, боевыя распри вспыхивали отъ ребяческихъ погремушекъ. Въ одномъ изъ своихъ посланій Фридрихъ Второй сказалъ: «Evitez de *Bernis* la stèrile abondance.» «Въ пустой наборъ вы словъ Берниса не вдавайтесь.»

Берни былъ и Кардиналомъ и Министромъ и поэтомъ и былъ въ милости у Гж. *Помпадуръ*. Закипѣло раздраженное его самолюбіе и войска Французскія въ семилѣтнюю войну двинулись въ Пруссію на бѣду и на стыдъ (*).

Два извѣстные современника Потемкина свидѣтельствуютъ о личномъ его безкорыстіи: Принцъ *Делинь* и Графъ Никита Ивановичъ *Па-*

(*) *Вильменъ*: Cours de Litterature.

нинъ, при составленіи военнаго неутралитета 1772 года по случаю войны, возгорѣвшейся между Англичанами и Американскими областями; Англичане, по словамъ нѣкоторыхъ писателей, предлагали Потемкину пятдесятъ тысячъ *фунтовъ стерлинговъ*, чтобы онъ благопріятствовалъ имъ, Графъ Никита Ивановичъ *Панинъ*, хотя и не былъ его приверженцемъ, но всѣмъ и каждому говорилъ: *Потемкина нельзя подкупить*. Въ новомъ очеркѣ жизни Принца *Делиня* сказано, что: «онъ два раза находился при Князѣ Потемкинѣ по важнымъ порученіямъ отъ Двора своего. Слѣдственно, онъ близокъ былъ къ нему и онъ говорилъ: «при чрезвычайномъ богатствѣ у Князя Потемкина не было ни копѣйки. Онъ все отдавалъ и раздавалъ.»

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ

Князя

ПОТЕМКИНА-ТАВРИ-ЧЕСКАГО.

(Разсказъ самовидца) (*).

(*) Родственника моего Гр. Богд. Глинки, бывшаго на посылкахъ у Князя.

Жестокая война! кто выдумалъ тебя?
Природы лютый врагъ и обществъ и себя.
Ты, ты естественна рушительница чина,
Толь тяжкаго для насъ урона ты причина!

. . . . . .

Когда бъ труба твоя, о брань! не возгремѣла
Россія бы по днесь Потемкина имѣла.
Предъ мужемъ симъ лежалъ путь къ славѣ не одинъ:
Онъ былъ и безъ тебя великій гражданинъ.

. . . . . .

Въ мечтаньи о вещахъ сколь смертные мы слѣпы!
Бывъ смертною въ одрѣ не разъ объятъ грозой,
Я мнилъ, что ты Герой почтишь мой гробъ слезой.
Что прежде я умру, то мнѣ казали лѣта,
Я скорбенъ былъ; ты бодръ, ты крѣпокъ, полонъ цвѣта.

Петровъ.

(На смерть Князя Потемкина).

Послѣ чудеснаго и, можно сказать, волшебнаго праздника, даннаго Екатеринѣ Второй 1791 года, 21 Апрѣля, Княземъ Григоріемъ Александровичемъ, онъ погрузился въ какую то глубокую задумчивость. Одни приписывали это новой его сердечной страсти; другіе увѣряли, будто бы умъ его волновался какими то честолюбивыми замыслами къ составленію какой то новой области. Большую часть дня лежалъ онъ на ди-

ванѣ. Словомъ, онъ какъ будто прикованъ былъ къ берегамъ Невы. Императрица нѣсколько разъ присылала ему сказать, что время отправиться къ войску. Но онъ медлилъ, не берусь я дѣлать никакихъ предположеній. Я былъ просто исправнымъ чиновникомъ при посылкахъ. А какія оттуда доставлялъ донесенія, это было извѣстно одному Григорію Александровичу. Не за свое взялся я дѣло, затѣявъ разгадывать того, кто, можетъ быть, и самъ для себя былъ загадкою. Однажды въ небытность Василія Степановича Попова нужно было представить Князю бумаги для подписи, мы заглядывали въ непритворенныя двери: что дѣлаетъ Князь? Онъ сидѣлъ на софѣ, въ задумчивости, то грызя ногти, то потирая себѣ лобъ. Въ такіе часы никто не входилъ къ нему. Но на этотъ разъ случился у насъ чиновникъ *Пѣтушковъ*. Задумавъ пощеголять удальствомъ своимъ, онъ подлетѣлъ съ бумагами къ Григорію Александровичу. Взявъ перо и молча Князь подписывалъ бумагу за бумагою. Нашъ *Пѣтушковъ* выбѣжалъ въ такомъ восторгѣ, какъ будто побѣдилъ толпы Янычаръ. «Что, братцы! сказалъ онъ: все подписано.» Мы всѣ бросились взглянуть съ торопливымъ любопытствомъ: и что же вышло? Подъ каждою бумагою подпись: *Пѣтушковъ*, *Пѣтушковъ*, *Пѣтушковъ*. Пристыженный смѣльчакъ притихъ, какъ мокрая курица. Не заманили его къ намъ ни роскошный нашъ пиръ, ни разгулъ карточный. На это Князь не сердился. Нашъ шумъ не только не былъ ему помѣхою, но когда случалось намъ

сидѣть тихомолкомъ, онъ говорилъ выглянувъ въ двери: «что вы такъ притихли, господа! дѣлайте свое дѣло: вы мнѣ не мѣшаете. А выигрыша всѣмъ желаю.» Нельзя было не любить его.

«Мы веселились, не предвидя близкаго горя; а Князь Таврическій часъ отъ часу становился туманнѣе. Въ *Галацѣ*, послѣ погребенія Принца Виртембергскаго, Григорій Александровичъ, въ какомъ-то непонятномъ раздумьѣ, сѣлъ на опустѣлыя дроги. Это всѣхъ смутило и ему тотчасъ замѣтили. Молча сошелъ онъ съ дрогъ; но какая-то мрачная дума, внезапно проявившаяся на его челѣ, какъ будто сама высказывала близкій конецъ Князя Таврическаго. Заболѣвъ съ того самаго дня, онъ переѣхалъ за *Днѣстръ* въ монастырь *Гужъ*. И теперь еще не могу дать себѣ отчета: чѣмъ былъ боленъ Князь или вовсе не былъ боленъ. Все было въ немъ неразгаданно. Въ образѣ его жизни ничто ни на волосъ не перемѣнилось. Музыка гремѣла; мы шумѣли, играли и шутили

«Между тѣмъ, сидя въ обыкновенномъ своемъ раздумьѣ, Князь одною рукою отталкивалъ лекарства, а другою хватался то за различныя лакомства роскоши, то за простыя овощи огородныя, посмотритъ, отвѣдаетъ, броситъ и опять за тоже принимается. Въ немъ все было въ борьбѣ. Вездѣ было ему и тѣсно и душно. Безъ всякой очевидной причины изъ за *Прута* Князь пустился въ *Яссы*. Прощаясь съ *Поповымъ*, онъ такъ крѣпко стиснулъ ему голову, что Василій Степановичъ невольно вскрикнулъ.

Григорій Александровичъ улыбнулся, а Поповъ съ восторгомъ провозгласилъ, что: «есть надежда; что Князь долго еще проживетъ и что у него все еще прежняя сила.» Въ числѣ провожатыхъ Князя въ *Яссы* была племянница его Графиня *Браницкая*, проѣхавъ верстъ шестнадцать, остановились на ночлегъ. Князю стало душно въ хатѣ, нетерпѣливою рукою вырывалъ онъ пузыри, замѣняющіе въ тѣхъ мѣстахъ стекла. Племянница уговаривала его успокоиться; Григорій Александровичъ съ досадою проговаривалъ сквозь зубы: *оставьте меня! не сердите меня.* Такъ прошла ночь и на утренней зарѣ продолжали путь въ *Яссы.* Князь молчалъ; и все молчало. Это глубокое молчаніе прервалъ онъ, какъ будто приговоромъ смерти своей: *мнѣ дурно! остановитесь!* Остановились и опять поворотили на прежнее мѣсто. Едва проѣхали нѣсколько шаговъ, Князь снова приказалъ остановиться и высадить себя изъ кареты. Графиня удерживала его. Князь проговорилъ по прежнему: *оставьте меня! не сердите меня.* Разложили пуховикъ и уложили Григорія Александровича подъ открытымъ сумрачнымъ небомъ. Спокойно, безтрепетными руками взялъ образъ Христа Спасителя, поцѣловалъ три раза, осѣнился крестомъ и сказалъ! *Господи! въ руцѣ Твои предаю духъ свой!* Замолчалъ и—вздохнулъ въ послѣдній разъ.»

Прибавлю къ разсказу моего родственника. Все было необычайно въ жизни Князя Таврическаго. Въ банѣ взглянулъ на свѣтъ; изъ Университета выбылъ недоученнымъ студентомъ.

Волнуясь какимъ-то неудовольствіемъ спѣшилъ въ келью монастырскую; и вмѣсто кельи вошелъ въ чертоги. Далъ праздникъ, какого ни Россія, ни Европа никогда не видали и — послѣ всѣхъ великолѣпій міра земнаго, какъ будто какой нибудь странникъ безпріютный—умеръ на степи.

VI.

ГАННИБАЛЪ,

ГЕНЕРАЛЪ БОНАПАРТЪ

и

СУВОРОВЪ

въ Италіи.

I.

ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВЪ

ВЪ ЕДИНОДУШИИ И НЕРАЗДѢЛЬНОМЪ СОЮЗѢ.

Другъ о другѣ, а Богъ обо всѣхъ.

Пословица.

Tout est dans tout.

Jacotot.

Ceux à qui le sort des hommes est confié doivent toujours ramener leurs calculs à la somme commune; c'est à dire au peuple.

(Duclos. *Considération sur les moeurs, chapitre XV, sur le prix réel des choses.*)

Тѣ, которымъ ввѣренъ жребій людей, должны всегда обращать расчеты свои къ общему знаменателю, къ народу.
(Дюкло. *Взглядъ на нравы, Глава XV о существенной цѣнѣ вещей.*)

Можетъ быть покажется страннымъ, что въ статьѣ о трехъ полководцахъ буду говорить и о промышленности, или лучше сказать, буду предлагать о томъ, что въ существованіи обществъ человѣческихъ нѣтъ ничего *отдѣльнаго*. Живыя событія нашего XIX столѣтія очевидно доказали эту истинну.

Съ XVIII вѣка до 1815-го года въ Европѣ былъ *періодъ военный*, и исключительно военный. Но что же доставилъ онъ своему дѣлателю?

Смолкли перуны главнаго военнаго дѣлателя, и Европа полагаетъ, что въ ней исключительно начался *періодъ промышленный*.

Въ великолѣпной рѣчи своей умный *Лафитъ* сказалъ: «Промышленность владычествуетъ надъ нашимъ вѣкомъ. Она перелетаетъ вершины горъ и прокладываетъ новые пути.»

И дѣло военное скажетъ: «И я перелетаю черезъ вершины горъ и прокладываю пути вездѣ, гдѣ только вѣтры могутъ дуть.»

Лафитъ прибавляетъ: «Промышленность съ избытками нашей вселенной разсѣкаетъ волны океана, и нерѣдко, сражаясь съ грозными бурями, доставляетъ народамъ полное изобиліе жизни.»

На это *Веніаминъ Франклинъ* отвѣчалъ бы: «Долго ли выгоды торговли будутъ губить человѣчество, обагряя кровію волны океана?»

Но и въ самой промышленности есть ли какое нибудь незыблемое основаніе, которое бы въ раздѣлѣ ея, особенно упрочивало ту или другую вѣтвь?

Въ шестнадцатомъ столѣтіи, въ продолженіи тридцатилѣтнихъ волненій, погибло во Франціи *два* милліона людей и *три* тысячи милліоновъ денегъ. Умъ *Сюлли* и самородная жизнь Франціи все замѣнили. *Сюлли* уплатилъ двѣсти милліоновъ долга при трехъ стахъ тридцати милліонахъ дохода, и сверхъ того оставилъ въ Бастиліи тридцать милліоновъ. Откуда же онъ почерпалъ эти, едва ли имовѣрныя средства?

«*Сюлли* отвѣчаетъ: «Богатство Франціи за-

ключается въ двухъ источникахъ: въ *земледѣліи* и *скотоводствѣ*.

Министръ *Кольбертъ* хотя и не вовсе пренебрегалъ земледѣліе, но преимущественно усилилъ ходъ фабричныхъ издѣлій. Сначала сильно закипѣла эта промышленность. Но ненадолго. 1709 года свирѣпая зима и голодъ постигли Францію. Въ великолѣпныхъ Версальскихъ чертогахъ Людовика XIV, вошелъ въ честь и ржаной хлѣбъ. Въ это бѣдственное время народъ разрылъ Кольбертову могилу и разметалъ прахъ его. Безъ хлѣбныхъ запасовъ опѣпенѣло торжество фабричныхъ и мануфактурныхъ издѣлій.

Около 1717 года система Шотландца *Лава* или *Ласса*, вверхъ дномъ опрокинула во Франціи обороты и ходъ денежный. «Но, говоритъ историкъ вѣка Людовика XV:» Кардиналъ *Флери* все замѣнилъ одною внутреннею жизнію Франціи и она безъ всѣхъ займовъ, вела войну 1746 года въ Германіи на собственное иждивеніе.

Ошибаются также и тѣ, которые полагаютъ, будто во Франціи въ осмнадцатомъ столѣтіи, торговая промышленность была въ какомъ-то застоѣ. Напротивъ того, вотъ, что говоритъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ 1756 года, *Д'Аржансонъ*: «во Франціи не многіе занимаются внутреннею политикою, но и тѣ для личныхъ только выгодъ своихъ. *Торговля* и *обороты* денежные заполонили умы.»

И духъ промышленный и оборотовъ денежныхъ преобладалъ въ обществѣ Герцоговъ, Герцогинь и Маркизовъ. Въ это самое вре-

мя назначенъ былъ къ завѣдыванію Государственныхъ доходовъ *Сильхуэтъ*, извѣстный правотою и стремленіемъ къ общей пользѣ: «Но, говоритъ Жанъ – Жакъ *Руссо*:» едва наложилъ онъ желѣзную руку на козни пронырства, его тотчасъ сбили съ того мѣста, которое онъ занималъ по праву совѣсти и ума. Смѣлый Жанъ – Жакъ молчалъ, когда онъ былъ Министромъ, но когда палъ, онъ отправилъ къ нему слѣдующее письмо: «Чѣмъ было вамъ спасти Францію? Укрощеніемъ мытарствъ въ столицѣ ея. Вы противуборствовали воплямъ корыстолюбцевъ. Видя, какъ вы ихъ гнали, я завидовалъ вашей чредѣ; видя же, съ какимъ равнодушіемъ вы ее оставили, я удивляюсь вамъ.»

Бѣда и тутъ! бѣда уважать и доблесть правоты. Герцогини и Маркизы, бывшія подъ рукою въ торговыхъ оборотахъ по откупамъ, узнавъ о письмѣ Руссо, загнали его въ большемъ своемъ свѣтѣ.

Разительнымъ доказательствомъ того, что денежные обороты кипѣли во Франціи и 1788 года, то есть: за годъ до революціи, служитъ статья *Мирабо о мытарствѣ* (*). «Долго ли, говорилъ онъ: Французы будутъ вертопрашничать на грудахъ золота? Долго ли коварное мытарство будетъ ликовать и заглушать голосъ правды и добродѣтели? Пора возвесть Французовъ на чреду законовъ, возвеличивающихъ нравственную жизнь людей.»

А 1789 года, *Мори* говорилъ передъ лицемъ

(*) Agiotage.

цѣлой Франціи: «чѣмъ доселѣ была Франція?... Торговля, земледѣліе, процвѣтали въ ней. Французы были богаты.»

Безумно было бы оспоривать и необходимость и пользу промышленности; но изъ всѣхъ всемірныхъ лѣтописей явствуетъ, что если съ нею не соображаются непосредственно и другіе разряды быта общественнаго, то рано или поздно, неминуемо колеблются и основанія промышленности и сданіе торговли, воздвигаемое ею. Гдѣ великолѣпный *Вавилонъ?* Гдѣ *Тиръ*, на стогнахъ котораго, по слову завѣтному, торговля, какъ соръ разсыпала золото и серебро!

Вотъ почему съ подвигами трехъ полководцевъ, буду предлагать нераздѣльно все то, что относится къ внутренней жизни обществъ человѣческихъ.

II.

КАРОАГЕНЪ

и

ГАННИБАЛЪ.

Le moindre grain de sable battu des vents a en lui plus d'éléments d'existence, que la fortune de Rome, de Sparte ou de Carthage.

Quinet.

Въ малѣйшей песчинкѣ, носимой вѣтрами, болѣе долговѣчности, нежели въ счастливой судьбѣ Рима, Спарты и Карѳагена.

Кине, Переводчикъ философическихъ мыслей Гердера.

Вскорѣ послѣ Каннскаго сраженія, одинъ изъ отважнѣйшихъ полководцевъ Карѳагенскихъ сказалъ Ганнибалу: «Вижу, что боги не даютъ одному человѣку всѣхъ дарованій. Ты побѣждаешь—но безъ пользы. Римъ былъ въ рукахъ твоихъ, ты не удержалъ его. Гордые патриціи, издѣваясь надъ тобою, наперерывъ другъ передъ другомъ перекупаютъ тотъ клочекъ земли, гдѣ былъ твой станъ.»

Тутъ весь *Ганнибалъ*. Но прежде взглянемъ на родину его *Карѳагенъ*.

На тѣхъ самыхъ берегахъ Африканскихъ, гдѣ кипитъ теперь борьба Французовъ съ дикими племенами *Абдель-Кадера*, цвѣли нѣкогда города, кипѣвшіе жизнію общественною. На первой чредѣ ихъ былъ Карѳагенъ, названный *градомъ солнца*.

Вотъ что говорятъ о немъ историки.

Карѳагенъ сіялъ роскошью и блескомъ искусствъ Востока. Стекались въ стѣны его и мѣдь *Италіи*, и серебро *Испаніи*, и золото *Офира*, и ѳиміамъ *Савы*; и янтарь изъ морей *Сѣверныхъ*; и розовыя ткани и багряницы изъ *Тира*; и слоновая кость изъ *Эѳіопіи*; и жемчугъ изъ *Индіи*; и шали изъ всѣхъ областей *Азіятскихъ*. Въ домахъ множество было различныхъ утварей, таинственно окутанный истуканъ солнца, вылитый изъ чистаго золота и золотые затворы храма, по свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей, стоили тысячу *талантовъ*.

Таковъ былъ Карѳагенъ. И гдѣ и роскошь и пышность его! Положимъ, что главный ударъ нанесенъ ему оружіемъ Римлянъ. Но въ Африкѣ были и другіе города на степени гражданской образованности. Въ свою очередь и тамъ водворилась одичалость быта человѣческаго.

Особенною этому причиною почитаю распространеніе *исламизма*. По завѣщанію *Магомета* Алкоранъ и мечь такъ соединились, какъ нѣкогда въ древней *Бельгіи* соединились *двѣ ладони* въ знакъ гостепріимства (*). Но ни *Алкоранъ*, ни *мечь*, порожденный съ нимъ, нигдѣ не были мирными пришельцами. Сожженіе *Александрійской* библіотеки *Омаромъ*, загнало Африку въ потемки вѣковые. Для людей, живущихъ въ обществѣ, нужно не только гласное ученіе, но и присутствіе предметовъ, дѣйствующихъ на мысль и душу. *Аристиппъ*, занесенный бурею на песча-

(*) *Тацитъ*.

ный берегъ острова *Родоса*, увидя тамъ начертанія геометрическія, съ восторгомъ воскликнулъ: «Друзья! тутъ были люди; тутъ слѣды ума!» Въ отчужденіи отъ общества цепѣнѣетъ и жизнь слова человѣческаго. Въ началѣ XVIII вѣка, Шотландецъ *Селькирхъ*, брошенный грознымъ капитаномъ на пустой островъ *Фернандесъ*, до того одичалъ въ родномъ словѣ, что едва удержалъ въ памяти окончанія словъ. Невѣжество, какъ будто желѣзною стѣною заслонило внутренній міръ Африки. Черезъ стѣну Китайскую перешагнула отважность Монголовъ: но любопытство Европейцевъ такъ сказать, урывками только заглядываетъ во внутреннюю даль Африки.

Не то было тамъ за двѣсти двадцать два года до Р. Х., Кареагенъ, привлекая въ стѣны свои сокровища всемірной торговли, едва ли не превосходилъ все то, что составляетъ теперь великолѣпіе столицъ Европейскихъ. Но то было образованіемъ внѣшнимъ. Роскошь, нѣга и алчность къ корысти, подавляли въ Кареагенѣ силу душевную и пареніе мысли. Кареагеняне жизнь и безопасность свою ограждали чужими силами, которыя нигдѣ и никогда не замѣняли духа народнаго, этой вѣрной стражи жизни отечественной. И такъ *Ганнибалъ* выступилъ изъ Кареагена не съ сынами его, но съ толпами наемныхъ войскъ. На чреду полномочнаго вождя взошелъ онъ въ такой же цвѣтущей юности, въ какой въ концѣ осмнадцатаго столѣтія вступилъ на такую же степень Генералъ Бонапартъ. Но

подвигъ Ганнибала былъ еще труднѣе подвига Генерала Республиканскаго. Въ горестномъ положеніи стеклось въ Италію Французское войско подъ знамена *Бонапарта*; но въ немъ была одна душа, одно родное слово; а въ полкахъ Ганнибала все было въ разногласіи. За то онъ, какъ будто въ одномъ лицѣ своемъ заключилъ всю силу войска. Въ немъ вполнѣ осуществились и разнообразныя и противоположныя качества полководца, изображеннаго *Сократомъ*. «Полководецъ, говоритъ мудрецъ Аѳинскій:» заранѣе долженъ обдумать и сообразить все то, что нужно для войны и все заготовить для войска. Онъ долженъ обладать духомъ творческимъ, нераздѣльнымъ съ трудомъ и терпѣніемъ; онъ долженъ быть зоркою мыслію на стражѣ неусыпной къ ниспроверженію всѣхъ преградъ. Онъ долженъ быть и снисходителенъ и строгъ, откровененъ и хитръ; предпріимчивъ и остороженъ; расточителенъ и алченъ; щедръ и скупъ; словомъ: онъ долженъ вмѣщать въ себѣ все то, что только можетъ придумать обширнѣйшая мысль человѣческая (*).»

Таковъ и былъ Ганнибалъ. А притомъ, онъ отъ зари жизни своей подрасталъ и войною и ненавистію къ Римлянамъ. И такъ, до выступленія еще изъ Испаніи, онъ вошелъ въ тайное сношеніе съ Галлами Заальпійскими; быстро перешелъ горы Пиренейскія; и быстро вступилъ въ мразное предверіе горъ Альпійскихъ. Былъ исходъ

(*) См. Ксенофонтовы Записки о Сократѣ. Книга 3, гл. 1.

Октября; дороги затаивались подъ снѣгомъ. Сердца воиновъ знойныхъ странъ невольно содрогнулись. Загремѣло слово Ганнибала: «Воины! Вы видите здѣсь одного изъ владѣльцевъ Италіи; отъ имени всѣхъ другихъ владѣльцевъ онъ убѣждаетъ насъ поспѣшить переходомъ черезъ Альпы. Чего вы страшитесь? Развѣ есть гдѣ нибудь такія земли, которыя сходятся съ небосклономъ; и развѣ послы владѣльцевъ Италіянскихъ къ намъ прилетѣли на крыльяхъ?»

Онъ сказалъ: и полки его взлетѣли на вершины горъ Альпійскихъ. Онъ указываетъ имъ оттуда ту сторону, гдѣ *Римъ*, и они перешагнули за Альпы.

Новая преграда. Голодъ и усталость истомляютъ полки Африканскіе за Альпами. Ганнибалъ видитъ опасность и не страшится объявить ее. А тутъ и голосъ древняго Ганнибала и голосъ Ганнибала нашего времени. «Воины!» восклицаетъ вождь Карѳагенскій: «вамъ должно побѣждать и природу и враговъ. Труднымъ дошли вы сюда путемъ. Но вы преодолѣли и битвы и горы и рѣки. Безуменъ тотъ, кто захочетъ бѣгствомъ возвратиться въ родную отчизну. Доселѣ вы сражались на безплодныхъ горахъ *Иберіи* и *Лузитаніи* и въ добычу вамъ доставались однѣ стада. А здѣсь — вѣнецъ побѣды передастъ вамъ и Италію и Римъ. Окончивъ великій свой подвигъ, вы можете по произволу своему поселиться и въ Италіи, и въ Испаніи, и въ Африкѣ. Карѳагенъ, возведенный вами на чреду торжества, подаритъ васъ именемъ гражданъ своихъ.»

При этомъ словѣ воздухъ огласился кликами войска, закипѣвшаго новою отвагою. А Ганнибалъ, поразя ягненка камнемъ въ чело, вскричалъ: *Пусть такъ разразятъ меня боги, если я обману.*

И Ганнибалъ предрекъ судьбу свою.

Но между тѣмъ, какъ торжествуетъ его оружіе! На берегахъ *Требіи* поражаетъ *Семпронія*; а на берегахъ озера *Тразимена* разбиваетъ *Фламинія*. Ужасна была эта битва! Землетрясеніе совращало теченіе рѣкъ, разрушало города, опрокидывало горы; и бой кипѣлъ! Жажда крови и убійства сильнѣе была волненій и разрушеній природы.

Въ отпоръ побѣдоносному Ганнибалу, избранъ патриціями *Фабій*, названный *медлителемъ*. Рѣшась истомлять сопротивника своего, по словамъ историковъ: «завелъ легіоны Римскіе на вершину холмовъ, въ облака, подъ защиту лѣсовъ.» Но защищая земли Римлянъ, онъ равнодушно взиралъ на разореніе и на пожары селеній союзниковъ Рима. Патриціи молчали. Одинъ только *Теренцій Варронъ*, сынъ мясника, личными достоинствами и заслугами, дошедшій до чреды *Претора*, вступился за бѣдственный жребій союзниковъ. Народъ, по живому, врожденному состраданію, провозгласилъ его Консуломъ. Кипѣли негодованіемъ гордые патриціи, видя, что сынъ мясника назначенъ Консуломъ. Тщеславіе вельможъ Римскихъ сильно уцѣплялось за преимущества почетности. *Гиббонъ* замѣчаетъ, что узаконенія Римскія возбраняли *Плебеянамъ* браки съ

дочерьми *Патриціевъ;* а *Вико* прибавляетъ, что гордыня вельможей Римскихъ противилась даже и тому, чтобы одинакія обряды бракосочетанія были общимъ удѣломъ.'

Занимаясь простымъ взглядомъ историческимъ, то есть, показаніемъ послѣдствій вторженія Ганнибала въ Италію, я не вхожу въ военныя подробности. Скажу только, что на поляхъ *Канскихъ*, Консулъ *Павелъ Эмилій*, по свидѣтельству новыхъ историковъ, избранный вельможами, мстя сотоварищу своему и народу, выдалъ Римское войско на жертву Ганнибалу. Въ очередной день Варрона, въ день главнаго сраженія, онъ распустилъ молву, будто бы *священныя куры отвергли пищу*; огромя сердца воиновъ суевѣріемъ, онъ отнялъ у душъ надежду побѣды, а у рукъ—силу оружія.

Монтескю, въ книгѣ своей о величіи и упадкѣ Римлянъ, объясняясь о *Канской* битвѣ, говоритъ: «Въ битвахъ важна не существенная потеря, то есть, не смерть нѣсколькихъ тысячъ людей, но ущербъ *воображаемый*.» Чудные философы осмнадцатаго вѣка, выдавая себя друзьями человѣчества, вмѣняли народъ ни во что. Вольтеръ клеймилъ народъ Французскій ничтожнѣйшими именами; а Монтескю, самобытный духъ народа, то есть, душу отечества, называлъ мечтою, призракомъ воображенія; не удивительно: онъ полагалъ, что Франція держалась одною силою почетнаго поколѣнія. Какъ будто истинная честь не можетъ быть удѣломъ каждаго человѣка, одушевленнаго правотою и предпочитающаго до-

брое имя всѣмъ обольщеніямъ внѣшней почетности.

Отгремѣла Канская битва: и тутъ начинается важнѣйшее событіе Римской Исторіи. Тутъ возникаетъ разрывъ коренной жизни Римскаго народа и тутъ же проявляется и предвѣстіе паденія всемірной столицы и всемірнаго обладанія Римскаго.

Объясняюсь.

Повторяю и здѣсь, что не Варронова опрометчивость, но уловка Павла Эмилія, была главною причиною пораженія Римлянъ на поляхъ Канскихъ. Вельможи Римскіе это чувствовали и потому приняли Варрона съ торжествомъ и благодарили, что онъ не отчаялся въ судьбѣ Рима. Но въ то же время, затаивая въ мрачныхъ душахъ своихъ мстительную злобу, они въ сокровенномъ совѣщаніи своемъ положили, кипѣніемъ непрестанныхъ войнъ истребить народъ, отважившійся возвышать голосъ свободный. Они рѣшились всѣ страны древняго міра усѣять костями природныхъ гражданъ, дѣйствовавшихъ на площади и замѣнить ихъ отпущенниками и рабами безгласными. Но мы увидимъ, что не дремало и око Провидѣнія, карающее гонителей человѣчества.

Ужасно было прощаніе Ганнибала съ той Италіей, гдѣ шестнадцать лѣтъ гремѣло его оружіе! Онъ шелъ подъ заревомъ горящихъ селеній и городовъ, ознаменовывая каждый шагъ свой убійствомъ и опустошеніемъ. Ужасно было и вступленіе юнаго Сципіона на берега Африки!

Подъ ухищреннымъ предлогомъ переговоровъ съ *Сифаксомъ* и *Магдербаломъ*, онъ узналъ черезъ лазутчиковъ своихъ, что шалаши ихъ войскъ легко можно истребить огнемъ. Въ свирѣпомъ восторгѣ, ночью напалъ онъ на спящее войско Африканское. И въ одну эту роковую ночь сжегъ болѣе осьмидесяти тысячъ ратниковъ. И этотъ вѣроломный Сципіонъ разглашалъ, будто бы *Нептунъ* пролагалъ ему вездѣ пути! Но еслибъ Фуріи и Эвмениды вышли изъ ада съ своими шипящими змѣями и съ убійственными длапями, ополченными огнемъ геенскимъ; то, чтобы онѣ могли болѣе сдѣлать? Историки часто громкими именами своихъ героевъ, какъ будто домогаются возвеличить имя свое и нерѣдко вѣнчаютъ лаврами и пальмами тѣ длапи, которыя подоль земную отемняли кипарисами могильными.

Замское сраженіе рѣшило жребій Кароагена. Ганнибалъ былъ побѣжденъ; а Сципіонъ наложилъ на Кароагенянъ тяжелую дань, которую они обязаны были выплачивать въ теченіе пятидесяти лѣтъ и обрекъ въ жертву пламени пятьсотъ Кароагенскихъ кораблей. Такимъ образомъ, въ одинъ день, въ одно мгновеніе дымомъ разлетѣлась всемірная торговая промышленность. А тутъ и предстаетъ разительное свидѣтельство, что ни одна отдѣльная отрасль быта человѣческаго, не можетъ упрочить его существованія. Справедливо укоряютъ киченіе почетности; но и ни одна отрасль разряда жизни общенародной не должна величаться передъ другою. Бытіе отечества въ нераздѣльномъ ихъ союзѣ. Нашъ

XIX-й вѣкъ взошелъ на горнюю чреду промышленности, но и въ немъ *Питтъ* умеръ, не довершивъ узаконенія о *мелочныхъ лавочкахъ*, а *Каннингъ* сошелъ въ могилу не опредѣливъ: какое количество хлѣба должно впускать въ Англію? Сверхъ того и 1841 года, въ Августѣ мѣсяцѣ я читалъ въ извѣстіяхъ изъ Лондона, что «міръ торговый обращалъ величайшее вниманіе на то, чѣмъ окончится жатва.» И міръ торговый правъ. «Вы любуетесь, говоритъ одинъ писатель: роскошью зеленѣющихъ вѣтвей, которыми величается дерево; но не забывайте, что жизнь его хранится въ корняхъ, въ темныхъ нѣдрахъ земли.» Кароагенъ, созидая существованіе свое на однихъ оборотахъ всемірной торговли, какъ будто не жилъ на родной почвѣ, ввѣряя наемному оружію торговый свой бытъ. Когда ударилъ роковой часъ уплаты первой половины денежной дани, сановники Кароагенскіе расплакались и разрыдались, а Ганнибалъ, надрываясь отъ смѣха, вскричалъ: «Корыстолюбцы! вы плачете, когда пришлось разставаться съ золотомъ, а не плакали, переживъ жизнь отечества!»

Съ горстію войскъ вступилъ Ганнибалъ въ Кароагенъ; но вскорѣ отъ новыхъ гоненій Рима, принужденъ былъ бѣжать въ предѣлы Азіи, къ Царю *Антіоху*. Это было за 193 года до Р. Х. и въ этотъ самый годъ распахнулись врата Риму и ко всемірному обладанію и ко всемірному паденію.

Въ началѣ второй своей книги, историкъ *Велій-Патеркулъ* говоритъ: «Сципіонъ *первый*, далъ

обширный полетъ орламъ и счастію Рима; Сципіонъ *вторый*, проложилъ путь къ порокамъ, предтечамъ разрушенія Рима. Не стало Карѳагена; не стало совмѣстника и не исподоволь, но бурнымъ приливомъ, пороки затопили добродѣтели. Утѣхи, сладострастіе, роскошь, присяжныя сопутницы ликующаго честолюбія и ядовитые источники алчной корысти, внезапно гасили мужество Римлянъ.»

И такъ сперва разрушеніе Карѳагена, предвѣстило паденіе Рима; потомъ вторженіе Римлянъ въ сладострастную и роскошную Азію, довершило роковой его жребій. Думалъ ли Ганнибалъ, завлекая Римлянъ въ Азію не силою оружія, но бѣгствомъ своимъ, что онъ влечетъ ихъ къ гибели неизбѣжной? не знаю. Но что бы онъ сказалъ, еслибъ на стогнахъ того Рима, откуда гордый *Патриціатъ* перегонялъ природныхъ гражданъ на поля убійства; что бы онъ сказалъ, услышавъ кличь и возгласъ: «Римская вселенная продается съ молотка! Являйтесь на переторжку; кто болѣе дастъ, тому и достанется Римская вселенная.»

III.

ГЕНЕРАЛЪ БОНАПАРТЪ ВЪ ИТАЛІИ,

1796 и 1797 года.

Je ne suis qu'une colline, mais
je renferme un volcan.

Charles Nodier.

Хвала вамъ, солдаты! Признательное отечество вамъ будетъ обязано своимъ благоденствіемъ; если побѣдя Тулонъ (*), вы предвѣстили безсмертный походъ 1793 года, то ваши теперешнія побѣды предвѣщаютъ еще блистательнѣйшій. Двѣ арміи, нѣкогда дерзновенно нападавшіе на васъ, ужасаются оружія вашего. Люди злонамѣренные, радовавшіеся торжествамъ враговъ вашихъ, объяты оцѣпенѣніемъ. Но, солдаты! Вы еще ничего не сдѣлали! Ваше дѣло впереди. Ни Туринъ, ни Миланъ не наши.

(Слова изъ воззванія Бонапарта).

О, какъ шагаетъ этотъ юный Бонапартъ!

Суворовъ.

И Суворовъ былъ правъ.

Юный *Бонапартъ* первымъ шагомъ на поприщѣ главнаго вождя, на скрижаляхъ исторіи сгладилъ шестнадцати-лѣтнюю борьбу Ганнибала съ Римскими легіонами. *Ганнибалъ,* перешедъ черезъ ограды Италіи, сказалъ своимъ полкамъ: «Воины! преодолѣвъ ограды Италіи, преодолѣвъ вершины Альпійскія, вы преодолѣли и стѣны самаго Рима.» Къ этимъ словамъ полководца Кар-

(*) Тулонъ былъ вырученъ изъ рукъ Англичанъ, и тутъ метким пушечнымъ выстрѣломъ, Бонапартъ проложилъ себѣ первый шагъ къ блестящему своему поприщу.

ѳагенскаго, одинъ изъ историковъ Наполеона присовокупляетъ слова своего героя: «Величественное, говоритъ онъ, представило зрѣлище вступленіе Французской арміи на высоты *Монтезембо*, откуда въ очахъ ея разстилались неизмѣримыя равнины и роскошныя поля *Піемонта*; *По*, *Танаро* и множество другихъ рѣкъ струились вдали. Полоса снѣга и исполинская ледяная громада, опоясывали на концѣ небосклона страну, кипящую дарами природы. Грозные великаны, ополченные ужасами природы и укрѣпленные искусствомъ, пали, какъ будто по какому-то мановенію волшебному; и юный герой воскликнулъ къ воинамъ своимъ: «*Ганнибалъ перешелъ черезъ Альпы, а мы обошли ихъ.*»

Сказалъ: и быстрѣе молніи огромилъ и разгромилъ ряды войскъ *Австрійскихъ* и *Піемонтскихъ*. Не войду въ подробности о военныхъ его дѣйствіяхъ. Онъ самъ все выскажетъ. Онъ и полководецъ, и историкъ, и ораторъ. Живое, огненное его слово сливается съ громами, не исчезаетъ въ нихъ и молніей перелетаетъ въ души и сердца его воиновъ. «Солдаты! восклицаетъ онъ: вы въ пятнадцать дней одержали шесть побѣдъ, взяли двадцать одно знамя, пятьдесятъ пушекъ, нѣсколько укрѣпленій и завоевали богатую часть *Піемонта*. Вы взяли въ плѣнъ пятнадцать тысячъ; убили и ранили десять тысячъ союзныхъ войскъ. Доселѣ вы сражались за скалы безплодныя, прославленныя вашимъ мужествомъ, но безполезныя для отечества. А теперь подвигами вашими вы сравнялись съ Гол-

ландскою и Рейнскою арміей. Лишенные всего, вы все собою замѣнили. Вы побѣждали безъ пушекъ; переправлялись черезъ рѣки безъ мостовъ; дѣлали усиленные переходы безъ башмаковъ; стояли на бивакахъ безъ водки, а не рѣдко и безъ хлѣба. Однѣ фаланги республиканскія могли вытерпѣть то, что вы терпѣли. Хвала вамъ солдаты! Признательное отечество будетъ обязано вамъ благоденствіемъ своимъ. Говорятъ, будто бы среди васъ есть унывающіе духомъ, которые предпочли бы новымъ лаврамъ, возвращеніе на вершины Аппенинскія и Альпійскія? Нѣтъ! не вѣрю этому. Побѣдители *Монтеното*, *Мелисемо*, *Дего*, *Мондово*, пылаютъ рвеніемъ возвеличить и распространить славу Французскаго народа.»

Никто не вышелъ изъ рядовъ; всѣ воины повѣрили, что они ничего не сдѣлали. За то и юный Генералъ *Бонапартъ* какими вѣнками дарилъ ихъ порывы; и какой храмъ славы сооружалъ въ взумленныхъ ихъ очахъ!

«Солдаты! вы бурнымъ потокомъ низринулись съ вершинъ Аппенинскихъ; вы опрокинули и разсѣяли все, что сопротивлялось вамъ. Освобожденный *Піемонтъ* одушевился чувствомъ природной дружбы къ Франціи. *Миланъ* вашъ, и знамя республики развивается по всей *Ломбардіи*. Герцоги *Пармскій* и *Моденскій* одному великодушію вашему обязаны своимъ политическимъ существованіемъ. Армія, угрожавшая вамъ съ кичливымъ презорствомъ, тщетно ищетъ преградъ противъ мужества вашего. Ни По, ни Адда не

останавливали васъ ни на одинъ день. Эти столь величаемыя ограды Италіи, вы также быстро преодолѣли, какъ и вершины Аппенинскія. Дивные успѣхи ваши вдохнули радость въ нѣдра вашего отечества. Ваши представители учредили празднество, посвященное вашимъ побѣдамъ и торжествуемое во всѣхъ предѣлахъ республики. Вездѣ ваши отцы, ваши матери, ваши сестры, ваши подруги радуются вашимъ успѣхамъ и съ гордостію величаются тѣмъ, что вамъ принадлежатъ. Заставимъ ли сказать, что мы умѣемъ побѣждать, но не умѣемъ пользоваться побѣдою? Не упрекнетъ ли насъ потомство въ томъ, что мы встрѣтили *Капую* въ *Ломбардіи?* Но, вы уже летите къ оружію. И такъ: *впередъ!* Намъ должно сдѣлать переходы усиленные; покорять непріятеля; отмстить ему за прежнія обиды. Пусть тѣ, которые нагло воспламенили во Франціи войну междоусобную, которые позорно умертвили вашихъ представителей и сожгли ваши корабли въ *Тулонѣ*, пусть они трепещутъ! Но пусть народы будутъ спокойны, мы друзья всѣхъ народовъ; и мы первые друзья потомковъ *Брутовъ*, *Сципіоновъ* и великихъ мужей, нашихъ образцевъ. Возобновить *Капитолію*; помѣстить тамъ памятники великихъ героевъ ея славы; пробудить народъ Римскій, окованный вѣковымъ безчувствіемъ; вотъ, что будетъ плодомъ нашихъ побѣдъ. Вы дадите новую жизнь и современной исторіи и потомству, вы преобразите, вы возведете на блистательнѣйшую чреду прекраснѣйшую страну въ цѣлой Европѣ. На-

родъ Французскій, уважаемый вселенною, дастъ Европѣ славный миръ, который вознаградитъ ее за всѣ великія ея пожертвованія. Тогда вы возвратитесь на родину свою; и тогда сограждане ваши, указывая на васъ, скажутъ: *онъ былъ въ арміи Италіянской!*»

Довольно. А вотъ что всего важнѣе. Описывая Италіянскую войну, *Тіеръ* говоритъ, «что 1797 года, уполномоченный Австрійскій предлагалъ Бонапарту отъ имени Императора владѣніе въ Германіи. Герой отвѣчалъ, что онъ счастіемъ своимъ хочетъ быть обязанъ одной Франціи. Предвидѣлъ ли тогда Бонапартъ жребій свой? Нѣтъ; безъ сомнѣнія не предвидѣлъ. Тогда имя гражданина республики было для него все.»

Историкъ ошибся. И вотъ почему. Поражая побѣдоносными перунами непріятеля и возбуждая воиновъ своихъ къ новымъ побѣдамъ, юный Генералъ Бонапартъ приготовлялъ себя не на чреду *перваго гражданина республики*, но на чреду властелина; съ борьбою битвъ, онъ подъ завѣсою ночи велъ умственную борьбу съ тѣмъ *Макіавеллемъ*, который и доселѣ все еще на степени неразгаданнаго писателя. И такъ, вмѣсто дальнѣйшихъ объясненій, предлагаю отмѣтки на Макіавелли, дѣланныя Генераломъ Бонапартомъ во время Италіянской войны 1797-го года.

Если частный человѣкъ, говоритъ *Макіавелли*: дѣлается владѣльцемъ, то, хотя для него и нужны мужество и счастіе, однако послѣднее дѣйствуетъ сильнѣе.»

Генералъ Бонапартъ отвѣчаетъ: «La valeur est plus nècessaire que le bonheur; elle le fait naître.»

«Мужество нужнѣе счастія; оно раждаетъ его.»

Макіавелли говоритъ: «люди идутъ почти всегда путями, протоптанными имъ другими и подражаютъ только тому, что они дѣлали.»

Герой Италіи возражаетъ: «Je pourrai bien quelque fois le faire mentir.»

Наблюдая Кира, говоритъ *Макіавелли*: и другихъ основателей державъ, нельзя не удивляться имъ.»

«Je grossirai ce catalogue. — Я умножу этотъ списокъ,» прибавляетъ Генералъ Бонапартъ. «Чтобы достигнуть степени Царя, Ромулу надобно было, при самомъ рожденіи быть изгнаннымъ изъ Альбы и брошеннымъ.»

Такъ говоритъ *Макіавелли*, а Генералъ Бонапартъ отвѣчаетъ: «Ma bienfaisante louve fut Brienne. Romulus! on t'effacera. Бріена была благодѣтельною моею волчицей. Ромулъ! тебя затмятъ.»

«Къ числу знаменитыхъ людей, поступившихъ на чреду владычества, говоритъ *Макіавелли:* принадлежатъ Киръ, Ромулъ, Тезей и другіе.»

Генералъ Бонапартъ отвѣчаетъ: «Cela me regarde! Это до меня касается.»

«Гіеронъ, говоритъ *Макіавелли:* изъ частнаго человѣка сдѣлался владѣльцемъ, съ помощію только благопріятнаго случая.»

Генералъ Бонапартъ отвѣчаетъ: «Il n'est jamais sorti de ma pensèe, depuis les ètudes de mon enfance. Il ètait de mon voisinage et je suis peut-être de la même famille.»

«Онъ никогда не выходилъ изъ мысли моей со времени дѣтскаго моего ученія. Онъ былъ моимъ сосѣдомъ, и я, можетъ быть, его потомокъ.»

«Но, прибавляетъ *Макіавель:* не одинъ Гіеронъ служитъ примѣромъ, что уловленный случай доставляетъ способъ вводить въ новыя области то, что имъ было по сердцу и по мысли.»

И Генералъ Бонапартъ дополняя мысль свою говоритъ: «Il ne m'en faut pas d'avantage; l'occasion viendra; soyons prêt à la saisir.»

Довольно свидѣтельствъ этой умственной борьбы, осуществившейся въ великую потомственную исторію. Но не обращая на это особеннаго, или лучше сказать, полнаго вниманія, нельзя будетъ разгадать: отъ чего Генералъ Бонапартъ на поприщѣ блистательнѣйшихъ успѣховъ, изумлявшихъ Европу и приводившихъ въ трепетъ столицу Австріи; вдругъ рѣшился обмѣнять лавры побѣдъ на пальмы мира, который могъ бы затѣснить его въ неизвѣстность? Но тутъ видно, что онъ въ одно время оружіемъ огромлялъ Италію и Австрію; а мыслію заполонялъ Францію. Побѣды—нужны были ему для мира а миръ — для владычества. Вотъ тайна письма его къ Принцу Карлу. Приведемъ изъ него нѣсколько строкъ.

«Храбрые воины, воюя желаютъ мира. Эта война длится два года. Довольно ли мы убили людей и довольно ли нанесли бѣдствій горестному человѣчеству? Оно повсюду вопіетъ. Европа, поднявшая оружіе противъ Французской респу-

блики, отложила его. Остается одинъ вашъ народъ и кровь прольется такъ, какъ никогда не лилась. Какой бы ни былъ тому конецъ, мы съ той и другой стороны убьемъ по нѣскольку тысячъ человѣкъ и потомъ по неволѣ должны будемъ помириться. Въ этомъ свѣтѣ—всему предѣлъ; даже и страстямъ человѣческимъ.»

Счастливо дѣйствовалъ Генералъ Бонапартъ и мечемъ и перомъ. Но, по словамъ мудраго *Сократа*: «Нѣтъ такой предосторожности и нѣтъ такихъ соображеній человѣческихъ, которыя не подверглись бы опрометчивости. Побѣды громоносныя и побѣды умственныя увлекли мысль юнаго героя и онъ поразилъ *Директорію* диктаторскимъ письмомъ.» «Пожиная обильные лавры, говорилъ онъ: на поляхъ Италіи, я не отдавалъ славы моей на произволъ слѣпаго счастія. Устремясь къ столицѣ Австріи, не на удачу, а по соображенію и по расчету, заслонилъ и движеніе мое роскошными полями Италіи. Такъ поступилъ я и при первомъ шагѣ моемъ на поприщѣ славнаго начальника войскъ. Я принялъ всѣ нужныя мѣры для продовольствія тѣхъ полковъ, которыхъ республика не въ силахъ содержать.»

Откликнулся порывъ властолюбія, ужаснулась Директорія и по внушенію Талейрана, отправила юнаго героя, искать великаго имени и великой державы на Востокъ.

IV.

НАЧАЛО ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

НА СРЕДИЗЕМНОМЪ МОРѢ

и отправленіе Суворова

ВЪ ИТАЛІЮ.

Какъ чуденъ ходъ вѣковъ; и какъ чудны движенія народовъ. 1525 года, Султанъ Солиманъ былъ подъ Вѣною и оттуда грозился ворваться въ Италію и пробиться въ стѣны Ватикана. Въ исходѣ XVII столѣтія оружіе Оттоманское снова гремѣло въ окрестностяхъ Вѣны. Въ концѣ XVIII столѣтія, полумѣсяцъ соединился съ Русскими орлами къ защитѣ Вѣны и Италіи.

Великая душа всѣмъ жертвуетъ общей пользѣ.

Конфуцій.

Побѣда первая, побѣда надъ собою.

Справедливая исторія скажетъ, что Императоръ Павелъ I 1799 года увѣнчался двумя незабвенными подвигами: безкорыстнымъ содѣйствіемъ къ общей пользѣ и побѣдою надъ самимъ собою. Мы тотчасъ увидимъ изъ собственноручнаго Его рескрипта къ Суворову, съ какимъ великодушіемъ Онъ забылъ всѣ пылкія его порывы и открылъ ему путь къ той славѣ, которой онъ тщетно домогался въ царствованіе Екатерины II: къ славѣ доказать опыты своего искусства въ битвахъ съ войсками Европейскими.

Сперва скажемъ нѣсколько словъ о подвигахъ Русскихъ на Средиземномъ Морѣ, а потомъ предложимъ объ отправленіи Суворова въ Италію.

Вице-Адмиралъ Ушаковъ и Кадыръ-Бей начали поиски свои противъ приморскихъ крѣпостей, захваченныхъ Французами. Они рѣшились напасть съ моря и съ сухаго пути. Вскорѣ были

взяты острова Видо и Сальвадоръ. Отчаясь защищать Корфу, Французы отдали ее во власть Русскихъ. Тогдашняя необычайная война Французовъ, требовала и необычайнаго возстанія.

Германіи угрожала новая буря. Нарушивъ ненадежный Кампо-формійскій миръ и угрожая Австріи, Французы успѣли хитростью оковать Рейнскія области. Въ то же время скончался Принцъ Оранскій, назначенный Австрійскимъ Дворомъ предводителемъ войскъ въ Италіи.

Въ продолженіи бурь, возмущавшихъ Европейскія области, Суворовъ, находясь подъ сельскимъ кровомъ, просилъ Высочайшаго соизволенія удалиться въ Нилову Пустынь. «Я намѣренъ,» писалъ онъ: «тамъ окончить краткіе дни въ служеніи Богу. Неумышленности прости, Милосердый Государь!» Рѣшенія на эту прозьбу не воспослѣдовало.

Изъ-подъ соломеннаго сельскаго крова своего, Суворовъ, облетая мыслію области Европейскія, начерталъ средства остановить успѣхи Французскаго оружія. Канцлеръ Графъ Безбородко отправилъ начертанія Суворова къ Союзнымъ Дворамъ. Хотя они отдавали справедливость безсмертнымъ дарованіямъ Суворова, но истина не вдругъ побѣдила самолюбіе. Наконецъ, побѣжденный силою обстоятельствъ, Императоръ Францъ II просилъ Павла I отпустить Суворова, для принятія начальства надъ войсками его въ Италіи. Прочитавъ два раза полученное письмо, Императоръ сказалъ Графу *Растопчину*, управлявшему тогда иностранными дѣлами: *Вотъ*,

Русскіе, на все пригожаются. И тутъ же, схвативъ перо, написалъ къ Суворову рескриптъ, славный для подданнаго и для Самодержца. «Графъ Александръ Васильевичъ! теперь намъ не время расчитываться. Виноватаго Богъ проститъ. Римскій Императоръ требуетъ васъ въ начальники своей арміи и вручаетъ вамъ судьбу Австріи и Италіи. Мое дѣло на сіе согласиться, а ваше спасти ихъ. Поспѣшите пріѣздомъ сюда и не отнимайте у славы вашей время, а у меня удовольствія васъ видѣть. Пребываю вамъ доброжелательнымъ.»

«Павелъ.»

Облобызавъ подпись, Суворовъ прижималъ къ ранамъ своимъ рескриптъ. Готовясь къ новымъ подвигамъ и къ новой славѣ, онъ ожитворялся тѣмъ, что можетъ еще ополчиться къ защитѣ Вѣры, добродѣтели, и къ безопасности человѣчества. Слѣдуя во всемъ неизмѣнно правиламъ своимъ, онъ отслужилъ въ сельской своей церкви молебенъ, занялъ на прогоны у старосты денегъ и поспѣшилъ въ столицу. Въ изъявленіе благоволенія своего, Императоръ надѣлъ на престарѣлаго героя большой крестъ ордена святаго *Іоанна Іерусалимскаго.* Принимая эту почесть, Суворовъ воскликнулъ: *Господи! спаси Царя!* Государь отвѣчалъ: *Тебѣ спасать Царей.* Суворовъ возразилъ: *Съ Тобою, Государь! возможно.*

Герой, защитникъ Царствъ и Царей умѣлъ внимать стону страдальцевъ. Суворовъ былъ быстръ на полѣ битвъ и въ подвигахъ добра. Любимое его правило и поговорка была: *торо-*

питесь дѣлать добро. Несчастная и престарѣлая мать, Лейбъ-гренадерскаго полка Капитана *Синицкаго,* наслышась о добродѣтельномъ героѣ, писала къ нему: «Семьдесятъ лѣтъ живу на свѣтѣ; шестнадцать взрослыхъ дѣтей схоронила; семнадцатаго, послѣднюю мою надежду, молодость и запальчивый нравъ погубили. Сибирь и вѣчное наказаніе достались ему въ удѣлъ; а гробъ для меня еще не отворился..... Государь милосердъ, Графъ Рымникскій милостивъ и сострадателенъ: возврати мнѣ сына и спаси отчаянную мать!» Суворовъ отвѣчалъ: «Я молюсь, молись и ты. Будемъ молиться оба.» При первомъ благопріятномъ случаѣ, герой исходатайствовалъ прощеніе виновному сыну.

Въ послѣднемъ своемъ рескриптѣ, отъ 17 Февраля 1799 года, Императоръ, позволяя Суворову, по благоусмотрѣнію своему, требовать прибавленія войскъ, присовокупилъ: «Впрочемъ, подвиги ваши, усердіе и вѣра всѣмъ извѣстны: продолжайте съ Богомъ, и врагъ общаго блага вами же пораженъ будетъ.»

V.

СУВОРОВЪ ВЪ ВѢНѢ

И НЕРѢШЕННЫЙ ВОПРОСЪ НИ ВЪ ДИПЛОМАТИКѢ, НИ ВЪ ПОЛИТИКѢ, НИ ВЪ ИСТОРІИ.

L'art militaire a, comme toutes les grandes transactions de l'intelligence humaine, ses principes invariables. Le genie les dévine et s'en sert. L'ésprit médiocre ne recherche même pas; elles sont au dessus de sa capacité.

Anonyme.

Военное искусство обладаетъ на ряду со всѣми величественными понятіями ума человѣческаго, правилами неизмѣнными. Геній угадываетъ ихъ и пользуется ими. Умъ обыкновенный даже не отыскиваетъ ихъ; онѣ выше его способности.

Какъ Русскій, Суворовъ хорошо поступилъ, что не вдавался ни въ какія объясненія въ Вѣнѣ; полагаясь на искусство и опытъ его, Императоръ Павелъ I не требовалъ никакого предварительнаго отчета въ предпріятіяхъ его. Онъ вѣрилъ генію Суворова.

(Слова Графа Ѳ. В. Растопчина).

Суворовъ былъ принятъ въ Вѣнѣ торжественно. Народъ восклицалъ: *Да здравствуетъ Суворовъ!* а Русскій полководецъ отвѣчалъ: *Да здравствуетъ Императоръ Францъ II!* Суворовъ остановился въ домѣ Русскаго Посланника Графа *Разумовскаго.* Желая при отъѣздѣ, по Русскому обычаю, отблагодарить хозяйку за гостепріимство, онъ велѣлъ, въ тотъ самый мигъ, когда садился въ повозку, принесть на золотомъ блюдѣ сердечко, надѣлъ его на Графиню Разумовскую, заперъ ключемъ, и положа ключь въ карманъ, уѣхалъ.

Разсказываютъ, что предъ отъѣздомъ изъ Вѣны, *Гофъ-Кригсъ-Ратъ* желалъ видѣть общее начертаніе его дѣйствій въ Италіи и, что вмѣсто

отвѣта, Суворовъ подалъ бѣлый листъ бумаги. Такъ ли это было или нѣтъ, по впослѣдствіи видно изъ собственныхъ писемъ Суворова, какимъ затрудненіямъ подвергали его неумѣстныя требованія Гофъ-Кригсъ-Рата.

VI.

СУВОРОВЪ ИДЕТЪ ПО СЛѢДАМЪ ЮНАГО *ГЕНЕРАЛА БОНАПАРТА.*

Превосходные умы угадываютъ одинъ другаго. По свидѣтельству историковъ, Баварскій Генералъ Мерси (*), такъ предусматривалъ предпріятія Конде и Тюреня, какъ будто участвовалъ въ ихъ тайныхъ совѣщаніяхъ. Монтекукули, замѣтя колебаніе рядовъ Французскихъ, въ тотъ самый мигъ, когда Тюрень пораженъ былъ ядромъ на баттареѣ, сказалъ своимъ Австрійцамъ: «Тюрень убитъ.» Наполеонъ говорилъ, что еслибы онъ былъ въ Италіи, то Суворовъ не овладѣлъ бы Миланомъ? Но почему? Вотъ вопросъ, который можетъ рѣшить перо нашихъ опытныхъ военныхъ людей, предполагая однако, что Суворовъ дѣйствуетъ съ такою же свободою, съ какою Бонапартъ дѣйствовалъ въ Италіи 1796 и 1797 года. Рѣшеніе вопроса охотно помѣщу въ Русскомъ Чтеніи.

(*) Онъ былъ убитъ и погребенъ на мѣстѣ сраженія. На памятникѣ его сказано: «стой, путникъ! ты попираешь прахъ героя.»

Собственное признаніе паче свидѣтельства цѣлаго свѣта.

(Изъ военныхъ процессовъ Петра I).

Les batailles de Magnano et de la Trébia nous ont enlevé l'Italie.

Thiers.

Сраженія при Маньяно и при Требіи, похитили у насъ Италію.

Тьеръ.

Конь боевой подведенъ къ крыльцу,
Онъ сѣлъ, онъ крикнулъ—скачетъ!

Жуковскій.

Скачетъ не юный Вадимъ поэта Жуковскаго; не юный Ганнибалъ летитъ на быстромъ конѣ Нумидскомъ; не юный Бонапартъ мчится по рядамъ полковъ; скачетъ престарѣлый витязь Русскій въ бѣлой рубашкѣ, съ казачьей нагайкой въ рукѣ. Ни сверканье штыковъ, ни громы пушекъ не успѣваютъ летѣть по слѣдамъ его. Онъ помолодѣлъ полетомъ славы прежняго героя Италіи.

По собственному признанію Суворова, онъ летитъ по тѣмъ слѣдамъ, по которымъ Генералъ Бонапартъ шелъ 1796 и 1797 года. Вотъ его слова: «оборонительная и наступательная война:

по первому славенъ Лассіевъ кордонъ отъ Тріеста до Хотина. Сей прорывали варвары по ихъ волѣ. Въ немъ много хранительныхъ пунктовъ; слабѣйшіе больше къ пользѣ непріятельской; чего ради, меньшія его силы преобѣждаютъ: такъ дѣлалъ здѣсь Бонапартъ, такъ погибли Больё, Альвинчи и Вурмзеръ; мнѣ повороту нѣтъ, или также погибнуть.»

Отъ первой искры войны республиканской, Суворовъ слѣдилъ мыслію за каждымъ шагомъ, за каждымъ движеніемъ легіоновъ Французскихъ; онъ просился у Екатерины противъ Французовъ. Въ глазахъ его мелькала мечта новой славы. Ему наскучили толки, будто бы онъ только умѣетъ воевать съ Турками и побѣждать Турокъ. Всѣ прежнія лавры стали ему не въ лавры; онъ хочетъ лавровъ Европейскихъ. И онъ въ той странѣ, которую называли: «классическою страною военнаго искусства.» Хотя при Суворовѣ и не было еще въ ходу слово: *романтизмъ*; но можно сказать, что полетъ его на поляхъ Италіи, былъ полетомъ *романтическимъ*. «Благословляю!» восклицалъ онъ воинамъ Русскимъ: «благословляю васъ въ путь славы и побѣды.» И грудь Русскихъ опрокидывала укрѣпленія; штыки ихъ разсѣивали упорные легіоны Франціи; а съ береговъ Невы Графъ *Растопчинъ* отъ имени Императора Павла писалъ къ Суворову: «Донесеніе ваше изъ *Роккаделла* получено. Завтра будетъ молебенъ. Начало благо. Дай Богъ, чтобъ вездѣ были успѣхи и побѣда! Вы же, умѣя обходиться съ нею, и теперь не упу-

стите ее изъ рукъ вашихъ, въ чемъ помогутъ вамъ успѣть личная, давнишняя привязанность къ вамъ славы и побѣды.»

«Еслибъ я остался въ Италіи, то *Миланъ* не былъ бы въ рукахъ Русскихъ;» такъ говорилъ Наполеонъ. А Суворовъ, извѣщая о взятіи *Милана*, писалъ: «Мы перешли *Адду* на грудяхъ непріятеля; при *Кассано*, слабѣйшими силами разбили его, что и отворило намъ путь въ *Миланъ*.»

Суворовъ достигъ вѣнца желаній своихъ. Сынъ Франціи, Генералъ *Серюрье*, взятый имъ въ плѣнъ и ободренный ласковымъ его привѣтомъ, сказалъ ему: «дивлюсь, какъ вы рѣшились напасть на меня съ такимъ малымъ числомъ войскъ.» —«Мы Русскіе, чудаки,» отвѣчалъ Суворовъ: «мы все дѣлаемъ безъ *правилъ*, безъ *тактики*.» Тутъ же припомня, что *Серюрье*, при сдачѣ *Вурмсеромъ* Мантуи 1796 года, оказалъ престарѣлому Австрійскому полководцу всевозможное уваженіе, Суворовъ отдалъ ему шпагу его и сказалъ: «возьмите шпагу вашу; вы всегда были ее достойны;» и прося, чтобы онъ отъ него передалъ *бѣлую розу* супругѣ своей, примолвилъ: *Я самъ скоро буду къ вамъ.—Не сомнѣваюсь*! отвѣчалъ *Серюрье*.

Это казалось и не мечтою. Русскій Императоръ, повторимъ еще, дѣйствовалъ праводушно и рѣшился ничего не щадить для успѣховъ Русскихъ войскъ. Въ слѣдъ за Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, Государь отправилъ въ Италію и юнаго сына Суворова.

Такимъ образомъ, Императоръ Павелъ, под-

твердилъ свои слова, что лучшимъ примѣромъ для сына великаго нашего полководца, онъ почиталъ славу и дѣянія отца. И юный Суворовъ, въ рядахъ Русскихъ воиновъ, въ жару Требійскаго сраженія доказалъ, что и онъ къ имени Суворова порывается присоединить лавры, пожинаемые его отцемъ.

VII.

ЛЮДОВИКЪ XVIII ВЪ МИТАВѢ

и превратность судьбы Суворова

ВЪ ИТАЛІИ.

Тутъ нельзя не замѣтить чудесный и быстрый ходъ событій. 1792 года, Графъ д'Артуа былъ въ чертогахъ Екатерины. Но тогда еще далеко было Русское оружіе отъ Италіи. Въ началѣ 1793 года, не стало Людовика XVI; вскорѣ потомъ, вслѣдъ за нимъ, сошли въ могилу супруга его Маріи-Антуанетта, тетка его Елисавета и единственный сынъ его, юный Дофинъ. Людовикъ XVI, какъ будто самъ предрекъ судьбу свою, въ веснѣ дней своихъ. Когда не стало отца его, онъ сказалъ братьямъ своимъ: «плачьте со мною, если не умру, я долженъ быть Королемъ. Меня ждетъ злополучный жребій.» И въ слѣдствіе этого злополучнаго жребія, отъ всего семейства осталась одна только дочь.

Qui sait ce que renferme l'avenir.
Chateaubriand.

Кто разгадаетъ будущее.
Шатобріанъ.

Судьба намъ крѣпости
На завтра не даетъ.
Державинъ.

Неизвѣстно будущее, и стоитъ оно предъ человѣкомъ, подобно осеннему туману.
Гоголь.

Удивительное было это время. Слыша побѣдоносные звуки Русскаго оружія, Людовикъ XVIII поспѣшилъ въ Россію съ старшимъ своимъ племянникомъ и съ племянницею своею, единственною сиротою Людовика XVI. Императоръ Павелъ, путешествуя во Франціи, подъ именемъ *Сѣвернаго Графа* и прощаясь съ Дворомъ Людовика, взялъ четырехлѣтнюю дочь его на руки и сказалъ: «Милое дитя! будь подобна матери своей; Я тебя болѣе не увижу; но узнавъ, что ты служишь украшеніемъ какого нибудь сосѣдняго Двора, Я припомню, что видѣлъ тебя на зарѣ жизни твоей; прощай! Я болѣе тебя не увижу!»

И что же? Графъ Сѣверный услышалъ то, что сбылось при Императорѣ Павлѣ. *Графъ!* сказала дочь Людовика: *если вы къ намъ не пріѣдете, то я пріѣду къ вамъ.*

Не напрасно и въ прежнее и въ наше время, очаровательнѣйшія надежды, называютъ сномъ *на-яву*. Не долго гостилъ Людовикъ XVIII въ Россіи; не долго въ сіяніи новой славы и Суворовъ блаженствовалъ въ Италіи. Недолго!

«Единый часъ, одно мгновенье;
Улобы царства превратить.»

Такъ и случилось. Подъ блескомъ знаменъ побѣдоносныхъ, недоумѣніе подняло туманное чело свое. Тщетно гремѣли перуны; голосъ его дѣйствовалъ сильнѣе. Много ли промелькнуло дней отъ *двадцатаго Апрѣля до десятаго Мая?* Не прошелъ мѣсяцъ, и тотъ волшебный храмъ славы, который Суворовъ сооружалъ подъ сельскимъ своимъ кровомъ, въ радужныхъ мечтахъ своего воображенія, разрушился невозвратно. Никогда, ни на одного полководца не падало такое тяжелое бремя тоски безнадежной. Шесть лѣтъ порывался онъ къ борьбѣ съ Французскими легіонами и достигнувъ цѣли желаній своихъ, встрѣтилъ преграду необоримую не въ штыкахъ, не въ пушкахъ непріятелей, но въ перьяхъ превратной и изворотливой *дипломатики*. Въ горести душевной, Суворовъ говорилъ въ письмахъ своихъ: «обстоятельства, какъ буря все вертятъ прежде всѣхъ предположеній, вымышляемыхъ за тысячу верстъ отъ дѣйствія. Люди

легкомысленные увѣряли, что я былъ только счастливъ. Счастіе — ослиная голова въ арміи. Отправляя Маршала Виллара къ войску, Людовикъ XIV сказалъ ему:» — «Нѣтъ сомнѣнія, что гдѣ увидите непріятеля, тамъ будетъ и побѣда ваша,» Вилларъ отвѣчалъ: «мои непріятели не тамъ — а здѣсь въ Версали. И мои не здѣсь — а тамъ, на берегахъ Дуная, въ туманномъ кабинетѣ. Императоръ Павелъ желалъ, чтобы я сносился съ Королемъ Сардинскимъ; но мнѣ тамъ еще темно. Спутай крылья орлу и онъ не полетитъ. А мнѣ грозятъ указками, какъ будто школьнику.»

Здѣсь замѣтимъ различіе дѣйствій Генерала Бонапарта и Суворова. Первый дѣйствовалъ, не отдавая никому отчета, и другой, къ оправданію каждаго своего шага, долженъ былъ вычитывать почти всю военную исторію; а потому и говорилъ: «Я мѣшаюсь во времени и въ числахъ; хочу шагнуть впередъ, а меня отталкиваютъ назадъ. Имъ нужна тридцати-лѣтняя война, я гляжу на Парижъ, храбрымъ Швейцарскимъ народамъ нужна свобода — все сковано. Чуть ли будетъ мнѣ поворотъ.» Наконецъ, озабочиваясь продовольствіемъ войскъ, онъ писалъ къ Графу Толстому, что «непріятель воспользовался въ Генуи всѣми запасами.»

«Тактика безъ свѣтильника исторіи, потемки.» И это слова Суворова. Но развѣ онъ не зналъ, изъ исторіи, какъ шатки союзы и какъ быстро разлетаются пріязни и сношенія политическія? Часто и одинъ мигъ все перемѣняетъ и перепу-

тываетъ. Суворовъ это зналъ, но въ борьбѣ со страстями, въ борьбѣ съ самимъ собою; сколько разъ скажешь съ *Сократомъ*: «Я знаю только то, что ничего не знаю.» и чего домогался Суворовъ! И какъ чудны эти великіе люди земной нашей юдоли, чего они не дѣлаютъ, скитаясь съ тревожными думами своими среди многолюдства, какъ будто въ пустынѣ? Великолѣпный Князь *Таврическій* отъ скуки жизни чистилъ брилліанты и промывалъ жемчугъ; Суворовъ *Римникскій*, съ грудью затѣсненною блескомъ тѣхъ почетныхъ знаковъ, которые рано или поздно, улягутся на похоронной подушкѣ, отъ такой же скуки жизни, выманивалъ Англійскій орденъ *Подвязки*. Съ поля побѣдъ своихъ въ Италіи, онъ писалъ въ Лондонъ къ Графу Семену Романовичу *Воронцову*: «У меня чулки спадываютъ; нечѣмъ подвязать.»

Между тѣмъ разгромъ военныхъ предначертаній, часъ отъ часу болѣе отуманивалъ душу Суворова. Вскорѣ послѣ письма, отправленнаго имъ къ Графу *Толстому*, онъ писалъ въ Вѣну къ Графу Андрею Кириловичу *Разумовскому*: «Дипломатическій слогъ мнѣ злѣйшій непріятель своею двуличностію. На шеѣ моей *Тортонскій* и *Александрійскій* замки. Въ первомъ много запасовъ. Союзники предположили главною цѣлью *Мантую*. Драгоцѣнность ея не стоитъ потерянія лучшаго времени.... Спасителя ради! не мѣшайте мнѣ!»

Ужасный, упорный былъ трехъ-дневный бой на берегахъ *Требіи*, гдѣ Ганнибалъ поразилъ

Римлянъ. Грозная кипѣла битва и подъ *Нови*, куда юный Жуберъ, избранный директоріей, чтобы заглушить имя Бонапарта, летѣлъ изъ Парижа съ портретомъ молодой супруги своей, давъ ей слово побѣдить или умереть. И онъ палъ передъ рядами войскъ своихъ. Сильно сопротивлялся *Моро*, принявшій вновь подъ начальство свое легіоны республиканскіе; но и онъ остатки полковъ своихъ спасъ отступленіемъ. Не вхожу въ подробности этихъ битвъ. Громы ихъ, какъ будто и не бывали; отголосками смолкли въ исполинскихъ войнахъ 1812, 1813 и 1814 годовъ. «Не дорубленный лѣсъ,» писалъ Суворовъ Графу Разумовскому: «опять выростаетъ.» Не дорубленный лѣсъ въ Италіи 1799 года, быстро выросъ и на зарѣ нашего XIX столѣтія раскинулъ могильныя тѣни подъ всѣми небосклонами Европейскими. Замѣчу, однако, что Суворовъ, желая, какъ можно менѣе кровопролитія, приказалъ выучить казаковъ выговаривать по-Французски: «не деритесь! бросайте оружіе! сдавайтесь! плѣнные наши братья!»

Такъ было въ Италіи. Но въ то время не думалъ *Макдональдъ*, что снова будетъ бороться съ Русскими: и гдѣ же? на берегахъ *Двины*. Не думалъ и *Моро*, что онъ переплыветъ черезъ *Океанъ*, падетъ въ рядахъ Русскихъ. Одинъ Суворовъ предчувствовалъ и предугадывалъ, что Россіи предстоитъ борьба великая.

VIII.

РѢШИТЕЛЬНАЯ ПРОСЬБА СУВОРОВА

ОБЪ ОТСТАВКѢ И УБѢЖДЕНІЯ ГРАФА РАСТОПЧИНА, ЧТОБЫ ОНЪ ПРОДОЛЖАЛЪ СВОИ ПОБѢДЫ.

Дайте мнѣ волю или вольность.

Слова Суворова.

Но куда дѣнутся плоды великихъ дѣлъ героя.

Изъ письма Графа Растопчина къ Суворову.

De quoi lui ont servis ses grands talens?... C'est pour quoi tous ceux qui agissent, se sentent assujetis à une force majeure.

Bossuet.

Къ чему послужили его великія дарованія?.... Вотъ отъ чего и могучіе дѣлатели чувствуютъ себя подъ гнетомъ, какой-то непреоборимой силы.

Вскорѣ послѣ *Требійской* битвы, названной Суворовымъ въ письмѣ своемъ къ Графу Воронцову: «одною изъ труднѣйшихъ и славнѣйшихъ побѣдъ Русскаго оружія» онъ писалъ къ Графу Разумовскому: «Кроя кровлю другихъ, свою не должно раскрывать.» На другой день битвы при Нови, то есть, 4 Августа, въ глубокой душевной скорби, Суворовъ писалъ къ Графу Растопчину: «Послѣ кровопролитнаго боя, мы одержали побѣду, но мнѣ все не мило. Повелѣнія, поминутно присылаемыя изъ *Гофъ-Кригсъ-Рата*, разстроиваютъ мое здоровье, и я здѣсь не могу продолжать службы. Хотятъ управлять дѣйствіями за тысячу верстъ; и не знаютъ, что каждая ми-

нута на мѣстѣ заставляетъ оныя перемѣнять. Меня подчиняютъ, Богъ знаетъ кому! . . . . Вотъ новое, Вѣнскаго Двора распоряженіе, которое препровождаю къ Государю подлинникомъ. Вы увидите, могу ли я здѣсь долѣе служить? Прошу васъ, Ваше Сіятельство, доложить о семъ Государю Императору, равно и о томъ, что, очистя *Геную*, буду рѣшительно проситься въ отставку и уѣду отсюда! Болѣе писать слабость не позволяетъ. Я духомъ изнуренъ и скоро, можетъ быть, долженъ буду искать убѣжища въ какомъ нибудь хуторѣ или въ гробѣ.»

Графъ Растопчинъ отвѣчалъ: «Сколь извѣстіе о новой побѣдѣ, обрадовало сердце преданнаго вамъ человѣка, столь письмо ваше наполнило его горестію. Вамъ извѣстно уже мнѣніе Государя о намѣреніяхъ Вѣнскаго Двора и Его предположеніяхъ. Онъ намѣренъ спасти Европу, все равно: отъ Французовъ, или отъ происковъ Барона *Тугута*. Но чтобы предуспѣть въ томъ, должно перемѣнить образъ нынѣшняго правленія во Франціи. Если Государь оставитъ теперь Союзныя Державы, то Австрія принуждена будетъ заключить отдѣльный миръ, на который Франція охотно согласится и дастъ ей волю забрать въ Италіи все то, что заблагоразсудитъ, за тѣмъ, чтобы чрезъ нѣсколько лѣтъ начать свои завоеванія.... Но куда дѣнутся плоды великихъ дѣлъ героя? Какою скорбію поразятся народы, призывавшіе на помощь Государя нашего и сколь упадетъ духъ бодрости, оживившій земли, избавленныя отъ ига Французовъ?

Но если увѣнчавъ спасительное сіе дѣло, возстановленъ будетъ престолъ во Франціи, тогда Европа будетъ спасена; и спасена безкорыстіемъ, твердостію Россійскаго Императора и великими дѣлами Князя *Италійскаго*.

«Оканчиваю тѣмъ, что молю васъ на колѣняхъ у ногъ вашихъ и со слезами; останьтесь и побѣждайте! Повтореніе просьбы вашей въ отставку, пагубно будетъ для общаго дѣла. Вамъ ли обижаться происками зависти и ослѣпленнаго самолюбія? Побѣждайте и зависть и враговъ. Съ вами Богъ и Русскіе.»

До полученія еще письма отъ Графа Растопчина, Суворовъ писалъ къ Графу Толстому: «Я съ недѣлю въ горячкѣ, хотя на ногахъ. Давно всеподданнѣйше прошу объ отставкѣ. Развалинъ сооруженнаго храма видѣть не могу. Между прочимъ, онъ писалъ къ Графу Воронцову: «Франція воздвигаетъ новый Римъ.»

IX.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Судьба Ганнибала, Суворова и Наполеона.

Qu'ont-ils vu ces grands genies, qu'ont-ils vu? Rien.

Bossuet.

Что видѣли эти великіе геніи, что они видѣли? Ничего.

Le moindre mouvement importe à toute la nature: la mer entière change pour une pierre.

Pascal.

Малѣйшее движеніе, важно для всей природы, брошенный камень волнуетъ море.

Паскаль.

Полагаютъ, что за тысячи лѣтъ до насъ, отъ разрыва *Юры*, на рубежахъ нынѣшней Франціи, поколебались и Альпы и горы Пиренейскія. Но и горы Альпійскія и горы Пиренейскія все еще возносятся тамъ, гдѣ онѣ были. А между тѣмъ, сколько исчезло поколѣній со временъ перехода черезъ нихъ Ганнибала, Суворова и Наполеона? Что же это такое? Уже ли скажемъ съ *Шекспиромъ*, что это за *міръ*, гдѣ для людей *миръ*, какъ будто стихія враждебная? И если въ области природы важно и малѣйшее движеніе; если и камень, падающій въ море, кружитъ и пѣнитъ волны его, то казалось бы, какъ важнѣе каждое колебаніе въ мірѣ человѣческомъ? Но великія волненія нашей земной вселенной, тайна Провидѣнія. По слову завѣтному: день дню пере-

даетъ вѣщаніе. И какъ трудно въ круженіи нашего міра прислушиваться къ этому невидимому вѣщему слову! А развѣ нѣтъ неумолкаемой, видимой вѣстницы о судьбѣ народовъ и человѣчества? Есть. Эта вѣстница — исторія. Здѣсь, съ обширнаго вѣковаго ея театра, выведены три человѣка, дѣйствовавшіе въ Италіи. Чѣмъ же кончились громы ихъ побѣдъ? *Ганнибалъ*, на чужой землѣ, подъ небосклономъ Азіи, страшась плѣна Римскаго, испилъ чашу смертную. *Суворовъ*, отгремѣвъ на поляхъ Италіи и перелетѣвъ черезъ грозныя вершины Альпійскія, сознаваясь въ мечтѣ славы, сказалъ: «семдесятъ лѣтъ гонялся я за славою. Слава мечта. Покой души у престола Всемогущаго.» *Наполеонъ*, разставаясь съ исполинскимъ владычествомъ своимъ, сказалъ: «Тщетно усиливаются люди упрочить себя въ будущемъ. Однѣ законоучрежденія утверждаютъ судьбу народовъ (*).»

А какъ блестящи были побѣды Ганнибала, Суворова и Наполеона! Ганнибалъ шестнадцать лѣтъ боролся съ Римомъ. Генералъ Бонапартъ въ два года покорилъ Италію. Суворовъ въ пятдесятъ шесть дней завоевалъ въ Италіи побѣды Генерала Бонапарта. Наконецъ, первый консулъ Бонапартъ въ однѣ сутки овладѣвъ Италіею завоевалъ и Францію и престолъ Императорскій и корону Ломбардіи и Голландію и Рейнскій Союзъ. Стало быть война подросла? Она сама себя выска-

(*) Les hommes sont trop faibles pour assurer l'avenir; les institutions seules fixent les destinées des nations.

зываетъ, слѣдственно, вмѣстѣ съ нею подросла и судьба человѣчества. На это отвѣчаю тѣмъ, что давно говорено было объ исторіи. Подобно хамелеону, исторія не рѣдко перемѣняетъ цвѣтъ и краски. Если же когда нибудь смолкнутъ перуны историческіе, тогда повсюду разцвѣтутъ миръ и любовь? Дай Богъ!

VII.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ

Графа Ѳедора Васильевича

РАСТОПЧИНА.

I.

Сближеніе его съ народомъ

И РУССКИМЪ ВѢСТНИКОМЪ

1808 года.

Видя дымъ, издали несущійся, можно заключить, что тамъ есть огонь.

Ломоносовъ.

Зашумитъ ли вдали буря политическая?
спѣши (на время): прислушиваться къ
вѣщимъ откликамъ уединенныхъ лѣсовъ.
Пиѳагоръ.

До приступленія къ разсказу Графа Ѳ. В. Растопчина о Суворовѣ и до воспоминаній о дѣйствіяхъ его 1812-го года, я предложу, *во-первыхъ*, о томъ, чѣмъ обязанъ ему духъ народный до 1812 года; *во-вторыхъ*, о первомъ моемъ съ нимъ знакомствѣ и о сотрудничествѣ его со мною по Русскому Вѣстнику.

Начинаю съ послѣдняго.

Увѣдомленіе о Русскомъ Вѣстникѣ, возбудило и недоумѣніе и удивленіе. Въ то время я мелькалъ еще въ блестящемъ кругу Московскомъ; для обѣдовъ мнѣ не нужно было разводить огня. Если бы въ недѣлѣ скоплялось и тридцать дней, то и на тѣ дни стало бы званыхъ обѣдовъ. Москва тогда кипѣла хлѣбосольствомъ. Домъ А. С. Небольсиной былъ первымъ домомъ гостепріимнымъ; по четвергамъ у нее были званые обѣды. Въ первый четвергъ, по выходѣ моего увѣдомленія о Русскомъ Вѣстникѣ, встрѣтился я у нее съ Графомъ Ѳ. В. Растопчинымъ. Боже мой! Кажется, давно ли это было? А гдѣ всѣ они?

«Тамъ, тамъ, за синимъ Океаномъ!»

Тамъ, куда неизбѣжная дорога всѣмъ пришельцамъ этого міра.

А какое раздолье было 1808 года! Какими остротами Графъ приправлялъ каждое блюдо! У

него, какъ будто у Тассовой Армиды, въ разливѣ словъ, блистала какая-то цѣпь волшебная. Это было, и запало въ дальній Океанъ!

Обѣдъ кончился. Съ ласковымъ привѣтомъ, Графъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Я читалъ ваше увѣдомленіе; отважное ваше предпріятіе, удивляетъ меня.» — «Что же тутъ удивительнаго?» отвѣчалъ я: «издатель хочетъ въ Россіи говорить объ Россіи. Я видѣлъ народъ Русскій; въ земской моей службѣ, я ознакомился съ духомъ его; я прислушивался къ душевному его голосу. Да и вы сами, Графъ, такъ умно и живо высказали въ лицѣ вашего Богатырева въ вашихъ «Мысляхъ вслухъ на Красномъ Крыльцѣ» духъ народа Русскаго. Мое перо не чета вашему; у вашего пера крылья и ваши мысли вслухъ разлетѣлись на всеуслышаніе.» — «Благодарю васъ за вашъ отзывъ, но я крайне не благодаренъ А. С. Шишкову, за то, что онъ, безъ моего согласія, перепечатавъ мои листки, вставилъ на ряду съ Багратіономъ и другими Русскими полководцами имя Бенигсена, о которомъ я и не думалъ. Но объ этомъ поговоримъ послѣ. А теперь предлагаю вамъ себя въ сотрудники, только съ условіемъ: запальчивое перо мое, часто бываетъ запосчиво, удерживайте, останавливайте меня.» — «Графъ,» отвѣчалъ я, «предложеніе ваше для меня и самое лестное и самое трудное. Между нами такое большое разстояніе.»—«Полно, полно,» возразилъ Графъ, «гдѣ дѣло идетъ о пользѣ общей, тамъ нѣтъ разстоянія и тамъ не считаются чинами.»

Обстоятельства выказываютъ человѣка. По смерти Князя Таврическаго, у котораго юный Растопчинъ былъ въ числѣ адъютантовъ, объ немъ почти вовсе не было слышно. Знали его только по его острымъ шуткамъ. Съ восшествіемъ на престолъ Императора Павла I, быстро прогремѣлъ Ѳ. В. Растопчинъ и чредою кавалера Андрея Первозваннаго и именемъ Графа и званіемъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Но онъ не оступился въ этихъ трехъ быстрыхъ переходахъ. Вспыхнувшая 1799 года война съ Французскою республикою, открыла Графу Растопчину блистательное поприще. Съ дѣйствіями необычайной войны, обхватившей Французскую республику со стороны Италіи, Швейцаріи, Англіи и Голландіи, Графъ оказалъ необычайныя способности, сопряженныя съ его чредою. Съ именемъ его ознакомилась вся тогдашняя политика Европейская. Суворовъ гремѣлъ въ странѣ древнихъ Римлянъ, а перо Растопчина сливалось съ побѣдными его громами. Первое письмо Графа Растопчина къ Суворову проложило новую перекличку между ними:

«У насъ было молебствіе по случаю побѣды вашей при Леккѣ и покоренія Бергамо и Милана. Ура, ура герой! Ваши лавры—наша слава А если бъ вы, по какому нибудь чуду, (впрочемъ не чуждому вашей быстротѣ) очутились тогда между нами, какимъ бы восторгомъ забилось богатырское сердце въ геройской вашей груди! Выслушайте, герой, и восхищайтесь! Когда, въ концѣ молебствія, діаконъ провозгла-

силъ: «*и Высокоповелительному Фельдмаршалу, Графу Римникскому многая лѣта!*» Тогда юный вашъ сынъ, въ восторгѣ любви сыновней, бросился къ Государю, поцѣловалъ руку Его, хотѣлъ что-то сказать, но за слезами и радостью, не могъ ничего вымолвить. Торжественно похваляя порывъ любви сыновней и отпуская сына вашего подъ побѣдоносныя ваши знамена, Императоръ сказалъ: «*Похваляю весьма приверженность къ отцу, лучшаго примѣра тебѣ дать, и въ лучшія руки отдать не могу.*»

Подробный разсказъ Графа Ѳ. В. о Суворовѣ будетъ далѣе, а здѣсь повторяю еще, предложу о томъ, чѣмъ обязанъ ему духъ Русскій до 1812 года. Въ Русскомъ Вѣстникѣ 1808 года, было напечатано, что «Тильзитскій миръ, заключенный 1807 года, былъ только временнымъ перемиріемъ; и, что если, по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія, снова возгорится война между Россіею и Франціею, то въ отечествѣ нашемъ будутъ приняты всѣ надлежащія мѣры къ отраженія властолюбиваго завоевателя.» Но справедливость требуетъ сказать, что Графъ первый еще 1807 года, по «*Мыслямъ своимъ вслухъ на Красномъ Крыльцѣ*» вступилъ, такъ сказать, въ родственное сношеніе съ мыслями всѣхъ людей Русскихъ. Его листокъ облеталъ и чертоги и хижины и какъ будто былъ передовою вѣстью великаго 1812 года. И объ этомъ будетъ далѣе, а теперь обращусь къ тому, по какому случаю Графъ подарилъ меня изустнымъ разсказомъ о Суворовѣ.

II.

ПОѢЗДКА МОЯ ВЪ СЕЛО

Вороново.

Des objets si charmants, un séjour si tranquille
La verdure, les fleurs, les ruisseaux, les beaux jours,
Tout invite le sage à chercher un asile.

J. B. Rousseau.

(Ode au Comte de Zinzindorf.)

Мѣста прелестныя, гдѣ всѣ дары природы
И взоръ и сердце веселятъ;
Гдѣ въ сладкой тишинѣ текутъ спокойно годы,
Всѣ міра пышности васъ въ сердцѣ не затмятъ!

Сердце сердцу вѣсть дастъ.

Войдя со мною въ сотрудничество по Русскому Вѣстнику, Графъ писалъ ко мнѣ слѣдующее письмо изъ своего села Воронова: «Спасибо вамъ за напечатаніе грамотки моей въ 1-й книжкѣ Русскаго Вѣстника. Мой Устинъ Вѣниковъ» (такъ подписался Графъ въ статьѣ своей, и статьѣ смѣлой): продолженіе моего Богатырева и его Мыслей вслухъ на Красномъ Крыльцѣ. Пора духу Русскому пріосамиться. Шопотъ дѣло сплетницъ. А я спѣшу вамъ сказать, что нашъ молодецъ Суворовъ пріосамилъ мое перо и оно изъ жизни его, вырвало кое-что такое, что мысль и слово его ставитъ на одной чертѣ съ его геройствомъ. Этотъ чудакъ-герой, какъ будто и изъ могилы своей выкликиваетъ душу; разумѣется, душу Русскую.

Тутъ былъ слишкомъ ласковый намекъ на Русскій Вѣстникъ, пропускаю его; что прошло то и поминай какъ звали. Продолжаю письмо:

«Вамъ, мой любезный сотрудникъ, непремѣнно надобно побывать у меня въ селѣ Вороновѣ, гдѣ и получите отъ меня анекдоты о Суворовѣ, иначе не выпущу ихъ изъ рукъ. А чтобы вамъ не соскучиться въ дорогѣ, я пригласилъ вамъ въ товарищи Д. А. Новосильцова и общаго нашего пріятеля Н. С. Муромцова. Оба они, по обычаю нашей молодежи, рыскали по чужимъ краямъ. Первый былъ тамъ съ нынѣшнимъ Министромъ

Финансовъ, Гурьевымъ. Оба они, по замашкѣ ума, въ грязь лицемъ не ударятъ. Готовьтесь навострить слухъ къ выслушанію вѣстей о пресловутой Европѣ, которую теперь нянчитъ и водитъ на помочахъ нашъ другъ Наполеонъ. Можетъ быть изъ краснобайства о заморскомъ выскажется что нибудь и о нашей матери землѣ Русской. Вѣдь все теперь еще въ раздумьѣ и въ разгулѣ. Но, что земля Русская намъ не мачиха, объ этомъ готовъ спорить до тѣхъ поръ, пока не лягу въ матерь сырую землю. Чего нѣтъ въ нашей родной колыбели? Было бы только у насъ горячее къ ней сердце, да обнимала бъ ее покрѣпче душа Русская. А то постоитъ она за себя.»

Съ распростертыми объятіями принялъ меня хозяинъ села Воронова. И что это было за село! Все кипѣло тамъ привольемъ жизни. Думалъ ли самъ владѣлецъ, что года черезъ четыре, онъ собственною рукою отдастъ его въ жертву пламени? Думалъ ли онъ объ этомъ, незнаю. Но вотъ что тогда было:

Послѣ обѣда, товарищи мои пошли осматривать хозяйственныя заведенія владѣльца села Воронова, а Графъ, взявъ меня за руку, повелъ въ свой кабинетъ и сказалъ: «тутъ будетъ исповѣдь моя сотруднику моему.»

Передаю отчасти слышанное на этой *исповѣди*. Но если и Жанъ-Жакъ Руссо признавался, что перо его никогда не уловляло полета тѣхъ мыслей, которыя кипѣли въ головѣ его въ уединенныхъ прогулкахъ: то и не удивительно, что подъ моимъ перомъ поблекнутъ краски разсказа Графа, въ духѣ его Богатырева, съ самородными поговорками.

III.

РАЗСКАЗЪ

ГРАФА ѲЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА

О СУВОРОВѢ.

L'éloquence traduite en lettres alphabétiques, n'est que l'ombre de l'éloquence. Le génie de l'homme est dans sa parole. La pensée a perdu toute sa force, quand elle a été prisonnière dans un tuyau de plume et noyée dans une écritoire.

Colonnel Oudet.

Краснорѣчіе, переведенное въ буквы, тѣнь краснорѣчія. Геній человѣка, въ его словѣ. Мысль утратила всю силу свою, затѣснясь въ перо и утонувъ въ чернильницѣ.

Ораторъ Эсхинъ, побѣжденный красноречіемъ Демосѳена, на площади Аѳинской, удалился на островъ Родосъ, гдѣ читалъ рѣчь своего соперника. Громкія рукоплесканія раздавались въ воздухѣ. Эсхинъ воскликнулъ: «А если бъ вы его слышали.»

Исторія.

«Люблю Суворова,» сказалъ Графъ, съ восторгомъ пишу о немъ. «Но онъ большой сдѣлалъ промахъ въ Вѣнѣ. Онъ слишкомъ круто наступилъ на грудь членамъ Гофъ-Кригсъ-Рата, которые и тамъ привыкли къ раздумью, гдѣ дѣло само собою кипѣло, Суворовъ это зналъ. Жаль, что на этотъ разъ не прикинулся лисою. Тутъ пригодилась бы и змѣиная хитрость. Чѣмъ бы швырнуть бѣлый листъ членамъ Совѣта на вопросъ ихъ: *въ чемъ состоитъ планъ его кампаніи?* онъ могъ бы по своему наговорить имъ турусу-на-колесахъ. Ему за велерѣчіемъ не нужно было ходить въ карманъ. Не спохватился, оплошалъ. Зналъ онъ, говоря его словами и *тактику* и *практику*, а за спиною у себя оставилъ разпѣтушенную спѣсь. Ему ли было не вѣдать, что взбѣшенное самолюбіе, во что бы ни стало, а потѣшитъ себя мщеніемъ. Графъ Разумовскій тогда же писалъ ко мнѣ изъ Вѣны, что «и Баронъ Тугутъ и всѣ члены совѣта, чрезвычайно раздражены противъ нашего героя; но что Ан-

глиане всѣми силами отстаиваютъ его. Впрочемъ, прибавилъ нашъ посолъ, нашъ Александръ Васильевичъ не замедлитъ побѣдами; а предъ побѣдителемъ невольно умолкнутъ и негодованіе и досада.» А я прибавлю также, что, какъ Русскій, Суворовъ хорошо поступилъ. Императоръ Павелъ, полагаясь на его знаніе и опытъ, не требовалъ никакого предварительнаго отчета въ его дѣйствіяхъ. Онъ вѣрилъ его славѣ, его генію. Но Гофъ-Кригсъ-Ратъ иначе судилъ. А между тѣмъ, летая по полямъ Италіи орломъ, нашъ богатырь Римникскій показалъ и доказалъ Европѣ, что онъ не съ одними Мусульманами умѣетъ управляться. Серюрье, Макдональдъ, Жубертъ, Моро, нечего сказать, всѣ они были молодцами. Легіоны ихъ дрались какъ львы; но трехцвѣтное знамя поникло предъ нашимъ сѣвернымъ орломъ. Ничто не помогло. Суворовъ писалъ ко мнѣ: «*дайте мнѣ волю или вольность.*» Да гдѣ мнѣ было ихъ взять. А что по моему званію можно было дѣлать, я то и дѣлалъ. Я писалъ къ Кобенцелю: «нужны дѣла, а не слова; между союзными Дворами должны существовать: *дружба*, *правота* и *откровенность.*» Письмо Кобенцеля и мой къ нему отвѣтъ, отправилъ я подъ побѣдоносныя знамена Суворова, въ Италію.

Загнанный въ дѣйствіяхъ своихъ на чужбинѣ, Суворовъ говорилъ, что онъ мѣшается въ числахъ. За то Императоръ Павелъ исчислялъ каждый шагъ его побѣдъ, за то Русскій нашъ Графъ С. Р. Воронцовъ, грудью отстаивалъ его въ Лондонѣ, и всѣ мои мысли были съ нимъ.

Не дремали и Итальянцы. Кардиналъ Руффо, рыцаремъ сѣлъ на коня и поднялъ на бой Неаполитанскихъ лазарони, подкрѣпленныхъ Русскимъ отрядомъ. Но тутъ нагрянула бѣда. Чѣмъ бы поддерживать возстаніе Неаполитанское, Адмиралъ Нельсонъ, какъ Тассовъ Ринальдъ, дремалъ въ оковахъ новой Армиды. Суворовъ писалъ къ нему: «проснись герой, проснись сибаритъ, но Нельсонъ не пробуждался.» Въ немъ не было средины: онъ былъ весь славою, или весь любовью.

А мы надѣялись вслѣдъ за нашимъ героемъ отправить изъ Митавы Короля Людовика XVIII и Герцога Ангулемскаго, подъ кровлю дворца Тюльерійскаго; надѣялись, что туда же поспѣшитъ отплыть изъ Англіи и Графъ д'Артуа. Словомъ, казалось, что и небо и земля готовились протрубить новую славу. Но по нашей пословицѣ: нужный путь Богъ управитъ. Видно тогда еще не пришла для Европы пора пощады и отдыха. Никакой машинистъ ни на какомъ театрѣ не передвигаетъ декораціи съ такою быстротою, съ какою все передвинулось въ Европѣ, въ исходѣ 1799 года. Война была исполинская. Русскіе войска въ Италіи и Швейцаріи, Русскіе знамена развѣвались въ Голландіи и у береговъ Англіи, угрожая Сѣверной Франціи. Нельсонъ съ флотомъ своимъ былъ у береговъ Италіи; а наши корабли дѣйствовали съ кораблями Турецкими. И что же изъ этого вышло? Австрійцы, подъ начальствомъ Принца Карла, отъ нашихъ Швейцарскихъ войскъ оттянулись къ Мангейму; въ Голландіи Германъ за-

пировалъ и попалъ въ плѣнъ, а Англичане пустились на попятный дворъ. Въ Швейцаріи Массена не побѣдилъ, но поддѣлъ нашихъ.

Вотъ какъ это случилось. Было условленное перемиріе. Но вдругъ на высотахъ своихъ, Французы сильно всполошились и у нихъ закипѣло необычайное движеніе. Съ нашей стороны немѣдленно былъ отправленъ Полковникъ Поливановъ съ запросомъ о такой торопливой перестановкѣ Французскихъ войскъ. Дѣло шло къ ночи. Хитрый Массена, задержавъ его, послалъ отъ себя извѣстить нашихъ, что будто бы онъ готовится съ легіонами своими праздновать наступленіе республиканскаго года, и, что если услышатъ и пушечную пальбу, то это просто привѣтствіе празднеству. Мы Русскіе, отъ отваги молодецкой не рѣдко бываемъ слишкомъ довѣрчивы. Нашъ богатырь Цицiановъ, гроза Персіянъ, былъ застрѣленъ на вѣроломномъ переговорѣ. Отъ довѣрія попали наши въ просакъ подъ Цюрихомъ. Массена, врасплохъ, не дождавшись разсвѣта, напалъ на слабѣйшее наше крыло; но ему не чѣмъ было похвалиться за суматоху подъ Цюрихомъ, Суворовъ съ лихвою отомстилъ ему. Розенбергъ, подъ Мутентальтомъ сбилъ съ поля Лекурба и взялъ его въ плѣнъ. Въ то же время, громкія воззванія Массены такъ разожгли воображеніе Парижанъ, что они ожидали Суворова къ себѣ плѣннымъ; а онъ пролетѣлъ себѣ чрезъ Чортовъ мостъ, и пробился чрезъ ущелья, гдѣ подстерегали его республиканцы съ грозными своими пушками. Какъ бы

то ни было, по Суворову нельзя было держаться въ Италіи, а Корсакову въ Швейцаріи. «Тугутъ, писалъ ко мнѣ Суворовъ, вездѣ, а Гоцъ— нигдѣ.» Въ другомъ письмѣ онъ же говорилъ: «Отнимите у нихъ перья.» Въ войнѣ 1799 года, громко высказываются три главныя обстоятельства: *Во-первыхъ*, Императоръ Павелъ отъ чистаго сердца желалъ для спокойствія Европы — всего, а для себя — ничего. *Во-вторыхъ*, перья сбили съ поля битвъ штыки побѣдоносные. *Въ-третьихъ*, разсыпанные Питтомъ милліоны гиней, которые такъ сильно поворачиваютъ нашъ шаръ земной ни на шагъ не подвинули впередъ дѣлъ Европейскихъ.

Между тѣмъ, бывшій побѣдитель Италіи, быстро летѣлъ по волнамъ морскимъ изъ Египта; а нашъ Суворовъ извѣщалъ Графа Разумовскаго, «гдѣ и когда Бонапартъ опрокинетъ временные успѣхи Австрійцевъ. Маренго это доказало. Не дремалъ и въ лаврахъ Маренгскихъ Консулъ Бонапартъ. Нашихъ плѣнныхъ, захваченныхъ въ расплохъ подъ Цюрихомъ, было во Франціи тысячъ до семи. Англія отказалась выручить ихъ. Консулъ Бонапартъ снарядилъ нашихъ Русаковъ и предложилъ ихъ Государю безусловно; въ слѣдствіе чего и былъ за ними отправленъ нашъ Генералъ. Всякій необычайный подвигъ сильно дѣйствовалъ на сердце Павла I. Ловкою услугою, Бонапартъ сблизился съ нами. Мнѣ, какъ Министру Иностранныхъ Дѣлъ, прислалъ онъ золотой столовый приборъ, принятый мною съ соизволенія Государя.»

Вотъ что мнѣ разсказывалъ Графъ, въ Февралѣ мѣсяцѣ 1808 года. Давно было это. А притомъ, мы, люди XIX столѣтія, мы живемъ не годами жизни нашей; мы живемъ вѣками историческими. Можетъ быть, что нибудь и изгладилось изъ моей памяти. Но сущность разсказа вѣрна; предлагаю также здѣсь и сущность письма Талейрана къ Графу Растопчину. Вотъ главное содержаніе: «Вашъ Императоръ,» говорилъ Талейранъ, «увѣнчался безсмертною славою. Онъ первый, очамъ Европы великодушною рукою представилъ пальмы мира, ибо онъ для нее только сдвинулъ храбрые полки свои. Желаніе мира въ нынѣшнихъ важныхъ обстоятельствахъ, есть желаніе счастія вселенной.»

Если память моя не сдѣлаетъ промаха, то выскажу Французское выраженіе Министра Талейрана, особенно относившееся къ Графу Растопчину: «L'histoire dira un jour, que le Comte Rastaptchine a présidé à cette époque mémorable, où s'agitait la grande question de la paix de l'Europe et du monde (*).»

Обращаюсь къ заключенію разсказа моего сотрудника по Русскому Вѣстнику.

«По смерти Канцлера Безбородко,» говорилъ Графъ, «Государь предлагалъ мнѣ его мѣсто и дарилъ нѣсколько тысячъ душъ. Языки, которые и тогда уже гоняли меня сквозь строй, распустили молву, что будто я ждалъ кончины

(*) Исторія скажетъ нѣкогда, что Графъ Растопчинъ присутствовалъ въ ту достопамятную эпоху, когда занимались великимъ вопросомъ о мирѣ Европы и цѣлаго свѣта.

Канцлера съ какимъ-то тревожнымъ нетерпѣніемъ, будто бы то и дѣло посылалъ справляться: *дышетъ ли еще онъ?* Это вздоръ, сущій вздоръ. По моимъ лѣтамъ, я не рѣшился принять его мѣста; но откровенно признаюсь, что теперь жалѣю о томъ, что отказался отъ предлагаемыхъ душъ.»

Кажется и теперь слышу его; а его давно нѣтъ. Но дѣла не умираютъ.

IV.

МОСКВА

и Графъ Растопчинъ

1812 года.

Le bonheur peut avoir un terme;
Mais la sagesse est toujours ferme,
Et les destins tojours legers.
(Ode à la fortune).

Счастье—на время;
Мудрость—навсегда,
Судьба—перемѣнчива.
(Изъ Оды на счастіе).

Нельзя бросить якоря въ рѣку жизни; она увлекаетъ и того, кто борется съ нею, и того, кто предается спокойно ея теченію.
(Индѣйская книжица).

Онъ въ Москвѣ родился,
И ей пригодился.

(Надпись, сочиненная Графомъ къ портрету его).

Приступаю къ важнѣйшему времени его жизни. Но не подумайте, будто бы я говорю о 1812 годѣ. Что дѣлалъ онъ въ этотъ великій годъ, то было послѣдствіемъ прежнихъ его лѣтъ. Быстро возвысился онъ и быстро сошелъ съ чреды человѣка Государственнаго: но онъ былъ всегда самимъ собою и съ самимъ собою. Не входя въ обстоятельства, уклонившія его отъ службы, упомяну только, что онъ, въ санѣ Вельможи, съ орденомъ Андрея Первозваннаго, жилъ частнымъ человѣкомъ, скромно и тихо, то въ селѣ своемъ Вороновѣ, то на дачѣ въ Сокольникахъ, гдѣ какъ будто прислушивался къ 1812-му году и къ будущей судьбѣ Москвы. А казалось, далекъ былъ 1812 годъ. Какъ же думать о томъ, что еще не проявилось? У мысли есть свой зоркій взглядъ; она въ настоящемъ видитъ ходъ будущаго. «Я менѣе всего одинъ, когда я одинъ,» говорилъ Сципіонъ Африканскій, «и болѣе всего занятъ, когда, по видимому, мнѣ нечего дѣлать.» То есть, когда онъ не водилъ полки Римскіе къ побѣдамъ и къ разрушенію Карѳагена.

Приведемъ здѣсь двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ водилъ полки, переставлялъ престолы, а другой, жилъ въ уединеніи, съ однимъ собою, и какъ будто въ глубокомъ бездѣйствіи. Эти два человѣка — Наполеонъ и Графъ Растопчинъ.

Растопчинъ въ первый разъ откликнулся живымъ Русскимъ словомъ 1807 года и прослылъ въ народѣ Русскимъ человѣкомъ. Искусный полководецъ выжидаетъ надлежащаго мгновенія для дѣйствія; также поступаетъ и внимательный наблюдатель духа народнаго; онъ не бросаетъ словъ на вѣтеръ, онъ знаетъ ихъ силу на душу, и говоритъ тогда, когда душа, принимая слова, готова обратить ихъ въ дѣйствіе.

«Такъ кормчій черезъ Понтъ плывущій,
«Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій
«Умѣетъ судномъ управлять.»

Это и поэзія и истина. Если, какъ сказано выше, у мысли есть свой зоркій взглядъ, то и у времени есть свой вѣщій голосъ.

1805 года Ноября 24, наканунѣ Аустерлицкаго сраженія, Наполеонъ говорилъ: «еще лѣтъ шесть, и мысль и мои силы тѣлесныя истомятся.» Растопчинъ въ это время молчалъ. Въ половинѣ 1806 года Наполеонъ громилъ Пруссію, а въ исходѣ этого года потревожилъ границы нашего отечества. 1807 года заключенъ былъ Тильзитскій миръ.

Можетъ быть возразятъ, какъ ставить на одну чреду Наполеона и Графа Растопчина? Первый

былъ человѣкъ вѣковой; а другой, человѣкъ своего времени. Отвѣчаю: если бы каждый дѣлалъ въ свое время, то, что должно и какъ должно, то и свое время было бы временемъ вѣковымъ. Говорилъ и Наполеонъ, что за временемъ надобно идти шагъ за шагомъ. Но это дѣло постороннее. Пойдемъ далѣе.

Въ исходѣ 1808 года, оружіе Наполеона гремѣло за горами Пиренейскими; Графъ Растопчинъ продолжалъ всматриваться въ духъ народный и наблюдалъ возстаніе душъ въ Испаніи. 1809 года, Декабря 6-го, Императоръ Александръ въѣхалъ въ Москву при общихъ восклицаніяхъ Московскихъ жителей; дня черезъ три, Графъ Растопчинъ приглашенъ былъ на особенное свиданіе съ Государемъ; а на старшаго его сына обращено было особенное Высочайшее вниманіе.

Растопчинъ, въ уединеніи продолжалъ свое дѣло 1810 и 1811 года; и довѣренность къ нему Московскаго народа часъ отъ часу усиливалась. Онъ жилъ просто, не давалъ пировъ, велъ свое хозяйство домовито и расчетливо; не гонялся ни за какими случайными выгодами; не входилъ ни въ какіе долги, и потому не имѣлъ ни въ комъ нужды. Исторія повѣствуя о громкихъ событіяхъ, рѣдко замѣчаетъ частныя обстоятельства, которыя дѣлаютъ человѣка лицемъ общественнымъ, и присоединяютъ къ нему общее мнѣніе. А потому здѣсь справедливо можно сказать, что гласъ Божій, слышенъ былъ въ голосѣ народномъ, когда 1812 года, Графъ Растопчинъ былъ назначенъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ въ

Москвѣ. Съ мыслію новаго начальника, породилась мысль цѣлой Москвы, а на Москву смотрѣла Россія. Тутъ, какъ будто осуществилось то, что Альфредъ де-Виньи сказалъ о мысли, развившейся въ уединеніи: «Мысль уединенная, безъ всякаго посредничества другой мысли, есть, такъ сказать, мысль заранѣе вооруженная, и, которая въ свое время проявляется и заполоняетъ всѣ другія мысли.»

Такая мысль, повторимъ и здѣсь, высказанная Графомъ Ѳ. В. 1807 года, перешла и въ 1812 годъ.

Согласуясь съ общимъ мнѣніемъ, я назвалъ Графа Ѳ. В. вторымъ Еропкинымъ. И это не лесть. Онъ отвратилъ язву разномыслія; онъ успокоилъ умы. Я тогда еще къ нему не ѣздилъ, я былъ съ нимъ въ размолвкѣ; но на ряду со всѣми Московскими жителями питалъ къ нему чувство заслуженной имъ благодарности.

Быстро двинулось нашествіе, еще быстрѣе Графъ Ѳ. В. съ отеческою любовію къ Москвѣ, приготовлялъ Московскихъ жителей къ свиданію съ Государемъ. И наступилъ этотъ день. Одиннадцатаго Іюля 1812 года, получено воззваніе къ первопрестольной столицѣ, къ сердцу Россіи, извѣщавшее объ общей опасности, угрожавшей Отечеству.

И день возвѣщенія объ общей опасности, былъ торжествомъ душевнаго самоотверженія. День великій и безпримѣрный въ исторіи. Но этотъ безсмертный день былъ только канупомъ другаго торжественнѣйшаго дня, Іюля 12-го. Наканунѣ вся Москва, кромѣ лицъ почетныхъ, была за

заставою Драгомиловскою, въ ожиданіи Государя. Іюля 12-го вся Москва была въ Кремлѣ для свиданія съ Государемъ. Въ этотъ день небо и земля ликовали. Этотъ великій день былъ счастливѣйшимъ днемъ Графа Растопчина. Душа его двигала всѣ души. Въ этотъ день судьба Россіи рѣшилась въ Кремлѣ. Изъ стѣнъ его разнесся голосъ Московскихъ жителей по всѣмъ предѣламъ Россіи: «Отецъ нашъ, Государь! Веди насъ куда хочешь! Жизнь и имущество все отдаемъ Тебѣ!» Тоже повторилось и Іюля 15-го, въ двухъ собраніяхъ, въ купеческомъ и дворянскомъ, въ присутствіи Государя. И тамъ Растопчинъ былъ представителемъ духа народнаго.

Въ ночь на 19-е Іюля, Государь выѣхалъ изъ Москвы, какъ изъ родной семьи всей Россіи. Москва, сердце Отечества, провожала Его и обрекла себя на всѣ пожертвованія. Въ этотъ день, Графъ пригласилъ меня къ себѣ, и сказалъ: мы должны сблизиться; при чемъ и возложены были на меня особенныя препорученія. И я былъ счастливъ; я былъ очевидцемъ всѣхъ его дѣйствій. И какъ онъ былъ неутомимъ! Онъ всего себя отдалъ Москвѣ и Отечеству.

Однажды, въ глухую ночь, заѣхалъ я къ Графу на дачу и засталъ его въ военномъ сюртукѣ; онъ отправлялъ нѣсколькихъ нарочныхъ въ различныя стороны окрестностей Московскихъ; давалъ имъ изустныя наставленія толковито и отчетливо; тутъ не до бумагъ было. Непріятель шагнулъ уже на землю Московскую. Когда кончилось отправленіе нарочныхъ, я сказалъ: «уди-

вляюсь вамъ, Графъ, когда ни заѣду къ вамъ днемъ ли, ночью ли, вы всегда въ военномъ сюртукѣ. Успокоенная вами Москва спитъ, а вы когда спите? вы живете на дачѣ, а днемъ, то у Иверской Божіей Матери, то въ Кремлѣ, то во всѣхъ концахъ Москвы. Вы, какъ будто размножаетесь.» Графъ отвѣчалъ: «стыдно было бы мнѣ и дремать и спать. Богъ помогъ мнѣ сохранить и крѣпость здоровья и дѣятельность мысли. Наступило мое время. Я дѣйствую въ полнотѣ силъ моихъ. Вотъ и все.»

Тутъ предстоитъ важное обстоятельство и для человѣчества вообще, и для всѣхъ и каждаго; тутъ идетъ дѣло о сбереженіи силъ и тѣлесныхъ и умственныхъ. 1799 года, Графъ, будучи Министромъ Иностранныхъ дѣлъ, встрѣтилъ первую войну Русскихъ и дѣйствовалъ въ полнотѣ силъ своихъ; при Консулѣ Бонапартѣ кончилъ свое поприще, и съ того времени, повторимъ и здѣсь, жилъ до 1812 года въ уединеніи. Сказано было также выше, что самъ Наполеонъ говорилъ въ исходѣ 1805 года, что едва ли станетъ у него силъ тѣлесныхъ и умственныхъ еще лѣтъ на шесть. Сбылось его предреченіе. Не я, но Генералъ-Лейтенантъ Баронъ Ропіо, въ книгѣ своей о новомъ военномъ искуствѣ, увѣрялъ, что «причиною всѣхъ неудачь Наполеона въ Россіи, было ослабленіе его силъ и умственныхъ способностей.» Не я, но Герцогиня д'Абрантесъ, приверженная къ Наполеону, говоритъ: что «въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ ему не начто было опереться, ибо онъ заранѣе все истощилъ.»

Пишу это по смыслу обыкновенному, не указывая на пути Провидѣнія, и упоминая о томъ, что въ это время, послѣ двухъ-вѣковаго срока, наступилъ *второй* двѣнадцатый годъ. Но отъ чего въ продолженіе, двѣнадцати лѣтъ, Наполеонъ, такъ сказать, уничтожалъ самого себя въ себѣ, и отъ чего Растопчинъ въ это время, въ безмятежномъ уединеніи сберегалъ и жизнь свою и всѣ умственныя способности? Объ этомъ не объясняюсь. Но это было явнымъ историческимъ событіемъ; замѣчу только, что не однѣ бури военныя и сильные перевороты политическіе изнуряютъ человѣка. Сколько жертвъ, нарушающихъ законы природы, ранняя смерть похищаетъ изъ вихря разсѣянностей, радостей и утѣхъ земныхъ! И это было бы истинною историческою, если бы исторія болѣе наблюдала ежедневный ходъ обществъ человѣческихъ. Какъ бы то нибыло, а Растопчинъ сберегъ себя для нашего двѣнадцатаго года и не удивлялся, что въ полнотѣ силъ своихъ могъ дѣйствовать для пользы Москвы и Отечества. А отъ чего онъ ничѣмъ не увлекался и не развлекался? Я упоминаю только о томъ, что слышалъ отъ него изустно; далѣе не допытывался. Одинъ изъ Римскихъ полководцевъ сказалъ: «если бы моя подушка провѣдала мою тайну, то я бы и ее сжегъ.» Есть тайны душевныя; есть и тайны политическія. Тутъ предстоятъ два человѣка. Одинъ — растерявшійся въ самомъ себѣ; другой — сберегшій себя. Первый, кто бы онъ нибылъ, будетъ въ заторопленіи своемъ и медлить и спѣшить безъ причины; вторый будетъ

наблюдать ходъ обстоятельствъ и дѣйствовать сообразно съ ними. Кто то сказалъ: «Чѣмъ болѣе человѣкъ уединяется, тѣмъ болѣе онъ подрастаетъ (*). Историки упрекаютъ Наполеона, зачѣмъ онъ, двинувъ войско свое, самъ промѣшкалъ въ Вильнѣ дней двадцать. Но вотъ онъ въ Витебскѣ. Здѣсь, говоритъ онъ будетъ Парижъ со всѣми театрами своими. Отсюда буду три года вести войну съ Россіей.» И онъ въ Смоленскѣ и въ заторопленіи мысли, спѣшилъ къ Москвѣ; Растопчинъ спокойно все учреждалъ въ стѣнахъ ея. Инымъ показалось, будто бы изъ нее запрещенъ былъ выѣздъ. Графъ объявилъ, что «каждый день, множество каретъ свободно выѣзжаетъ изъ всѣхъ заставъ; но, что по мнѣнію его, это хорошо для женщинъ, а не для мужчинъ.» Не было ни въ чемъ ни стѣсненія, ни лести. Все было истинною. Отгремѣла битва Бородинская. Ударилъ роковой часъ Москвѣ. Растопчинъ не затерялся ни въ прозорливости, ни въ дѣйствіяхъ своихъ. Августа 31-го, при послѣднемъ моемъ свиданіи съ Графомъ, онъ спросилъ меня: «какъ вы думаете, если Москва будетъ сдана? Я отвѣчалъ, что о сдачѣ Москвы повѣстилъ я 15-го Іюля въ Слободскомъ дворцѣ, въ собраніи дворянскомъ. Но гдѣ же по сдачѣ Москвы войско наше займетъ мѣсто? Не запинаясь, Графъ прибавилъ: «на старой Калужской дорогѣ.» Военное совѣщаніе о сдачѣ Москвы, происходило около вечера 1-го

(*) Plus l'homme s'isole, plus il grandit.

Сентября; Графъ не былъ на него приглашенъ. Слѣдственно, онъ по собственнымъ своимъ соображеніямъ указалъ мѣсто, гдѣ начнутся новыя дѣйствія Русскихъ войскъ. «Теперь мнѣ остается одно,» продолжалъ Графъ, «вразумить подмосковныхъ поселянъ, что имъ дѣлать, когда непріятель займетъ Москву; и онъ все это высказалъ въ воззваніи своемъ на Три Горы; духъ подмосковныхъ поселянъ воспылалъ, и началась новая борьба съ полками Наполеона, вступившими въ Москву, откуда ежедневно выходили сильные отряды, за возомъ сѣна или мѣшкомъ муки, и часто не добывъ ничего, возвращались съ потерею половины людей своихъ отъ оружія поселянъ. Эта гибельная борьба для Наполеона, непосредственно принадлежала Графу Ѳ. В. Растопчину. Пожаръ Москвы былъ страшенъ для глазъ, а голодъ истомлялъ нашествіе. Объ этомъ упомяну подробно въ другомъ мѣстѣ. Тамъ увидимъ, какъ и въ этомъ распорядился Графъ.

«Мнѣ надлежало побѣдить въ Москвѣ!» говорилъ Наполеонъ (*). Онъ не побѣдилъ; онъ оставилъ въ ней все владычество свое. Слѣдственно, всѣ мѣры были заблаговременно приняты, чтобы онъ не побѣдилъ. А кто былъ тогда главнымъ начальникомъ Москвы? Исторія скажетъ: Графъ Растопчинъ. И тутъ все она выскажетъ. Скромный Графъ написалъ къ портрету своему:

(*) Il me fallait vaincre à Moscou.
(Mémorial de Sainte-Hélène).

«Онъ въ Москвѣ родился,
«И ей пригодился.»

И Наполеонъ, 1814 года, когда рѣшался жребій Парижа и Франціи, желалъ имѣть человѣка, подобнаго нашему Русскому Растопчину.

Мы жили въ необычайныхъ обстоятельствахъ. Въ годину великихъ событій, жизнь ничто. Когда Кульневъ палъ близъ родины и колыбели своей, всѣ завидовали его смерти. Но тяжело переходить отъ великихъ событій къ обыкновенному ходу общественному, когда жизнь *все*, и когда то, что ее озабочиваетъ *для* нее *все*. 1813 года закипѣла новая суетливость въ Москвѣ. Много было толковъ и пересудовъ. Графъ испыталъ это вполнѣ. Никто болѣе его не потерялъ въ Москвѣ 1812 года, и онъ не роптал. Онъ ничего не вывезъ изъ подмосковной своей дачи; все бросилъ въ городскомъ своемъ домѣ и собственною рукою сжегъ богатое село Воронево, и не роптал.

Я былъ самовидцемъ необычайныхъ событій, и на краю могилы желаю, чтобы вездѣ, гдѣ въ груди человѣка бьется сердце и гдѣ раздается его голосъ — человѣчество уживалось и въ превратномъ нашемъ *мірѣ*, подъ сѣнью *мира* и любви.

V.

АНЕКДОТЫ

ГРАФА Ѳ. В. РАСТОПЧИНА

о Суворовѣ.

Ce-lui qui dompte la fortune
Mérite seul le nom de grand.
(Ode à la fortune).

Тотъ только подлинно великъ,
Кто прелесть счастья побѣждаетъ.

Мы съ нимъ вездѣ проходили.

(Слова Русскаго солдата).

Вѣнскій Кабинетъ въ 1799 году, по смерти Принца Оранскаго, назначеннаго Главнокомандующимъ въ Италіи, затруднясь на его мѣсто выборомъ и преодолѣвъ самолюбіе, рѣшился у Императора Павла просить, живущаго въ деревнѣ и въ отставкѣ Фельдмаршала Суворова. Время не терпѣло, и отъ Римскаго Императора присланъ былъ нарочный гонецъ. Прочитавъ письмо два раза, Императоръ Павелъ сказалъ мнѣ: «*Вотъ Русскіе на все пригожаются, радуйся!*» И тутъ же написалъ къ Суворову слѣдующее:

Графъ, Александръ Васильевичъ! Теперь намъ не время расчитываться. Виноватаго Богъ проститъ. Римскій Императоръ требуетъ васъ въ начальники своей арміи и вручаетъ вамъ судьбу Австріи и Италіи. Мое дѣло на сіе согласиться, а ваше спасти ихъ. Поспѣшите пріѣздомъ сюда, не отнимайте у славы вашей время, а у меня удовольствія васъ видѣть. Пребываю вамъ доброжелательнымъ.

«Павелъ.»

Съ этимъ письмомъ отправленъ былъ Г. Адъютантъ Толбухинъ. Суворовъ, получа его, пошелъ

въ церковь, отслужилъ молебенъ, занялъ у старосты на прогоны денегъ, пріѣхалъ въ Петербургъ и оттуда поѣхалъ доказывать Французамъ въ отчизнѣ древнихъ Римлянъ, что такое Русскій Суворовъ.

—

Когда Государь Императоръ Павелъ изволилъ надѣвать на Графа Суворова большой крестъ Іоанна Іерусалимскаго, онъ сказалъ: «Господи, спаси Царя.» Государь примолвилъ: «тебѣ спасать Царей.»

—

Когда Графъ Суворовъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1799 году, отправляясь къ Цесарской арміи, то въ первый день называлъ всѣхъ окружающихъ Государя красавцами, увѣряя, что они похорошѣли; на вопросъ мой: зачѣмъ одно всѣмъ говоритъ? отвѣчалъ: «вы красавцы, а я кокетка, смѣюсь и не боюсь.»

—

Предъ отъѣздомъ въ Вѣну, Графъ Александръ Васильевичъ разговаривалъ во дворцѣ на балѣ съ Княземъ Ауэрспергомъ, бывшимъ съ Его Высочествомъ Эрцъ-Герцогомъ Іосифомъ, и говорилъ ему по-французски, переводя по-нѣмецки: «Оборонительная война не хороша, наступательная лучше; Французы на ногахъ, а вы на боку. Они бьютъ, а вы заряжаете. Взведи курокъ, прикладывайся, пали, а они *прохладитель-*

ное (*); пропорція три противъ одного. Подите за мною, я вамъ докажу.» И потомъ, проведя очень скоро Князя Ауэрсперга по комнатамъ, возвратился въ залу и оставилъ его одного.

—

Послѣ сраженія при Нови, Суворовъ прислалъ мнѣ съ Полковникомъ Кушниковымъ слѣдующее письмо. Точки, въ немъ означенныя, точно такъ находятся въ подлинникѣ.

Русскій Богъ великъ..... охаютъ Французы, усмѣхаются Цесарцы..... а здѣсь хоть и побѣдно, но тяжело..... Наши лучше нельзя; Цесарцы долго равняются; Французы горячи; имъ жарко, побили ихъ много, сберечь трудно..... и въ Англіи мною довольны и шифръ мой на праздникахъ, и Семенъ Романычь меня хвалитъ (**).... *а у меня чулки спустились* (***). *Кушниковъ храбръ, бодръ, говоритъ языками и все знаетъ..... лучше бы было безъ тактики и практики..... политика, критика, Тугутъ, Директорія, Лондонъ, Потсдамъ..... Боже сохрани..... и васъ и супругу вашу.*

—

Послѣ перехода черезъ Швейцарскія горы, писалъ ко мнѣ слѣдующее письмо: *Пришелъ въ Беллинцонъ* (****)..... *Нѣтъ лошаковъ, нѣтъ лоша-*

(*) Суворовъ подъ этимъ разумѣлъ штыки, которые называлъ холоднымъ оружіемъ.

(**) Графъ Воронцовъ, бывшій въ то время Посланникомъ въ Англіи.

(***) Александру Васильевичу хотѣлось ордена Подвязки.

(****) Мѣсто собранія лошаковъ и лошадей для перехода арміи въ Швейцарію.

дей, а есть Тугутъ и горы и пропасти..... но я не живописецъ, пошелъ и пришелъ..... видѣли и Французовъ, но всѣмъ спустили..... холоднымъ ружьемъ..... по колѣно въ снѣгу.... Массена проворенъ, не успѣлъ.... Каменскій молодой (*) молодъ, но старъ больше, чѣмъ Генералъ-Маіоръ..... а подъ Цюрихомъ дурно и Лаватера ранили..... Цесарцы подъ Мангеймомъ (**); Тугутъ вездѣ, Гоцъ нигдѣ (***)..... Геройство побѣждаетъ храбрость, терпѣніе скорость, разсудокъ умъ, трудъ лѣнь, исторія газеты..... готовъ носить Марію – Терезію (****), у меня и такъ ихъ много на плечахъ сидитъ.... караулъ! ура, я Русскій, вы Русскіе....

Сидя одинъ разъ съ нимъ на-единѣ, накапунѣ его отъѣзда въ Вѣну, мы разговаривали о войнѣ и о тогдашнемъ положеніи Европы. Графъ Александръ Васильевичъ началъ сперва исчислять ошибки Цесарскихъ начальниковъ, потомъ сообщать собственныя свои виды и намѣренія. Слова текли какъ рѣка, мысли всѣ были чрезвычайнаго человѣка; подобное краснорѣчіе я слышалъ въ первый разъ. Но посреди рѣчи, когда я весь былъ превращенъ въ слухъ и вниманіе, онъ самъ вдругъ изъ Цицерона и Юлія-Кесаря, обратился въ птицу и запѣлъ громко пѣтухомъ. Не укротя перваго движенія, я вскочилъ и спросилъ его съ огорченіемъ: «какъ это возможно?»

(*) Графъ Николай Михайловичъ.

(**) Куда Цесарская армія пошла изъ Швейцаріи.

(***) Гоцъ убитъ въ Швейцаріи.

(****) Военный Цесарскій орденъ.

а онъ, взявъ меня за руку, смѣючись сказалъ: «поживи съ мое, закричишь курицей (*).»

—

Одинъ разъ онъ увѣрялъ, что былъ раненъ 32 раза: два на войнѣ, десять дома и двадцать у Двора.

—

Желая узнать мнѣніе его о знаменитыхъ воинахъ и о военныхъ книгахъ, проходилъ я всѣхъ извѣстныхъ полководцевъ и писателей; но при всякомъ названіи онъ крестился. Наконецъ, сказавъ мнѣ на-ухо: «Юлій-Кесарь, Ганнибалъ, Бонапартъ, Домашній лѣчебникъ, Пригожая повариха,» заговорилъ о химіи.

—

Онъ находилъ, что три самые смѣлые человѣка были: Курцій, Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій и Антонъ Староста. Первый, что бросился для спасенія Рима въ пропасть; второй, что для блага Россіи говорилъ правду Петру Великому; третій, что одинъ ходитъ на медвѣдя.

—

Лейбъ-гренадерскаго полка, унтеръ-офицеры поддерживали гробъ Суворова. Подъѣхавъ къ

(*) Что сказалъ Суворовъ 1799 года, то сбылось 1813 года. 1812 года все отдавали; 1813 года все отыскивали и начались счеты и расчеты. Порывъ душъ осѣкся.

воротамъ Невскаго Монастыря, начальникъ горестнаго обряда велѣлъ остановиться и снять балдахинъ. Унтеръ-офицеръ, стоявшій у гроба, закричалъ: *впередъ!* лошади двинулись. Опущено ли было мѣсто, куда вставлялся балдахинъ, или заблаговременно подпилены были столбы, только балдахинъ прошелъ съ дрогами. Въ этотъ мигъ, унтеръ-офицеръ, обратясь къ товарищамъ своимъ сказалъ: «*въ такія ли ворота мы проходили съ Суворовымъ.*»

VIII.

ДВА ПИСЬМА

КЪ БРАТУ МОЕМУ

Владиміру Андреевичу

ГЛИНКѢ.

Cet homme devait perir dés le premier pas dans sa nouvelle carriere, mais il a duré. Avant de mourir, il devait mettre le feu aux quatre coins du monde.

(Balzac du XVII siécle).

Этому человѣку угрожала гибель при первомъ шагѣ на новомъ его поприщѣ, но онъ жилъ. До смерти своей онъ долженъ былъ забросить огонь въ четыре угла свѣта.

(Бальзакъ XVII столѣтія).

ПИСЬМО I.

РАЗСКАЗЪ О НАПОЛЕОНѢ (*).

—

Nous nous interessons aux grands événements où l'homme s'est montré tout entier.

Michaud.

Мысль наша устремляется къ великимъ событіямъ, представляющимъ человѣка.

Мишо.

«Воспоминаніемъ живетъ душа моя.»

И въ самомъ дѣлѣ, что такое настоящее? Летящій мигъ. Но чѣмъ далѣе шагаемъ на путяхъ жизни, тѣмъ болѣе перелеты этихъ быстрыхъ мгновеній западаютъ въ память и не рѣдко откликаются и громче и живѣе настоящаго, особливо для того, кто по воспоминаніямъ минувшаго, живетъ въ настоящемъ, какъ будто

(*) Изъ разсказа *Элизы Балькомбъ* о Наполеонѣ, я выбралъ только главныя черты для новыхъ подробностей о томъ дивномъ современникѣ, котораго называютъ: *историческимъ человѣкомъ всѣхъ вѣковъ* (l'homme fastique de tous les siécles). Людовикъ XIV умеръ 1715 года; ровно черезъ столѣтіе, то есть, 1815 года, Наполеонъ въ живыхъ отжилъ для міра Европейскаго. Съ Людовикомъ все пало. А другаго Наполеона, говоритъ *Шатобріанъ*, едва ли и усиліе десяти вѣковъ представитъ свѣту. Мы доискиваемся Наполеона, въ Наполеонѣ нашего вѣка; потомство объяснитъ его.

въ дальней сторонѣ отъ свѣта. Десятки лѣтъ промелькнули со времени нашего 1812 года; а я, мой любезный другъ! и теперь вижу и горесть и слезы твои; слезы геройскія! Ты плакалъ отъ того, что дней за пять до великой битвы *Бородинской*, нашъ полководецъ Михаилъ Илларіоновичъ *Кутузовъ*, отправилъ отъ арміи нѣсколько конныхъ артиллерійскихъ ротъ, въ числѣ которыхъ довелось быть и твоей ротѣ. Кутузову нужно было *утѣшить*, *утолить* жаркій порывъ Русскихъ сердецъ къ битвѣ валовой. Но онъ видѣлъ, своими чудными, на-вылетъ простреленными глазами, что валовая битва за Москву, будетъ *лебединою пѣснію* нашей Москвѣ бѣлокаменной. Что же оставалось ему дѣлать? Облегчить переходы войскъ и въ то же время развлечь вниманіе непріятеля. Вотъ почему до уступленія Москвы, отправилъ онъ обозы съ продовольствіемъ на Казанскую или Владимірскую дорогу, гдѣ уже былъ Князь *Лобановъ* съ своими новыми полками; вотъ почему и ротамъ артиллерійскимъ назначенъ былъ путь по дорогѣ Рязанской, куда двинулась наша армія, когда отгремѣлъ бой Бородинскій. Надобно было нашествію раскидывать сѣти, ты это зналъ и понималъ, а все таки плакалъ и горѣлъ желаніемъ и охотою обмѣниваться мѣткими выстрѣлами съ пушками Наполеона. А я тебѣ говорилъ: «твое отъ тебя не уйдетъ; успѣешь еще пожать лавры,» что и сбылось и — сбылось не разъ. И въ этихъ лаврахъ, ты мой другъ, дожилъ до той поры, когда вмѣсто

ядеръ и картечь будешь дарить Наполеона отъ всего сердца веселою улыбкою и скажешь *спасибо* умной Англичанкѣ, которая легкимъ и ловкимъ перомъ высказала и любезность и дѣтскую рѣзвость и затѣйливыя проказы Наполеона, когда въ шутливомъ разгулѣ металъ онъ въ *вистъ* карты, тѣми руками, которыми нѣкогда выметывалъ жребій народовъ. Чудный былъ этотъ человѣкъ, о которомъ говорили: «ему нужна вселенная или пустыня!» (*) Но онъ и въ пустынѣ и въ сельскомъ пріютѣ такъ уживался, какъ будто ничего никогда не видалъ и никого не зналъ, кромѣ добрыхъ хозяевъ своихъ! И Людовикъ XVIII, войдя въ Тюльерійскій дворецъ, сказалъ: «тутъ гостилъ умный жилецъ.»

Но вотъ бѣда моя. Тебѣ, мой другъ, не удалось побогатырствовать на полѣ Бородинскомъ; вообрази же и мою неудачу на полѣ чернильномъ, которое также подъ часъ кипитъ бурною грозою. Лишь принялся за переводъ разсказа умной Англичанки, вдругъ донеслась ко мнѣ молва, что онъ уже и переведенъ и напечатанъ въ *Инвалидѣ*. И это дѣльно. Гдѣ только мелькнетъ имя Наполеона, тамъ летятъ перья на перерывъ одно другому. Бѣда моя въ томъ, что ты по страсти своей къ чтенію, заманиваешь къ себѣ каждый печатный листокъ; почему и полагаю, что ты уже прочиталъ этотъ новый разсказъ. Что же мнѣ дѣлать? отступить; зачѣмъ? Около

(*) Homme étonnant! Il lui faut l'univers ou un désert.

Наполеона сколько не обирай, все еще есть чѣмъ поживиться. Онъ оставилъ богатый запасъ и намъ и вѣкамъ будущимъ. Для него не было *дали*. Куда ни взгляни, вездѣ найдешь или слѣдъ его, или отголосокъ о немъ. Наполеонъ именемъ своимъ выставилъ на видъ нашей вселенной и *Корсику*, гдѣ была колыбель его, и *Эльбу*, гдѣ былъ временнымъ изгнанникомъ; и островъ Св. *Елены*, гдѣ была временная его могила. Сочинительница разсказа плыла къ скалѣ Еленской, отъ береговъ Англіи ребенкомъ, и она говоритъ: «лишь я вступила на нее, то тотчасъ же хотѣла бѣжать. Впрочемъ: то ли чувствовалъ Наполеонъ, что я? Не знаю.» Да и кому знать, что чувствовалъ этотъ обладатель престоловъ и народовъ, занеся ногу на берегъ ссылки своей? Эта непостижимая тайна умерла въ широкой груди его и въ исполинской его мысли. Но въ необычайной судьбѣ его также невыразимо и неисповѣдимо влеченіе его къ острову Св. Елены. На чредѣ еще Консула онъ заставлялъ провозглашать Монитеръ, что «этотъ островъ, очаровательный островъ Калипсы. Островъ Св. Елены, говоритъ *Капфигъ*: связанъ былъ съ Наполеономъ, какою-то роковою судьбою.» (*) И это какое-то чудное событіе. Порывался къ нему Консулъ Бонапартъ; такой же порывъ кипѣлъ и въ сердцѣ Императора Наполеона. Въ Ноябрѣ 1805 года, когда еще не остыли боевые слѣды на полѣ Аустерлицкомъ, онъ далъ повелѣніе

(*) Les cent jours. Tome 3, chap. VIII.

повѣстить въ томъ же Монитерѣ, что «волшебный островъ Св. Елены долженъ непремѣнно и во что бы ни стало, принадлежать Французской Имперіи.» (*)

Но, вотъ что еще удивительнѣе. Когда 1809 года, Ваграмская битва снова открыла Наполеону входъ въ столицу Австріи, онъ остановился въ загородномъ дворцѣ. Маршалы и Генералы на досугѣ отъ дѣла боеваго, пускались въ прогулки по окрестностямъ и прожужжали уши Императору своему разсказами о красотахъ Баденской Сент-Еленской долины. На зарѣ Октябрьскаго утра, тихомолкомъ отъ всего своего Двора, безъ проводниковъ, пустился онъ верхомъ въ превозносимую Сент-Еленскую долину. Небо осеннее отсвѣчивалось прелестію дня лѣтняго. Но едва Наполеонъ взлетѣлъ въ долинѣ на холмъ, внезапно зачернѣла надъ нимъ туча и въ очахъ его мелькнули какія-то чудныя развалины. Темнѣе дремучей ненастной ночи, возвратился онъ во дворецъ. Закинувъ за спину руки, съ глубокою думою на челѣ, ходилъ онъ взадъ и впередъ между рядами Маршаловъ и Генераловъ, смотрѣвшихъ на него съ безмолвіемъ. Наконецъ, какъ будто пробудясь отъ какой-то дремоты, онъ сказалъ: «да! въ этой очаровательной Сент-Еленской долинѣ хотѣлось бы и жить и умереть!

Грустнымъ предчувствіемъ взволнованъ былъ Наполеонъ. Но что такое *предчувствіе?* Этого

(*) Монитеръ 1805 годъ.

нельзя понять и постигнуть въ круженіи свѣтскихъ перелетныхъ вихрей! Но Наполеонъ, безъ всѣхъ мелочныхъ условій съ свѣтомъ, жилъ самимъ собою, въ самомъ себѣ и въ неутомимомъ стремленіи къ чему-то безпредѣльному. И для него былъ отдыхъ. Казалось, что онъ дохнулъ свободнѣе, сочетавшись бракомъ съ дочерью древняго державнаго поколѣнія и когда лесть говорила ему: «Государь! молва о бракѣ вашемъ гремитъ. Онъ залогъ мира и блистательнаго союза; въ немъ величіе всей вашей судьбы.»

Но вотъ бѣда! Время не запродаетъ себя лести ораторовъ; не засиживается на развалинахъ и не заглядывается на торжества славы, оно идетъ своимъ чередомъ и въ область свою забираетъ и славу и мечту надеждъ и развалины и величіе.

Прогремѣлъ роковой бой при Ватерлоо. Наполеонъ у береговъ Англіи. Онъ проситъ въ ней гостепріимнаго пріюта, гдѣ намѣренъ всего себя посвятить словесности. Все тщетно. Ему читаютъ рѣшительное опредѣленіе плыть черезъ Океанъ въ заточеніе на островъ Св. Елены. «Это мой смертный приговоръ!» воскликнулъ онъ. Отплылъ корабль. Прилегъ Наполеонъ къ кормѣ. Уже онъ подъ тою полосою новаго неба, которымъ тамъ восхищались и Колумбъ и Васко де-Гама и поэтъ Камоэнсъ. Что ему до этихъ очаровательныхъ свѣтилъ и созвѣздій! Не онѣ сверкали надъ головою его сквозь дымъ биваковъ, гдѣ душа его ликовала жизнію потомственною!

Гдѣ престолы! гдѣ обладатель народовъ? Узникъ плыветъ по Океану. А давно ли онъ гремѣлъ и въ Италіи и въ Египтѣ. Давно ли плывя за новыми лаврами, онъ разсуждалъ съ учеными о судьбѣ міра земнаго, вычислялъ сроки его существованія; излагалъ причины; (*) и вотъ, для него рушилась земная вселенная; онъ среди ея развалинъ одинъ, одинъ, какъ сирота безпріютный. А тутъ и скажешь съ поэтомъ:

«Прочь! міра лестныя мечтанья!
Нашъ міръ—невѣрный океанъ.»

Но судьба хочетъ еще лелѣять Наполеона. Какъ будто заранѣе условясь съ природою, она приготовила ему пріютъ очаровательный, огражденный со всѣхъ сторонъ отъ того міра, гдѣ онъ и самъ былъ труженикомъ и другимъ давалъ непрестанную работу. «Этотъ сельскій пріютъ,» говоритъ сочинительница разсказа, «теперь въ рукахъ Индѣйскаго общества и корысть развела въ немъ шелковичныя деревья. Но какъ онъ былъ прелестенъ! Изъ душнаго города, лежащаго въ оврагѣ, какъ будто изрытомъ судорожнымъ волненіемъ природы, вели къ нему тропинки, извивающіяся въ срединѣ скалы. Нашъ домикъ походилъ на *Индѣйскія хижины;* въ другомъ мѣстѣ онъ былъ бы незамѣтенъ; но среди дикихъ скалъ, безплодныхъ горъ и въ пустынѣ разрушенія, онъ представлялъ картину очаровательную. Вижу тотъ садъ, гдѣ нѣкогда было любимое, уединенное убѣжище Наполео-

(*) Это было 1798 года, когда онъ плылъ въ Египетъ.

на. Вижу въ мечтахъ моихъ и рощицы миртовыя, мелькающія нѣжною зеленью, дышащія восхитительными ароматами и плѣняющія взоръ блестящими золотыми плодами. Словомъ, тутъ кипѣла вся роскошь растеній тропическихъ. Шумѣлъ въ этомъ пріютѣ и водопадъ живописный и прелестный для глазъ. Въ странѣ знойной — это сокровище. Взглянешь на чистую, свѣтлую воду и — какъ будто оживаешь.»

Сочинительница разсказа не упоминаетъ, присматривался ли дивный жилецъ сельскаго пріюта, къ быстрому возвышенію и паденію струй водопада и примѣнялъ ли это къ превратностямъ судьбы человѣческой—особливо своей.

На островѣ Св. Елены не разносилась молва о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы; и вдругъ 3-го Октября 1815 года пушечный выстрѣлъ съ восходомъ солнечнымъ возвѣстилъ о прибытіи его къ берегу скалы Еленской. Всѣ спѣшили къ нему на встрѣчу, въ томъ числѣ и сочинительница разсказа.

«Былъ уже вечеръ. Лодка отдѣлилась отъ корабля *Портумберлэнда*. А въ ней — былъ Наполеонъ. Часъ отъ часу болѣе темнѣло. Всѣ жители сбѣжались на берегъ. Наполеонъ едва могъ пробиваться сквозь толпы ихъ. Но при этомъ стеченіи народа и природа и голосъ человѣческій, все безмолвствовало, какъ будто въ глухой пустынѣ. И какъ тяжело это мертвое безмолвіе для того, кто привыкъ и къ громамъ побѣдъ и къ плескамъ народовъ! Тяготило это безмолвіе Наполеона. Ознакомясь съ сочинительницею разска-

за, онъ сказалъ ей: *эти зѣваки толпились около меня, какъ будто около дикаго звѣря.* Первый ночлегъ Наполеона былъ въ городѣ. А на другой день, взвились всадники около горы, подъ которою былъ нашъ домикъ. Красиво и величаво скакали они. Ихъ было пять человѣкъ. Мы ловили ихъ слѣдъ взорами торопливыми. Быстро мелькали они на той сторонѣ скалы, на которую ударяли лучи солнечные; а на темной полосѣ ярко отражался блестящій ихъ нарядъ. Иногда извилины дороги скрывали ихъ отъ насъ; выказывался только волнующійся бѣлый салтанъ или отблескъ шпаги.

«Мы еще не знали, былъ ли тутъ Наполеонъ, хотя и наслышались, что его можно узнать по треугольной шляпѣ и по сѣрой епанчѣ. Въ этотъ самый день пришелъ къ намъ съ городскимъ врачемъ докторъ О'Méara.»

Все было удивительно въ судьбѣ Наполеона. Давно уподобляютъ свѣтскихъ друзей ласточкамъ, которыя отлетаютъ отъ осени туманной и возвращаются къ яснымъ днямъ весеннимъ. Не то было съ Наполеономъ. Узникомъ плылъ онъ за Океанъ и у него нашлись друзья, въ числѣ ихъ былъ и упомянутый докторъ. Когда малодушный Меніо отказался сопровождать прежняго своего властелина, тогда докторъ О'Méara, занимавшій должность хирурга на кораблѣ *Беллерофонтъ*, самъ вызвался въ сопутники Наполеона. Исторія сохранила подвигъ Гиппократа, который отринулъ всѣ блистательные дары Царя Персидскаго, приглашавшаго

его къ себѣ въ то время, когда свирѣпствовало моровое повѣтріе и въ Персіи и въ Греціи. «Жизнь моя,» отвѣчалъ Иппократъ, «принадлежитъ моему отечеству и согражданамъ моимъ.» Для меня также славенъ подвигъ и новаго сподвижника Иппократа. Оставляя все въ отечествѣ, онъ жертвовалъ всѣмъ человѣку, всего лишенному и, можно сказать, величайшему тогдашнему страдальцу. Карно, также на всѣхъ поприщахъ своей жизни, тогда только присоединявшійся къ Наполеону, когда тускнѣла надъ нимъ счастливая его звѣзда, Карно говоритъ: «однажды, въ продолженіе *ста дней*, по дѣламъ Министерства моего, вошелъ я въ кабинетъ Наполеона. И что же увидѣлъ? Онъ стоялъ предъ портретами супруги и сына своего и — ручьи слезъ лились изъ глазъ его.»

Не такимъ представлялся Наполеонъ воображенію юной Англичанки. Ей описывали его въ дѣтствѣ ея какимъ-то чудовищемъ — людоѣдомъ и, она признается: что и все юное поколѣніе ея современниковъ напугано было такими же нелѣпыми мечтами. А потому, говоритъ она: «сколько докторъ ни выхвалялъ кротость и привѣтливость будущаго жильца въ ея семействѣ, она не могла успокоиться.»

«А между тѣмъ, въ четыре часа по полудни, снова явились всадники, возвращавшіяся изъ Лонгвуда. Доскакавъ до узкаго жерла, ведущаго въ *Бріаръ* (такъ называлось временное жилище Наполеона); они остановились, потолковали между собою нѣсколько минутъ и пустились къ

нашему домику. У воротъ, товарищи Наполеона спѣшились; а онъ, въѣхавъ на дворъ началъ все разсматривать.»

Не уголокъ этой земли занимаетъ того, кто видѣлъ и облетѣлъ пол-вселенной. Тутъ, при видѣ *Индѣйской хижины*, въ душѣ Наполеона блеснули воспоминанія дней минувшихъ. Исчезло для него настоящее и ожило то прошедшее, когда послѣ громкихъ подвиговъ на поляхъ Италіи 1797 года, укрывшись отъ всѣхъ и, какъ будто затаиваясь отъ славы своей, онъ читалъ и перечитывалъ повѣсть о Индѣйской хижинѣ, по пріѣздѣ его въ Парижъ первый его вопросъ былъ: «гдѣ живетъ Бернарденъ де Сенъ-Піеръ, сочинитель повѣсти?» и поспѣшилъ къ нему. Сочинитель въ это время затерялся уже и для свѣта и для себя. Онъ упалъ духомъ подъ бременемъ горя и бѣдности. Но какъ ожилъ онъ, когда юный герой Италіи сказалъ ему: «я жилъ душою въ Индѣйской вашей хижинѣ; я завидую ея жильцамъ.» И съ этимъ словомъ, робкою рукою положилъ на каминъ бѣдняка свертокъ съ червонцами. (*) Это былъ день торжества для сочинителя. И какое торжество! Генералъ Бонапартъ, свѣжіе лавры свои внесъ въ пріютъ сочинителя Индѣйской хижины. За то, когда его не было уже на свѣтѣ, Наполеонъ могъ припомнить великую истину, высказанную въ Индѣйской хижинѣ: «Мы не бросаемъ якоря въ рѣку жизни. Она увлекаетъ и того, кто борется съ ея тече-

(*) Анекдоты о Генералѣ Бонапартѣ.

ніемъ и того, кто плыветъ по ней беспечно.» Припомнилъ ли это Наполеонъ или нѣтъ? Но послѣ глубокаго раздумья своего, онъ сказалъ: *я здѣсь остаюсь.* А хозяйку подарилъ привѣтомъ: *у васъ все прелестно.*

И вотъ: онъ въ Бріарской хижинѣ! Но въ эту хижину вошелъ какой-то человѣкъ баснословный, миѳическій. Онъ былъ и Поручикомъ и Генераломъ и Императоромъ и Консуломъ и распорядителемъ царствъ и народовъ. Но ему теперь не до этого. Извѣстно, что этотъ же самый человѣкъ, который въ одномъ лицѣ своемъ вмѣщалъ столько властей, страшился, но чего? Молвы, изустной и печатной. Въ XVII столѣтіи Людовикъ XIV вринулся въ Голландію за газетныя выходки; за тоже самое и Наполеонъ угрожалъ Англіи. Какъ бы то ни было: но ему представился случай узнать отъ юной Англичанки, что внушено ей о Московскомъ пожарѣ? Шутя завелъ онъ рѣчь о столицахъ Европейскихъ; и потомъ спросилъ: «а въ Россіи какая столица?» Англичанка отвѣчала: «сперва была Москва, а теперь Петербургъ.»

Быстро повернулся Наполеонъ и вперя въ собесѣдницу свою проницательные свои глаза, сказалъ: «а кто сжегъ Москву?»

Бѣдная Англичанка содрогнулась, онѣмѣла. Какъ было рѣшить ей вопросъ и доселѣ еще для многихъ неразгаданный? Но настойчивый Наполеонъ снова спросилъ: «кто сжегъ Москву?» Англичанка отвѣчала, запинаясь: «не знаю сударь!» А онъ, расхохотавшись, возразилъ:

«да! да! вы это очень знаете. Я ее сжегъ.» Веселый смѣхъ Наполеона ободрилъ Англичанку, и она отвѣчала: «я думаю, что Русскіе сожгли Москву, чтобы отдѣлаться отъ Французовъ.» Наполеонъ снова захохоталъ.

Занимала Наполеона Москва на возвышеніи Кремля; сильно занимала она его и на скалѣ Еленской. Съ мыслію о ней переплылъ онъ Океанъ и говорилъ товарищамъ заключенія своего: «мнѣ надлежало побѣдить въ Москвѣ; я это говорилъ и еще повторяю: мнѣ надлежало побѣдить въ Москвѣ. Когда достигъ я владычества, тогда затѣйливые умы хотѣли, чтобы я былъ вторымъ Вашингтономъ. Слова, пустой звукъ. Люди легкомысленные требовали того, что не согласно было ни съ временемъ, ни съ мѣстомъ, ни съ обстоятельствами. Будь я въ Америкѣ и я былъ бы Вашингтономъ; и это было бы бездѣлицею; тамъ и нельзя было быть чѣмъ нибудь инымъ. Но случись онъ во Франціи, взволнованной и внутри и извнѣ, онъ былъ бы глупцемъ, захотѣвъ быть только Вашингтономъ. Сама судьба принудила меня стать на чреду Вашингтона вѣнчаннаго. А ее я могъ бы достигнуть среди собранія Государей Европейскихъ или побѣжденныхъ или покоренныхъ; и тогда показалъ бы я съ пользою и торжественно мою умѣренность, мое безкорыстіе, мою прозорливость. Что же было для этого нужно? всемірное диктаторство и я домогался его. Причтутъ ли мнѣ это въ вину! думаютъ ли, будто бы свыше было моихъ силъ сложить съ себя верховное

владычество? Силла, упитанный злодѣйствами, отважился сложить съ себя диктаторство. А что бы могло меня остановить? Силлу проклинали; а меня бы благословляли. Но, я повторяю и непрестанно буду повторять: «мнѣ надлежало побѣдить въ Москвѣ.» Впрочемъ, всѣ безвременныя требованія были бы пошлымъ дурачествомъ. (*) Если бы я разглашалъ о томъ заранѣе, то все это назвали бы насмѣшкою и самохвальствомъ, отъ чего я всегда былъ далекъ. Но, какъ бы то ни было, а мнѣ надлежало побѣдить въ Москвѣ.» (**)

Что же мѣшало Наполеону побѣдить въ Москвѣ? Число войскъ его превосходило число отступавшихъ нашихъ войскъ. Извѣстно также, что старая его гвардія до Березины не сдѣлала ни одного выстрѣла. Что, еще повторяю: препятствовало Наполеону побѣдить въ Москвѣ? Голодъ. Вотъ главная причина. Хотя онъ и называетъ историка Тацита, сочинителемъ романовъ, но Тацитъ правду говорилъ, что великолѣпіе городовъ ничто тамъ, откуда выходитъ жизнь общественная. Наполенъ засталъ Москву обширною грудою безгласныхъ камней. Но еслибъ и въ этой каменной пустынѣ нашелъ онъ

(*) Mais demander de moi avant le temps, ce qui n'était pas de saison, c'eût une été bêtise vulgaire.

(**) Mais l'annoncer le prononcer, eût été pris pour du persifflage, du charlatanisme; ce n'était point mon caractère, Il me fallait vaincre à Moscou.

продовольствіе, то отъ 2 Сентября до Октября 7-го, то есть, отъ входа до выхода своего изъ пожарной Московской могилы, онъ не потерялъ бы тридцати тысячъ человѣкъ, погибшихъ въ набѣгахъ по окрестнымъ селеніямъ за хлѣбомъ, овсомъ и сѣномъ. Введи Наполеонъ и сотни тысячъ войскъ въ Москву, полкамъ его все было бы не легче. А какъ Москва во всемъ оскудѣла? Объ этомъ будетъ далѣе. Здѣсь замѣчу только, что пожаръ Московскій былъ страшнымъ зрѣлищемъ, которое однако не остановило бы военныхъ дѣйствій Наполеона, еслибъ онъ нашелъ въ Москвѣ то, о чемъ, по внушенію его разглашали вѣдомости *Устій-Эльбскихъ*, то есть, *запасную жизнь Россіи*. 1807 года, послѣ Прейсишь-Эйлаускаго сраженія, онъ раскинулъ свои биваки въ Остеродскихъ болотахъ и войско его уцѣлѣло. Но когда того же 1807 года, въ Маѣ мѣсяцѣ начало исчезать въ полкахъ Французскихъ продовольствіе, тогда закипѣло сильное бѣгство, названное Наполеономъ: *язвою бѣгства*. (*) Напрасно также иностранные историки такъ кричатъ о гибельной зимѣ Русской. Тогдашнія вѣдомости Устій-Эльбскихъ, обстрѣливая, такъ сказать, цѣлую Европу ложью, напечатали одну только правду; то есть, что при входѣ Наполеона въ Москву, сіялъ надъ нею роскошный небосклонъ Италіи и это продолжалось почти до 1-го Октября. При томъ же, стыдно и говорить, будто бы, 1812 года никто въ Европѣ не зналъ о временахъ года въ Россіи. Поэтъ Мильтонъ, описывая нашъ древ-

(*) La peste de la désertion.

ній Кремль, предлагаетъ въ XVII столѣтіи не только всѣ подробности о нашей зимѣ, но даже и о топкѣ Русскихъ печей. По заключеніи Ахенскаго мира 1748 года, по словамъ историковъ: «отъ Кадикса до Петербурга, существовалъ семейственный торговый союзъ, и Неаполь, въ образованіи свѣтской жизни подавалъ руку Москвѣ.» Со времени Петра Перваго тысячи заграничныхъ жителей были въ Россіи! Какъ же не знать было о дѣйствіи Русской зимы? Къ чему же служатъ всѣ Европейскія *статистики*, входящія въ подробности о каждомъ зернѣ быта житейскаго, если изъ нихъ не научились сберегать и оберегать людей!

Обращаюсь къ разсказу Англичанки:

«Наполеонъ, кружась по комнатѣ взадъ и впередъ, напѣвалъ то одну, то другую арію, особенно, да здравствуетъ Генрихъ IV! и все не въ попадъ.»

Не мудрено. Когда Наполеонъ кружился по комнатѣ, у него вертѣлась въ головѣ цѣлая вселенная историческихъ воспоминаній. Давно ли въ его слухѣ гремѣло восклицаніе: да здравствуетъ Императоръ!

Но онъ, какъ будто самъ отталкивалъ отъ себя и клики торжественные и звучные громы прежнихъ побѣдъ и судьбу величія своего. Словомъ, Наполеонъ такъ былъ простъ въ обхожденіи и такъ радушно привѣтливъ, что юная Англичанка даже и не подозрѣвала въ немъ ни одной черты того величія, передъ которымъ блѣднѣлъ трепещущій міръ земной. Она почитала его своимъ товарищемъ, своимъ сверстникомъ и

позволяла себѣ подшучивать надъ нимъ. Однажды пріѣхала въ семейство ея знакомая женщина съ малолѣтною дочерью. Хотя она и знала, что эта малютка также какъ и она, напугана Наполеономъ, но ей пришла злая блажь, оставить ее при мысли о *Наполеонѣ-людоѣдѣ*. «Ужасный Наполеонъ,» сказала она, «скоро будетъ съ прогулки.» И дѣвочка, съ воплемъ и опрометью бросилась въ объятія ея. Мало было этого. Она увлекла ее къ жильцу своему и разсказала о страхѣ малютки. А онъ, закинувъ волосы на затылокъ, подбѣжалъ къ дѣвочкѣ, страшно закачалъ головою; впился въ нее огненными своими глазами, искривилъ, исказилъ лице и заревѣлъ дикимъ голосомъ. Малютка обмерла отъ страха и мать тотчасъ увезла ее домой.

Захотѣлось Наполеону отмстить Англичанкѣ за эту шутку, и онъ усилилъ сверканіе глазъ и искаженіе лица и дикій ревъ. Но все было тщетно. Наконецъ, досадуя на непобѣдимую неустрашимость Англичанки, онъ сухо сказалъ: «это была одна шутка; я передразнивалъ только оклики казаковъ.»

Почитая себя подъ вліяніемъ какой-то для него самого непостижимой силы, Наполеонъ, чѣмъ болѣе усматривалъ опасности, тѣмъ болѣе порывался къ ней. До похода въ Россію 1812 года, лесть осыпала цвѣтами каждый его шагъ. Но въ это время, въ Тюльерійскихъ его чертогахъ, передъ могущественнымъ его престоломъ, смѣлая, безтрепетная истина воздвигла каѳедру свою и не запкаясь высказывала ему правду и

предсказывала великое, неминуемое бѣдствіе въ Россіи. Наполеонъ не только не сердился, но даже и не прекословилъ; спокойно и хладнокровно отвѣчалъ: «вы знаете, что Вандеецъ Жоржъ слѣдилъ меня съ заряженнымъ пистолетомъ. Ну, чтожъ? онъ бы могъ только убить моего адъютанта; но убить меня—это дѣло невозможное.»

Такъ думалъ Наполеонъ объ одномъ себѣ. Впрочемъ, слова: *невозможно* и *невозможность* казались ему пустымъ звукомъ. Вскорѣ по вступленіи его на престолъ, въ совѣтѣ его разсуждали: какія предпринять мѣры къ сближенію Россіи съ Франціей. Фуше, тогдашній Министръ Полиціи, возразилъ, что все то, что предлагаютъ Члены Совѣта и *несбыточно* и *невозможно*. «Невозможно!» вскричалъ Наполеонъ. И это говоритъ *ветеранъ* и свидѣтель чудеснѣйшихъ происшествій! Да развѣ и это не чудо, что я прежній Поручикъ, теперь Императоръ; а ты, готовясь въ причетъ церковный, сталъ моимъ Министромъ? Стыдись, малодушный! Изъ словаря Французскаго должно исключить *невозможное* и *невозможность*.»

И невозможное для другихъ, не рѣдко было для него одною шуткою. Крайне было досадно Наполеону, когда на островѣ Св. Елены отдали его въ прогулкахъ подъ надзоръ Англійскаго офицера. Однажды, когда этотъ докучливый приставъ подъѣзжалъ съ нимъ къ горѣ, онъ вдругъ во весь опоръ съ быстротою молніи взлетѣлъ на гору. Подъ копытами рьянаго

его коня, земля осыпалась глыбами; камни обрывались и падали съ грохотомъ. А онъ, какъ будто всадникъ, который, по словамъ поэта: «то мчался вихремъ по степямъ Аравійскимъ, то бурею взлеталъ на вершины горъ, то орломъ взвивался подъ облаками» онъ не оглядкою мчался на конѣ своемъ. Испуганный офицеръ поспѣшилъ въ Бріаръ, откуда уже Наполеонъ выѣхалъ и гдѣ находился Адмиралъ. Съ трепетомъ извѣстилъ онъ о полетѣ Наполеона. Адмиралъ, сидя за обѣдомъ, сказалъ: «не безпокойтесь. Онъ теперь въ Лонгвудѣ.»

Такъ и было.

Чудный былъ человѣкъ Наполеонъ! Кто изъ современниковъ былъ и быстрѣе и медлительнѣе его? Со скалы Еленской перенесемся въ Россію. Въ Ноябрѣ 1812 года, послѣ сраженія подъ Краснымъ и по выходѣ изъ Лядовъ, всѣ тѣ, которые плелись за обозомъ на канунѣ или бродили по сторонамъ, бросились впередъ и всѣ обогнали Наполеона. (*) А онъ, опираясь на сукъ древесный, какъ будто странникъ утомленный, не шелъ, а передвигалъ ногу за ногу и садился отдыхать каждую четверть часа. По этому случаю отданъ былъ приказъ, чтобы каждый явился въ ряды свои, а за ослушаніе начальники лишатся чина. Это не подѣйствовало. Самъ Маршалъ Даву говорилъ: «желѣзные только люди могутъ это переносить.» Но чѣмъ уси-

(*) «Tous dépassérent Napoléon.» Исторія большой арміи Наполеона 1812 года. Ч. 2, гл. X.

ливалась опасность, тѣмъ болѣе, говоритъ Сегюръ: Наполеонъ возвышался надъ самимъ собою и надъ бурями грозной природы. Въ Оршѣ Императоръ сжегъ всѣ свои обозные пожитки; и тогда же бросилъ въ огонь свои бумаги, собранныя съ тѣмъ, чтобы въ Россіи, на досугѣ отъ боевыхъ трудовъ, подобно Юлію-Кесарю, заняться сочиненіемъ Исторіи своей жизни. (*) Это невозвратная потеря и для Россіи и для Европы и для потомства.

Поэтъ Байронъ упрекаетъ Наполеона, зачѣмъ не убилъ онъ себя на мѣстѣ сраженія при Ватерлоо. «Малодушіе,» говоритъ онъ, «удержало руку Наполеона.» На это Шатобріанъ отвѣчаетъ: «ошибочно судилъ поэтъ о душѣ, привыкшей властительствовать и пылавшей жаромъ жизни потомственной. Лордъ Байронъ воображалъ, что Наполеонъ вмѣстѣ съ прежнимъ могуществомъ своимъ оттолкнулъ и славу свою. Не правда, судьба Наполеона, подобно всѣмъ великимъ жребіямъ историческимъ — *муза* безсмертная, передающая вѣкамъ вдохновенія свои.»

На скалѣ Еленской, Наполеонъ жилъ и своею надеждою и надеждою, что сынъ его будетъ героемъ и пойдетъ по его стопамъ. «Напоминаніе обо мнѣ,» говорилъ онъ душеприкащикамъ своимъ, «будетъ славою моего сына.» А потому и препоручалъ имъ собрать все то, что относит-

---

(*) Cet autre Cèsar voulait dicter ses commentaires. Сегюръ. Ч. 2, кн. X, гл. VI.

ся къ его Исторіи. «Сынъ мой найдетъ,» прибавлялъ Наполеонъ, «много достопамятнаго въ сочиненіяхъ Альба, Фена, Меневаля и Бурьеня. Посвятите ему описаніе войны въ Италіи и въ Египтѣ.»

Самоубійство казалось Наполеону неумѣстнымъ малодушіемъ и безуміемъ. Вотъ его слова: «Имѣетъ ли право человѣкъ убить себя? Да! если смерть его никому не вредитъ и если жизнь для него зло.»

«Когда жизнь для человѣка зло? Когда она для него цѣпь горестей и страданій; но онѣ перемѣняются каждое мгновеніе; слѣдственно нѣтъ ни одного мгновенія въ жизни, въ которое бы человѣкъ вправѣ былъ убить себя.»

«Нѣтъ человѣка, который бы нѣсколько разъ не пожелалъ себя умертвить, изнемогая подъ бременемъ нравственныхъ страданій. И что же? Тотъ же самый человѣкъ, чувствуя перемѣну и движеній сердца своего и жребія, укоряетъ себя за мысль о самоубійствѣ.

«Тотъ, кто убилъ себя въ понедѣльникъ, пожелалъ бы жить въ субботу; но—вѣдь одинъ только разъ убиваютъ себя. Жизнь человѣка составлена изъ прошедшаго, настоящаго и будущаго. Стало быть жизнь тогда зло, когда страданіе поглощаетъ всѣ эти времена. Но если она зло только въ настоящемъ, тогда человѣкъ жертвуетъ ей будущимъ. Страданіе однодневное не уполномочиваетъ его отбрасывать жизнь свою.

«Человѣкъ, который утомясь бременемъ временныхъ страданій, убиваетъ себя, поступаетъ

несправедливо противъ самого себя; увлекается отчаяніемъ и прихотью мгновенною, которой приноситъ въ дань всю свою будущность.»

Наполеона не рѣдко сравнивали съ Александромъ Македонскимъ. Александръ умеръ не предъ очами Греціи; онъ сошелъ въ могилу въ пышномъ Вавилонѣ. Наполеонъ умеръ не въ глазахъ Франціи; онъ сошелъ въ могилу за дальнимъ Океаномъ. Но гробницу Александра Македонскаго вмѣстѣ съ великолѣпнымъ Вавилономъ поглотилъ разливъ водъ Ефрата; а гробница Наполеона, переплывъ Океанъ, по завѣщанію его, стоитъ подъ небосклономъ Франціи.

Но вотъ въ чемъ равенъ жребій ихъ. Для кого гремѣлъ завоеватель Персіи оружіемъ и кому достался престолъ его? Все съ нимъ пало. Для кого ходилъ Наполеонъ отъ береговъ Океана Атлантическаго, до береговъ Москвы рѣки: и гдѣ престолъ его?

Громко свидѣтельствуетъ истина завѣтная, что на этой землѣ ничто не наполняетъ пустоты сердца человѣческаго. То же говоритъ и философія: «Дай человѣку все, чего онъ желаетъ; но онъ въ тоже мгновеніе почувствуетъ, что это *все*, не есть *все*. (*)

(*) *Кантъ.*

IX.

ВЗГЛЯДЪ НА СОБЫТІЯ

до 1812 года и о второмъ Сентябрѣ 1812 года.

ПИСЬМО II.

Въ селеніяхъ вѣчности, на часахъ, заводимыхъ перстомъ Вышняго Промысла, пробилъ для нашего Отечества срокъ двухъ-вѣковой. Вслѣдъ за тѣмъ изъ храмины суда Божія вышелъ второй двѣнадцатый годъ.— И *онъ!* исполнитель сего суда, двинулся въ Россію. «Скоро шелъ и не умедлилъ.» (*)

(Изъ историческихъ и частныхъ моихъ записокъ).

При одномъ изреченіи: мы видѣли второй двѣнадцатый годъ, мысль Русская и мысль Европейская, устремляясь въ даль двухъ столѣтій съ изумленіемъ вопрошаютъ другъ друга: «ужели въ перелетѣ двухъ вѣковъ, ни Европа, ни Россія ни на шагъ не подвинулись къ твердому самобытному существованію своему?» Увидимъ и услышимъ, что выскажетъ намъ завѣтный глаголъ: *Исторія.*

(*) Исаіи, гл. 14.

Слышу укоризны: опять издатель Русскаго Вѣстника домогается увлечь насъ въ туманную область покойной Руси; опять станетъ нагонять облака ученической пыли, указками на лѣтописи, давно отжившія и Богъ знаетъ, какими ссылками и на какихъ писателей? Ужели онъ думаетъ, что ни мы Русскіе XIX столѣтія, ни Европа, не вышли изъ колыбели прошедшихъ вѣковъ. Ужели онъ хочетъ, чтобы при каждомъ шагѣ на поприщѣ нашего вѣка, оглядывались назадъ и жили по однимъ отголоскамъ старины, промелькнувшей въ потемкахъ необразованности и невѣжества? »

Отвѣчаю: «развѣ столѣтія смѣняются на лицѣ земли сами собою, идутъ безъ цѣли и безъ связи; идутъ въ туманѣ недоумѣнія, заторопляясь однимъ настоящимъ мгновеніемъ, ловя и спѣша ловить только то, что льститъ страстямъ, или чѣмъ можно блеснуть предъ легкомысленнымъ свѣтомъ, засуеченнымъ круженіемъ личныхъ выгодъ и мимолетныхъ наслажденій?

Взглянемъ, любезный другъ, на событія въ нашемъ Отечествѣ отъ 1805 до 1812 года.

Сочинитель Описанія войны 1812 года, подробно высказалъ намъ о заслугахъ Полковника Чернышева, оказанныхъ Отечеству при скоплявшейся бурѣ нашествія. Отдаемъ полную справедливость нашему соотечественнику, который прозорливою мыслію наблюдалъ въ предѣлахъ Франціи то, чѣмъ Императоръ Французовъ готовился огромить Россію. Скажемъ болѣе: и Французскіе писатели свидѣтельствуютъ о томъ, что бывшій

Полковникъ Чернышевъ для пользы Отечества, неоднократно подвергалъ опасности жизнь свою, поспѣшая въ Россію съ вѣстію о бурѣ, которая почти вслѣдъ за нимъ разразилась отъ *Нѣмана* до *Пары*. Имя Александра Ивановича Чернышева, никогда не угаснетъ на скрижаляхъ лѣтописей Русскихъ, оно перейдетъ и достойно перейти въ завѣтную книгу потомства. Но и этотъ подвигъ нашего соотечественника, нераздѣленъ съ другими обстоятельствами вышеприведенныхъ годовъ.

Походъ Русскихъ въ Австрію 1805 года, былъ военною попыткою мимолетною. Но Европа увидѣла и убѣдилась, что Россія готова отстаивать ея бытіе и не отдѣляетъ жребія своего отъ ея судьбы. Мгновенная неудача подъ Аустерлицемъ не повергла въ уныніе духа народнаго. Въ это время всѣ припомнили слова Фридриха II: «Русскихъ можно разсѣять, но не побѣдить.»

Въ продолженіе 1806 года, возрастающее владычество Императора Французовъ и Короля Ломбардіи, усилилось еще составленіемъ Рейнскаго союза. Императоръ Александръ, истощивъ всѣ средства и убѣжденія къ остановленію властолюбивыхъ замысловъ Наполеона, повѣстилъ, наконецъ, 30 Августа 1806 года, что «если Франція «далѣе упорствовать будетъ въ завоеваніяхъ, то«гда уже, прейдя всѣ степени мирныхъ согла«шеній, Мы обязаны будемъ честію Россійскаго «имени, безопасностію Нашего Отечества, свято«стію Нашихъ союзовъ, общимъ спасеніемъ Ев«ропы, приступить къ усиленіямъ, какія по

«всѣмъ симъ уваженіямъ представятся Намъ не-
«обходимы.»

Правительствующій Сенатъ принялъ съ благо-
говѣніемъ извѣщеніе Монарха о мѣрахъ, прини-
маемыхъ къ оборонѣ Отечества и отъ лица Рос-
сійскаго народа, между прочимъ вѣщалъ: «Бы-
«тописанія Имперіи Твоей, Всемилостивѣйшій
«Государь! свидѣтельствуютъ, что Россійскій на-
«родъ, знаменитый своею вѣрностію и муже-
«ствомъ, всегда и всѣмъ жертвовалъ великодуш-
«нымъ намѣреніямъ предшественниковъ Твоихъ,
«для распространенія ли предѣловъ Державы,
«или же для прославленія Россіи, и что встрѣ-
«тившіяся неудачи на поприщѣ славы, не только
«не охлаждали ихъ усердія; но усугубляли ихъ
«мужество и ревность. Чего же не можно ожи-
«дать отъ сего народа теперь, когда Ты, Все-
«августѣйшій Монархъ! объявляешь ему, что
«единая безопасность Отечества, святость Твоихъ
«союзовъ и спасеніе Европы, призываютъ Тебя
«къ ополченію.»

Выслушавъ рѣчь, произнесенную Графомъ Але-
ксандромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ, Госу-
дарь отвѣчалъ: «Не сомнѣваясь никогда въ чув-
«ствованіяхъ Правительствующаго Сената, Я и
«въ семъ случаѣ узнаю духъ того сословія, ко-
«торое во всякое время было привержено къ
«Престолу и Государю. Прежніе примѣры удо-
«стовѣряютъ Меня также въ ревностнѣйшемъ
«содѣйствіи всего народа.»

Между тѣмъ Пруссіи угрожало бѣдственное
разрушеніе. Напавъ внезапно на разсѣянное вой-

ско. Наполеонъ огромилъ ее подъ Іеною. Въ сихъ обстоятельствахъ Императоръ Александръ рѣшился въ оплотъ властолюбія завоевателя, поставить оружіе Русскихъ.

И раздалось по предѣламъ Россіи воззваніе: «да ополчатся Россіяне за жизнь Отечества; да охранятъ безмятежіе гробовъ отцевъ своихъ; да вступятся за женъ и дѣтей своихъ и да возстанутъ за честь и славу Россіи!» И, какъ будто въ одно мгновеніе возстали шесть сотъ тысячъ земскихъ войскъ, подъ предводительствомъ маститыхъ военачальниковъ временъ Елисаветы и Екатерины II. На эту новую службу, съ жаромъ новаго рвенія устремились, Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій, Графъ Орловъ-Чесменскій, Князь Сергій Ѳедоровичъ Голицынъ, Николай Семеновичъ Мордвиновъ; словомъ: всѣ, въ комъ только билось сердце, для славы и жизни Отечества. Изумился Императоръ Наполеонъ, услышавъ о дивномъ порывѣ Русскихъ къ спасенію Россіи. Душа его вполнѣ оцѣнила тогда величіе этого подвига; но онъ не послужилъ ему урокомъ. 1807 года, до заключенія Тильзитскаго мира, Императоръ Александръ I, пригласилъ на совѣщаніе Александра Андреевича Беклешова и Василія Степановича Попова, бывшаго письмоводителемъ Князя Таврическаго. Не знаю, какой голосъ подалъ Поповъ; но была молва, что Беклешовъ совѣтовалъ устроить подъ рукою и съ величайшею осторожностію, по селамъ и деревнямъ новыя военныя силы, которыя бы, подъ завѣсою тайны, приготовлялись къ за-

щитѣ родины и явились бы въ надлежащее время. Учрежденіе рекрутскихъ депо, также было мѣрою осторожности. Наконецъ, мы всѣ современники 1807 года, мы всѣ почитали Тильзитскій миръ мгновеннымъ перемиріемъ. У времени есть свой голосъ и своя вѣсть; прислушиваясь къ этой вѣсти, иные принимали мѣры, какъ бы обезопасить себя отъ разоренія въ случаѣ внутренней войны; другіе уѣзжали на чужбину. Юный и незабвенный Графъ Кутайсовъ, пожинавшій уже блестящіе лавры на поприщѣ военномъ, отправился въ столицу Франціи, чтобы въ искусствѣ своемъ обогатиться новыми опытами.

А вотъ и другое обстоятельство: нѣкоторые изъ юношей княжескихъ домовъ, воспитывавшіеся въ царствованіе Екатерины въ роскошномъ Парижѣ, рѣшились, говоря просто, перевоспитать себя на Русскую стать и короче ознакомиться съ духомъ народа.

Между тѣмъ и Правительство, предчувствуя близость новой бури, къ усиливанію нашего XIX столѣтія завѣтною жизнію предковъ нашихъ XVII вѣка, повѣстило общую подписку для сооруженія памятника Гражданину Минину и Князю Пожарскому.

Здѣсь упомяну о себѣ, или буду просто говорить объ издателѣ Русскаго Вѣстника.

Хотя 1806 года, служба была своекоштная и я уже не былъ помѣщикомъ, но съ помощію трудовъ моихъ и я поступилъ подъ хоругви земскихъ войскъ, по Сычевскому уѣзду, въ званіи Бригадъ-Маіора. Въ Мартѣ 1807 года, воспослѣ-

довалъ вызовъ всѣмъ отставнымъ солдатамъ. Не взирая ни на отдаленность мѣстъ, ни на распутицу, въ Сычевки явилось сто пятьдесятъ престарѣлыхъ богатырей, временъ Румянцева и Суворова. Тутъ были и безногіе и безрукіе и слѣпые. Ихъ служба написана была на ихъ почетныхъ знакахъ. Выхваляя ихъ усердіе, я сказалъ, что они могутъ съ Богомъ и молитвою возвратиться въ пріюты свои. «Не пойдемъ!» раздался общій кликъ, «не пойдемъ! не отстанемъ отъ молодыхъ.» О душевномъ этомъ порывѣ, я тогда же препроводилъ статью въ Вѣстникъ Европы, гдѣ она и была помѣщена. А тутъ прибавлю только, что голосъ святой, завѣтной нашей родины, излетѣвшій изъ сердецъ Русскихъ витязей, былъ для меня первымъ урокомъ въ познаніи духа сыновъ земли Русской. И я приступилъ 1808 года къ изданію Русскаго Вѣстника. Этотъ подвигъ обратилъ на меня вниманіе многихъ современниковъ Екатерины и Павла.

Не обошлось однако и безъ предположеній. Нашлись люди, мечтавшіе, будто бы я какой-то подставной отголосокъ какого-то общества. А я былъ одинъ; и писалъ не по заказу, но по внушенію той новой жизни, которая слилась съ каждымъ біеніемъ моего сердца; и съ каждою моею мыслію. Прежнія занятія мои и прежній свѣтъ, удалились отъ меня со всѣми своими очарованіями. Я не жаловался на большой Московскій кругъ; юность моя текла въ немъ радужной струею. Но мысль объ отечествѣ, заполонившая всю мою душу, влекла меня къ уединенію,

чтобы безъ всякаго разсѣянія, отыскивать пищу въ завѣтныхъ воспоминаніяхъ объ отечествѣ: словомъ, я одинъ издавалъ Русскій Вѣстникъ: и въ Апрѣлѣ 1808 года напечаталъ статью, которая передвинула мой Вѣстникъ и на колею политическую. Въ ней, между прочимъ, сказано было, что «если бы великодушіе Императора Александра I, изъ любви къ человѣчеству, не остановило потоковъ крови послѣ *Фридландскаго сраженія*: то Богъ знаетъ, гдѣ былъ бы Наполеонъ и великій его народъ!» Словомъ, въ ней все то было показано, что оказалось на дѣлѣ 1812 года; въ чемъ могутъ удостовѣриться тѣ изъ читателей моихъ, у которыхъ есть Русскій Вѣстникъ 1808 года. Въ слѣдствіе этой статьи, *Коленкуръ*, посолъ Наполеона, принесъ Императору Александру жалобу на Русскій Вѣстникъ. Государь отвѣчалъ, что «онъ не вмѣшивается въ мнѣніе своихъ подданныхъ и что это дѣло цензуры.» Объ этомъ напечатано съ сочиненіи моемъ, подъ заглавіемъ: «Исторія Жизни Александра I.» Цензору моему Алексѣю Ѳедоровичу Мерзлякову, сдѣланъ былъ выговоръ, а я по *политическимъ обстоятельствамъ* отставленъ былъ отъ Московскаго театра, при которомъ служилъ въ званіи сочинителя и переводчика, но Русскій Вѣстникъ не былъ запрещенъ.

Это обстоятельство воспламенило меня новымъ рвеніемъ, новымъ жаромъ къ наблюденію всего того, что нужно будетъ въ грозную годину, часъ отъ часу болѣе приближавшуюся къ рубежамъ Россіи. И такъ, не уступая никому своего, объяв-

ляю, что все то, что до 1812 года предлагаемо было въ Русскомъ Вѣстникѣ, о необходимости предуготовительныхъ войскъ, о лѣсномъ вооруженіи, о дѣйствіи отрядовъ или войнѣ *партизанской*: все это мнѣ принадлежитъ. Были на Русскій Вѣстникъ нападки и отъ соотечественниковъ, но это меня не тревожило.

1809 года заключенъ былъ миръ съ Швеціей. Финляндія присоединена была къ Россіи. О войнѣ Русскихъ съ Шведами въ современныхъ извѣстіяхъ сказано было: «Въ началѣ войны мы преслѣдовали непріятеля, потомъ сражались; наконецъ пришли и пожали пальмы мира. Но за этимъ миромъ, прибавлено было въ тѣхъ же извѣстіяхъ: и орлы Русскіе пролетѣли по ледянымъ вершинамъ залива Ботническаго. Столица Швеціи смутилась; ужасъ простерся до полюсовъ.»

Финляндія породнилась съ Россіей, ровно по прошествіи цѣлаго столѣтія послѣ Полтавской побѣды. Празднуя миръ съ Швеціей Императоръ Александръ, побѣдоносные лавры свои повергъ къ стопамъ изображенія Героя Полтавскаго.

Исходъ того же года увѣнчался прибытіемъ Императора Александра въ Москву. Едва разлетѣлась вѣсть Декабря пятаго, что Государь остановился въ Петровскомъ дворцѣ, крестьяне многочисленными сонмами спѣшили къ Москвѣ и въ Москву. Декабря шестаго Императоръ въѣхалъ въ древнюю столицу верхомъ. Морозъ былъ трескучій, но, тутъ въ полномъ смыслѣ можно сказать, что всѣ сердца согрѣвались восторгомъ

любви народной. Народъ, со всѣхъ сторонъ тѣснилъ лошадь Государя. Когда же Государь у часовни Иверской Божіей Матери, сошелъ съ лошади и преклонилъ колѣно предъ образомъ съ молитвою, народъ повергся на колѣни и воскликнулъ: *Ангелъ нашъ! да хранитъ тебя Богъ и Божія Матерь*, Повторю и здѣсь: у сердца свои отклики; а у времени свой голосъ. День шестаго Декабря 1809 года какъ будто былъ вѣстникомъ великихъ дней нашего двѣнадцатаго года.

Между тѣмъ, съ предчувствіями сыновъ Россіи о необычайномъ жребіи, предстоявшемъ отечеству нашему: соединилась 1811 года и вѣсть міра небеснаго. Долго на небосклонѣ Москвы разстилался и раскидывался длинный хвостъ *Кометы*. Знаменіе небесное слилось съ тѣмъ вѣщимъ голосомъ, о которомъ сказано: *Гласъ Божій, гласъ народа*. Народъ Русскій, присматриваясь къ грозной звѣздѣ, осѣняясь крестомъ, говорилъ: «помѣтетъ бѣда землю Русскую! быть бѣдѣ! Помѣтетъ бѣда землю Московскую!»

Въ продолженіе достопамятнаго 1811 года, когда и земля и небо вызывали мысли къ новой дѣятельности: правительство принимало свои мѣры для встрѣчи событій необычайныхъ. *Во-первыхъ*: чтобы не обременить народа налогомъ безвременнымъ, повѣщена была продажа поземельныхъ Государственныхъ имуществъ (*). *Во-вторыхъ*: изданъ былъ уставъ для дѣйствующей большой арміи, на основаніи котораго для избѣжанія всѣхъ проволо-

(*) Манифестъ 23 Января 1811 года.

чекъ, въ лицѣ Главнокомандующаго арміей сосредоточивалось полномочіе, и при вступленіи его въ какую либо изъ губерній, всѣ мѣстныя начальства непосредственно подчинялись его распоряженіямъ. *Въ-третьихъ:* въ заграничныхъ извѣстіяхъ разглашали, будто бы край Донской опустѣлъ и воины его пали, исчезли въ различныхъ войнахъ отъ 1805 года до 1811 года. А въ это самое время, дана была Высочайшая грамота Донскому Войску въ Августѣ 1811 года; и благодарный Донъ заложилъ соборъ въ Новочеркаскѣ во имя Александра Невскаго. Къ уничтоженію вѣстей заграничныхъ, будто бы Россія истощилась отъ непрерывной войны, отъ пожаровъ, постигшихъ сперва Одессу, а потомъ Кіевъ и другія мѣста, и будто бы Москва обѣднѣла, Москва, дала лѣтомъ блистательную карусель, по духу и образцу временъ рыцарскихъ. Главными предсѣдателями при ней были: Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій, и Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ. Скажу мимоходомъ, что лавры карусельные перешли юному, неизвѣстному рыцарю. Когда для полученія награды рыцарь преклонилъ колѣно, ристалище огласилось звуками трубъ, но имя побѣдителя осталось подъ завѣсою тайны. Денежный сборъ этого дня употребленъ былъ на угощеніе дружинъ отставныхъ солдатъ.

Чтобы убѣдить Европу, что Россія принимая мѣры осторожности, не помышляетъ о войнѣ, рекрутамъ 1811 года дозволено было за себя вносить деньги. Рѣшительный же наборъ воспослѣдовалъ въ Мартѣ мѣсяцѣ 1812 года вмѣстѣ съ по-

вѣщеніемъ о явной опасности, предстоявшей нашему Отечеству.

Наконецъ, въ Іюнѣ 1812 года, Наполеонъ, соединя на берегахъ Нѣмана полки свои, въ воззваніи своемъ, между прочимъ, сказалъ: «Россія «увлекается роковою судьбою. Жребій ея дол«женъ рѣшиться.» Императоръ Александръ отвѣчалъ: «Я не положу оружія, доколѣ не оста«нется ни одного непріятельскаго воина въ Цар«ствѣ Моемъ! На зачинающаго Богъ!»

Взглянувъ на событія до 1812 года, взглянемъ и на нѣкоторыя подробности о человѣкѣ, который подъ знаменами своими, ввелъ въ Отечество наше двадцать народовъ.

Историкъ Лоранъ говоритъ: «Когда Философъ Ферпейскій и Женевскій уроженецъ Жанъ-Жакъ-Руссо, приближались къ исходу жизни своей, тогда на ничтожномъ уголкѣ земли, Провидѣніе предназначало судьбу Бонапарта.» Тутъ не совсѣмъ правильно означено время. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти двухъ поименованныхъ главныхъ Французскихъ писателей, то есть: 1777 года, Наполеонъ поступилъ въ военное Бріенское училище; а годъ его рожденія 1769 (*), тотъ самый достопамятный годъ, когда Вольтеръ говорилъ, что «Европа увидитъ новое небо и новую землю;» (**) и когда Жанъ-Жакъ-Руссо писалъ, что и Франція и Европа истлѣваютъ въ развратѣ. (***)

(*) Въ этотъ же годъ родился и Герцогъ Веллингтонъ.

(**) См. переписку Вольтера.

(***) См. исповѣдь Жанъ-Жака-Руссо.

И такъ, съ появленіемъ Наполеоновой колыбели, въ старинной Европѣ отживали два міра: *міръ нравственный* и *міръ политическій*.

Міръ нравственный исчезалъ въ разлетѣ легкомысленной разсѣянности, а въ мірѣ политическомъ было какое-то смутное, туманное недоумѣніе; особенно во Франціи. Людовикъ XV говорилъ: «Франція устарѣла въ продолженіе четырнадцати вѣковъ; она не долго проживетъ.» Въ Италіи кипѣли мелкія распри, и Папа Климентъ XIII писалъ къ Маріи-Терезіи: «Я проливаю слезы и смиряюсь передъ судьбами Всевышняго.» Но вотъ важнѣйшее обстоятельство по отношенію къ Россіи.

Того же 1769 года, въ Москвѣ закрылось Депутатское Собраніе, названное Карамзинымъ: «всемірнымъ сеймомъ;» и запылала съ Оттоманскою Портою первая война въ царствованіе Екатерины II и пушки этой первой войны, встрѣтили колыбель Наполеона.

Вотъ и еще сближеніе *цыфръ*: 1777 года, Наполеонъ поступилъ въ Бріеннское училище; и этотъ годъ ознаменованъ былъ рожденіемъ Александра I.

Казалось, что обстоятельства и событія того времени торопились въ слѣдъ за полетомъ мысли Наполеона. 1785 года, переведенъ онъ былъ въ Парижское военное училище. Удивлялъ онъ всѣхъ необычайными успѣхами въ наукахъ, и въ чинѣ артиллерійскаго Поручика, отправился въ Гренобль, гдѣ находился полкъ его. Но для Наполеона, какъ будто и не было выпуска изъ

училища. Вездѣ, куда ни переходилъ съ полкомъ, вездѣ удалялся онъ въ свой міръ умственный и жилъ въ кругу мертвыхъ наставниковъ. Изъ этой умственной области зоркимъ окомъ смотрѣлъ на бурю, скоплявшуюся на небосклонѣ Франціи и разразившуюся 1789 года. Онъ встрѣтилъ ее съ своимъ войскомъ вспомогательнымъ—съ опытами всѣхъ вѣковъ и съ полнотою душевною, не истощенною ни свѣтскимъ разсѣяніемъ, ни исканіемъ ничтожныхъ личныхъ выгодъ.

Быстро разрушилось зданіе обветшалой Франціи. Въ Іюлѣ 1792 года, Людовикъ XVI, вмѣстѣ съ семействомъ своимъ заключенъ былъ въ темницу. А въ это время, въ Корсикѣ, тотъ самый Паули, который при Людовикѣ XV ревностно отстаивалъ независимость отчизны своей, передавалъ ее въ руки Англичанъ. Наполеонъ полетѣлъ на свою родину и сталъ въ ряды земскаго войска. Но тщетно. Не тамъ ожидали его и вѣнцы побѣдные и дивный ходъ судьбы его. Въ очахъ Наполеона пала его отчизна. Домъ матери его погибъ въ пеплѣ пожарномъ. А что еще ужаснѣе, въ лѣтахъ кипящей юности, въ новый міръ жизни, онъ вступалъ разочарованнымъ, въ порывахъ доблестей человѣческихъ. Паули былъ его героемъ и Паули сталъ измѣнникомъ! Кому и чему вѣрить? И куда идти матери безпріютной; куда идти съ сиротами своими? Она идетъ къ тому самому Тулону, гдѣ Наполеону, меткіе батарейные выстрѣлы Англійскихъ кораблей, откроютъ поприще ко всѣмъ величіямъ

нашего міра. И какое стеченіе обстоятельствъ! Колыбель его возникла среди волнъ морскихъ; первый шагъ къ возвышенію предсталъ ему на берегѣ морскомъ, и жизнь его угасла за Океаномъ.

Между тѣмъ онъ уже Генералъ и начальникъ артиллеріи въ Италіи. Но тутъ постигла его и превратность счастія; по крайней мѣрѣ, такъ казалось; 1794 года, послѣ паденія Робеспьера, Наполеонъ, подозрѣваемый новымъ правительствомъ за связь и дружбу съ младшимъ Робеспьеромъ, лишенъ былъ начальства надъ артиллеріей и отозванъ въ Ниццу, какъ преступникъ. Рано узналъ онъ шаткость духа человѣческаго, но за то, въ то же время самъ ощутилъ въ душѣ и непобѣдимую отважность и какое-то отверженіе отъ жизни. «За что,» писалъ онъ къ гонителямъ своимъ, «за что причисленъ я къ людямъ подозрительнымъ? Выслушайте меня; примирите меня съ уваженіемъ Патріотовъ; а потомъ, если хотите, черезъ часъ возьмите жизнь мою. Я не дорожу ею, я такъ часто презиралъ ее. Да! одна только мысль, что могу быть полезнымъ отечеству, заставляетъ меня влачить скучное и тяжелое бремя моего существованія.» Гонителями его были тѣ самые люди, которые, въ послѣдствіе пресмыкались предъ его престоломъ для корысти и почестей. Необходимость снова вызвала Наполеона въ Италію. Вмѣстѣ съ нимъ возвратилась туда и побѣда. И начальникъ тамошнихъ войскъ, Генералъ Демербіонъ, писалъ къ повѣреннымъ Конвента: «Превосходнымъ

соображеніямъ Генерала Бонапарта, обязанъ я новыми лаврами.» Опять запылала зависть гонителей Наполеона, и онъ отозванъ былъ въ Парижъ. Но вскорѣ, грозная буря, зашумѣвшая противъ Конвента, открыла ему новое поприще. Онъ отстоялъ Конвентъ и съ именемъ главнаго вождя, отправился въ Италію. Явясь предъ полками, Наполеонъ обошелъ заоблачныя вершины горъ Альпійскихъ и достигнулъ возвышенія горъ Аппенинскихъ. Прогремѣлъ голосъ его. Войско двинулось, сразилось и побѣдило. А въ то самое время, то есть, въ первой половинѣ 1796 года, когда такъ ярко блеснула слава Наполеона въ странѣ древнихъ Римлянъ, послѣдніе военные громы царствованія Екатерины II и торжествовали и умолкли за вершинами Кавказа. Такимъ образомъ, *первая* война при Екатеринѣ, встрѣтила колыбель Наполеона; а *послѣдняя*, присоединилась къ новымъ его побѣдамъ и къ верховному начальству надъ войскомъ въ Италіи. Судьба его, какъ будто шла рука объ руку, съ дѣйствіемъ Русскаго оружія отъ 1769 до 1796 года. Но тогда въ вихрѣ блестящаго нашего свѣта, имя его ни гдѣ еще не откликалось. Въ нашихъ столицахъ кипѣла роскошь въ полномъ разгулѣ своемъ. Одинъ только Суворовъ, орлинымъ взоромъ всматривался въ полетъ юнаго Наполеона, говорилъ: «о! какъ онъ шагаетъ!» Одинъ только онъ писалъ къ Екатеринѣ: «Матушка, вели идти противъ Французовъ.» Но это тогда не сбылось.

1799 года, Суворовъ загремѣлъ въ предѣлахъ

Италіи, и въ пятьдесятъ шесть дней уничтожилъ двухъ-лѣтнія побѣды юнаго Генерала Бонапарта. Франція страшилась, оживала Австрія, Россія торжествовала. Не думали тогда ни Директорія, ни Европа, ни Россія, что быстрый полетъ Суворова снова вызоветъ Наполеона въ Италію и проложитъ ему путь въ Россію. Зависть удалила Суворова изъ Италіи. Онъ пробивался сквозь грозныя вершины горъ Альпійскихъ; а Наполеонъ, не спросясь Директоріи, летѣлъ изъ Египта по волнамъ моря къ берегамъ Франціи. Казалось, что смерть гналась за нимъ по пятамъ. Съ корабля Англійскаго готовы были разразиться пушки на его судно: внезапно густой туманъ окинулъ море, и онъ на землѣ Франціи. Его поджидаютъ убійцы на берегахъ Франціи, а онъ въ Парижѣ. Въ совѣтѣ пятисотномъ, кинжалъ Арены устремленъ на грудь его; а онъ первый Консулъ. Адская машина разразилась у кареты его—и онъ остался живъ.

Сбылось и тутъ сближеніе съ Россіей.

Разставаясь съ поприщемъ побѣдъ своихъ въ Италіи, Суворовъ передалъ записку Графу Разумовскому, въ которой означалъ, гдѣ юный Бонапартъ снова разобьетъ Австрійцевъ. Такъ и было. Побѣда Консула Бонапарта подъ Маренго, рѣшила судьбу Италіи, Франціи, Австріи и Европы. И это въ одинъ годъ. И онъ Консулъ пожизненный, и онъ Императоръ, и онъ Король Ломбардіи. У кого изъ сыновъ земныхъ былъ когда либо такой *послужной* списокъ? 1801 года было первое сближеніе Россіи съ Консуломъ

Бонапартомъ; а 1805 года было первое столкновеніе оружія Русскихъ съ оружіемъ Императора Наполеона, не у рубежей Россіи, а въ Австріи, на одинъ, такъ сказать, мигъ перелетный, о чемъ уже выше было сказано.

Между тѣмъ, за рубежами Россіи, 1809 года, было временное союзное сближеніе Русскихъ войскъ съ войсками Наполеона. Казалось, что въ этотъ годъ, счастливая звѣзда Наполеона, занятаго и войною въ Испаніи, битвами въ Австріи, должна была померкнуть. Бельгіи угрожало нападеніе Англичанъ. Въ Эслингенскомъ сраженіи сильно пострадала его конница. На Дунаѣ, буря разорвала его мосты, раздѣлила войско на берегахъ противуположныхъ. И вдругъ, въ ночь грозную, при раскатѣ громовъ и при блескѣ молній, онъ устремляется за Дунай; гремитъ на поляхъ Ваграмскихъ, въ виду столицы Австріи и подъ новымъ блескомъ звѣзды своей, вступаетъ на чреду зятя Императора Австрійскаго.

Онъ достигъ верховнаго своего желанія; онъ отецъ младенца Короля Римскаго. Онъ страстно любитъ супругу; онъ съ восторгомъ смотритъ на колыбель своего наслѣдника. Онъ достигъ всего, и онъ сѣтуетъ, и онъ все еще къ чему-то стремится. И этотъ смутный порывъ привелъ его въ предѣлы нашего Отечества.

ВТОРОЕ СЕНТЯБРЯ

1812 года.

Событія пролетаютъ: глаза, видѣвшіе ихъ, смыкаются; преданія гаснутъ съ переходомъ лѣтъ, какъ несбереженный огонь: кто же проникнетъ тайну вѣковъ?

Викторъ Гюго.

Предъ походомъ въ Персію, въ Императорѣ Іуліанѣ, какъ будто затмился превосходный военный его геній. Что-то необычайное тревожило мысли и душу его. Въ стѣнахъ Антіохіи свирѣпствовалъ голодъ, и онъ вселъ туда полки свои на явную гибель.

(Исторія).

Возвратясь изъ дальняго обозрѣнія ввѣреннаго тебѣ края и прочитавъ Очеркъ (*) о пятидесятилѣтнихъ печатныхъ моихъ трудахъ: ты писалъ ко мнѣ, что тебѣ особенно понравилось то, что въ немъ сказано о дѣйствіяхъ моихъ 1812 года. Благодарю, тебя, любезный другъ! Двѣнадцатый годъ далъ нѣкоторую значительность моей жизни и, признаюсь, что усердіе мое къ Отечеству считаю лучшимъ воспоминаніемъ. Мы идемъ далѣе, проходимъ и отходимъ въ могилу; а Отечество остается.

«Сентября 2-го, ты шелъ съ своею ротою въ Рязань и Орелъ, но душа твоя витала на полѣ

(*) Этотъ Очеркъ сочиненъ Б. М. Федоровымъ. Извлеченіе изъ него помѣщено было въ Полицейскихъ вѣдомостяхъ, Сѣверной Пчелѣ, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Приношу душевную благодарность. Вниманію соотечественниковъ, дастъ новую жизнь нашимъ трудамъ.

битвъ и ты могъ бы участвовать въ сраженіи Бородинскомъ, если бы рѣшился разстаться съ своею ротою. Но, по словамъ Фридриха II:

«Ты другомъ и отцемъ былъ рядовыхъ своихъ!»

Вы герои, люди чудные; для васъ огненныя схватки—пиръ веселый. Суворовъ былъ уже на смертномъ одрѣ и при послѣднемъ дыханіи, но услыша, что есть какое-то дѣло, онъ вскричалъ: «Готовъ!» И ты, мой другъ, прочитавъ воззваніе на *Три горы*, полетѣлъ къ Московскому Начальству съ предложеніемъ себя на дѣло. Но жребій Москвы уже былъ рѣшенъ. Ей предоставлено было, по сильному выраженію одного изъ нашихъ писателей: «облечься въ порфиру пожаровъ,» приподнять чело къ небу и безропотно жертвовать собою за край родной.

Кажется, будто у неутомимаго времени подросли крылья. Сбрасывая съ нихъ на *настоящее* какой-то неразгаданный сумракъ недоумѣнія, оно съ вѣковыми событіями летитъ и спѣшитъ въ даль потомства, въ даль будущихъ столѣтій. Быстрое проявленіе *Всемірной Исторіи* въ очахъ нашихъ, называютъ теперь сказкою или какимъ-то миѳомъ. А потому и не удивительно, что не только великія событія нашего двѣнадцатаго года, но и мелкія обстоятельства, нерѣдко представляются въ видѣ превратномъ. Это пало и на меня, и вотъ какимъ образомъ:

Однажды, (гдѣ и когда? до этого нѣтъ нужды): бывшій издатель *Телеграфа*, не знаю, почему и къ чему, вдругъ заговорилъ: «будто бы

2-го Сентября 1812 года, при переходѣ нашихъ войскъ по Рязанской дорогѣ, я сидя ѣлъ арбузъ, и будто бы увидя Н. М. Карамзина, закричалъ ему: «вотъ что вы надѣлали съ вашею любовію къ Французамъ; они въ Москвѣ!»

Это сущая небылица. Н. М. Карамзинъ не только не возбуждалъ никакого пристрастія къ Французамъ, но онъ первый у насъ 1802 года въ Вѣстникѣ Европы, ссылаясь на свидѣтельство Лафатера, напечаталъ, что «Консулъ Бонапартъ переживетъ славу свою.» Онъ первый возставалъ противъ тогдашнихъ уродливыхъ Парижскихъ модъ. Въ послѣдній разъ 1812 года, я видѣлся съ нимъ въ Москвѣ 18 Августа. Въ этотъ день на дачѣ въ Сокольникахъ, подалъ я Графу Ѳедору Васильевичу Растопчину мою записку: «о лѣсномъ вооруженіи по уѣздамъ, не занятымъ еще непріятелемъ.» Прочитавъ ее, Графъ сказалъ: «завтра я васъ отправлю и заготовлю письма къ Предводителямъ, а сегодня обѣдайте у меня. У меня будутъ нашъ Исторіографъ и Князь Юсуповъ.» За обѣдомъ былъ общій разговоръ, но не о Москвѣ. Послѣ обѣда мы пошли въ садъ, гдѣ Князь Юсуповъ разсказывалъ, что въ бытность свою посломъ во Флоренціи, онъ видѣлъ тамъ грамоты нашего Епископа Исидора, поданныя имъ на Флорентійскомъ Соборѣ. Въ это время торопливо подскочилъ къ Графу одинъ изъ его людей, и что-то шепнулъ ему на ухо. Графъ пошелъ въ слѣдъ за нимъ, и минутъ черезъ десять возвратился смѣясь и сказалъ: «двое добрыхъ мѣщанъ, привели какого-то худощаваго

ремесленника Нѣмца, принявъ его за шпіона. Поговоря съ Нѣмцемъ, я далъ его провожатымъ рубль серебра, и сказалъ: подите съ Богомъ, братцы! это не шпіонъ и не шампиніонъ, какъ вы его называете, а мухоморъ.»

Вотъ вѣрный отчетъ о послѣднемъ свиданіи моемъ съ нашимъ Исторіографомъ 1812 года. Впрочемъ, это правда, что сидя на лошади, я не ѣлъ, но пилъ изъ арбуза. Жажда смертельная томила меня. И было отъ чего! Дня за четыре до 2 Сентября, Графъ сказалъ мнѣ на нашемъ уединенномъ совѣщаніи: «Я спущу въ Москву рѣку и вино и все съѣстное. Отъ перваго, можетъ быть, будетъ запахъ. Нужды нѣтъ.» И была работа: и опустѣли и мучныя лавки и лабазы.

Года за два до нашествія, М. Т. Каченовскій, напечаталъ въ Вѣстникѣ Европы, что я пишу для мучныхъ лавокъ. Онъ былъ правъ. Мучныя лавки не дремали. 2-го Сентября въ нихъ не осталось ни зерна. Опустѣли и домы, гдѣ пировала роскошь.

Остановимся здѣсь. Тутъ предстоитъ важнѣйшее обстоятельство въ томъ походѣ Наполеона въ Россію, который, на островѣ Св. Елены, называлъ онъ: «неловкимъ и неуклюжимъ.» (*)

1813 года, Русскіе полки были уже за границей, когда въ союзныя войска прибылъ изъ-за Океана Генералъ Моро. Онъ, такъ сказать, мелькнулъ только въ рядахъ ихъ и исчезъ. Но онъ говорилъ, что для успѣшной борьбы съ

(*) Campagne gauche.

Наполеономъ нужны лазутчики или шпіоны, расторопные, смѣтливые и вѣрные.

Стало-быть и Наполеону нужны были такіе же шпіоны. Но ихъ у него не было въ Москвѣ, или были—очень плохіе. 1812 года, въ ночь на 19-е Іюля, Императоръ Александръ отправился въ Петербургъ изъ Москвы; и Москва часъ отъ часу пустѣла. Наполеонъ этого не зналъ. Миръ съ Оттоманскою Портою торжествовали въ Москвѣ, Наполеонъ и этого не зналъ. Объ этомъ обстоятельствѣ свѣдалъ онъ 26 Августа, на полѣ Бородинскомъ отъ Генерала Лихачева, который, въ то мгновеніе, когда былъ сбитъ съ батареи, бросился со шпагою въ рукахъ въ ряды непріятельскіе и былъ взятъ въ плѣнъ.

Втораго Сентября, въ день перехода Русскихъ войскъ чрезъ Москву, по запискѣ Кутузова къ Полицейскому Начальству, всѣ огнегасительныя орудія обращены были на Владимірскую или Казанскую дорогу; Наполеонъ и этого не зналъ. Сутокъ за трое до входа Наполеона въ Москву, выѣхали изъ нее всѣ присутственныя мѣста, Сенатъ и вся почетность Московская, онъ и этого не зналъ.

И вотъ онъ на горѣ Поклонной, Москва въ виду, въ глазахъ его. Маршалы, негодовавшіе на него на полѣ Бородинскомъ, спѣшили его привѣтствовать. Но эта мечта быстро разсѣялась. Наполеонъ ждетъ и Сенатъ и какихъ-то Бояръ. Наконецъ, прошло чрезъ Москву все Русское войско; оставили ее всѣ Начальства; и — онъ ничего не зналъ, и не могъ ничего знать. Не нужны бы-

ли ему шпіоны въ Москвѣ. Все было ему предсказано; всѣ опасности похода его въ Россію, разительно были ему представлены: и гдѣ? Въ Тюльерійскихъ его чертогахъ.

Объяснимъ это.

Я читалъ и перечитывалъ историковъ Наполеона; но, кажется, ни одинъ изъ нихъ не замѣтилъ различія между вторженіемъ его въ Испанію и походомъ въ Россію. Войну съ Испаніей превозносилъ Сенатъ Французскій; ее называли: *политическою*, *необходимою*. Ораторы въ громкихъ возгласахъ своихъ истощали лесть. Графъ Лассепедъ говорилъ тогда Наполеону: «Людовикъ XIV десять лѣтъ воевалъ съ Испаніей, а Вы, Государь, все совершите въ нѣсколько дней.» И изъ устъ Наполеона гремѣли перуны. «Мнѣ Богъ далъ силу преобразовывать народы!» восклицалъ онъ. Не то было предъ походомъ въ Россію. Все во Франціи безмолвствовало; одна истинна громко и отважно возвышала голосъ. Коленкуръ, бывшій Посломъ въ Россіи, высказалъ Наполеону все то, что постигло его въ нашемъ Отечествѣ 1812 года. То же предрекали ему и Князь Понятовскій и Графъ Сегюръ, бывшій Посломъ въ Россіи еще при Екатеринѣ II; отклонялъ Наполеона отъ бѣдственнаго похода и родной его дядя Кардиналъ Фешъ. На всѣ возраженія, Наполеонъ спокойно отвѣчалъ, что его призываетъ въ Россію, какая-то для него самого непостижимая сила, что онъ долженъ ей повиноваться, и что, когда онъ для нее не будетъ нуженъ, тогда падетъ и отъ одной *былинки*. И эта

былинка пала на него 2 Сентября 1812 года, у Драгомиловской заставы, гдѣ, по словамъ Французскаго историка, остановился онъ въ какомъ-то оцѣпенеиіи. Мюратъ взялъ его подъ руку; ввелъ въ заставу, и сказалъ: «ступайте! вотъ Москва!»

Перешагнулъ Наполеонъ за заставу и бѣжалъ въ загородный пріютъ, на берегъ рѣчки Сѣтуни. Это названіе *пятой* рѣчки, которая, въ соединеніи съ *четырьмя* рѣчками поля Бородинскаго: Войнею, Колочею, Стонецемъ и Огникомъ, выражаетъ событія 1812 года. Но въ загородномъ пріютѣ на Сѣтуни не было ни *войны*, ни *битвы*, ни *стона*, ни *огня*. Все это затаилось на полѣ Бородинскомъ, въ исполинской могилѣ сражавшихся войскъ. Слухъ Наполеона давно свыкся съ громами ратными; но онъ въ первый разъ встрѣтилъ гробовое безмолвіе: и гдѣ? Въ древней столицѣ земли Русской. Въ туманномъ недоумѣніи своемъ, онъ не сличалъ тогда временъ; но мимо его и мимо всѣхъ расчетовъ человѣческихъ, ударилъ срокъ двумъ столѣтіямъ, когда земля Русская спѣшила къ Москвѣ, и когда мясному продавцу Минину поручила она: «добывать землю Московскую.» Но въ перелетѣ двухъ вѣковъ все перемѣнилось и въ Европѣ и въ Россіи. Ужели и этого не зналъ Наполеонъ?

Обращаюсь къ разсказу.

Въ Москвѣ, полки большой арміи его, раскидывали сторожевые огни по улицамъ; а Наполеонъ, изъ уединеннаго пріюта своего, видѣлъ первый отблескъ великаго Московскаго пожара,

вспыхнувшаго на Пятницкой, отъ загорѣвшагося виннаго двора; тамъ слышалъ грохотъ отъ взрыва съ казенными вещами барки подъ Симоновымъ; оттуда посылалъ онъ справляться: «нѣтъ ли какого подкопа подъ Кремлемъ?»

И все это было только началомъ бѣдствій, постигшихъ въ стѣнахъ Москвы горестные полки нашествія. Во второмъ Сентябрѣ 1812 года, заключалось рѣшеніе гибельной ихъ судьбы: и голодъ и пожаръ и вооруженіе поселянъ подмосковныхъ.

Объ этомъ предложу въ особенной статьѣ, подъ заглавіемъ: «О причинахъ неудачъ Наполеона въ Москвѣ и на всѣхъ его поприщахъ.» Въ этой же статьѣ помѣщено будетъ и Французское письмо Суворова, къ родному его племяннику Князю А. И. Горчакову. Вотъ что онъ говоритъ о Генералѣ Бонапартѣ въ концѣ этого достопамятнаго письма:

«Tant que le general Bonaparte conservera sa pré-«sence d'ésprit il sera vainqueur; les grandes combi-«naisons de l'art militaire lui sont échues en partage, «mais si pour son malheur il s'élance dans la carriere «politique, s'il rompt l'unite de la pensée — il se «perdra.»

«Пока Генералъ Бонапартъ будетъ сохранять «присутствіе духа, онъ будетъ побѣдителемъ; «великія соображенія военнаго искусства доста-«лись ему въ удѣлъ. Но если къ несчастію сво-«ему онъ бросится въ вихрь политическій, если «разорветъ единство мысли; онъ погибнетъ.»

Много было толковъ о походѣ Наполеона въ

Россію. Баронъ Ронiо, сочинитель книги: «О новомъ военномъ искусствѣ, приписываетъ его преждевременному ослабленію умственныхъ способностей Наполеона.» Предположимъ, что это было и такъ. Но отъ чего случилось это тогда, когда ему нужна была вся сила ума его, а не прежде, и когда отъ одного неосторожнаго шага, зависѣла вся его судьба? И какая судьба! невиданная дотолѣ въ лѣтописяхъ всемірныхъ. Есть, есть что нибудь выше земли, уничтожающее всѣ замыслы человѣческіе.

Есть Промыслъ Вышній. Когда 1755 года вмѣстѣ съ первыми огнями войны семилѣтней, землетрясеніе поглотило Лиссабонъ; взволновало Океанъ и потрясло берега Африки и Европы, нашъ проповѣдникъ Гедеонъ говорилъ: «мы вѣримъ, что горючія вещества могутъ колебать нѣдра земли. Это дѣйствіе естественное. Но отъ чего это явилось тогда, когда запылала война и народы подверглись новымъ бурямъ бѣдственнымъ?»

Фридерикъ II, не читая проповѣди Гедеона, сказалъ то же самое и въ то же время. «Отъ чего бури природы сливаются съ бурями нравственными? Мы это видимъ; но тайна этого извѣстна одному Провидѣнію.»

Я пишу это, можетъ быть, на исходѣ жизни моей. Но пока гостимъ и на этой землѣ, бываютъ отклики, которые переносятъ насъ къ тѣмъ днямъ, когда душа кипѣла полнотою мысли и слова. Это случилось и со мною. Вотъ что изъ Парижа соотечественникъ нашъ А. П. Турге-

невъ передалъ о Русскомъ Вѣстникѣ: «Были и «въ годину преобладанія Наполеона, свѣтлые «пункты въ нашей Исторіи. Мы должны отыскивать нашу славу вездѣ, и въ Русскомъ Вѣстникѣ Глинки и въ депешахъ Талейрана и въ «запискахъ Наполеона.

«И какое заключеніе сдѣлалъ бы я изъ всѣхъ сихъ намековъ: то же, какое и Александръ I въ письмѣ своемъ къ Карамзину: «Русскій народъ достоинъ знать свою Исторію.» (*)

Не кичусь тѣмъ, что ставятъ Русскій Вѣстникъ на ряду съ депешами Талейрана и Записками Наполеона. Мой Русскій Вѣстникъ былъ просто голосомъ своего времени и духа народнаго. Сказано уже было, что въ Маѣ 1808 года, посолъ Наполеона приносилъ на него жалобу. И эта слава принадлежитъ не мнѣ, но моему времени. Предводя военными громами, Наполеонъ страшился рѣзкаго выраженія духа народнаго. На мою долю относится только то, что ни мысль, ни душа моя, ни усердное перо не дремали въ ожиданіи необычайныхъ событій 1812 года.

Прибавимъ къ этому, что 1812 годъ ожилъ въ памятникахъ, воздвигнутыхъ ИМПЕРАТОРОМЪ НИКОЛАЕМЪ I, къ увѣковѣчиванію подвиговъ нашихъ героевъ и славы нашего Отечества.

(*) Москвитянинъ, 1845. № 3, стр. 8. Смѣсь.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ РУССКАГО ЧТЕНІЯ.

—

Стран.

Исторія зерцала Петра I и любовь Его къ правдѣ. 1

Петръ I и Историкъ Татищевъ Астраханскій Губернаторъ 33

Походъ Князя Юрія Владиміровича Долгорукаго въ Черногорію (отрывокъ изъ собственноручныхъ его записокъ). 57

Чесменскій бой, описанный Княземъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ 67

Замѣчаніе о Князѣ Таврическомъ 75

Черты изъ жизни Князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго 83

Сношенія Князя Таврическаго съ Яковомъ Ивановичемъ Булгаковымъ 105

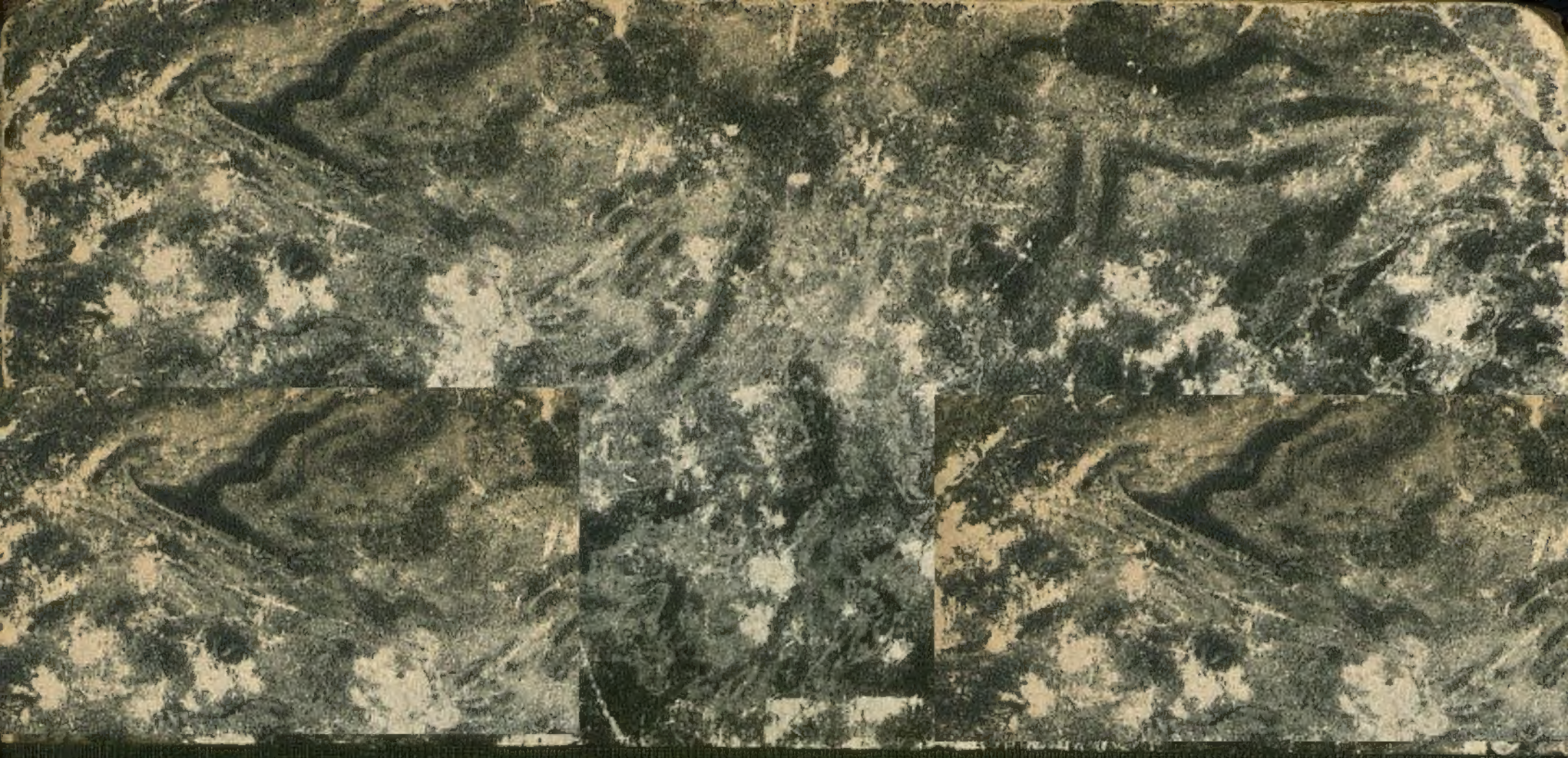
Сношенія Александра Васильевича Суворова съ Княземъ Таврическимъ 117

Европейская политика XVIII столѣтія и посылка Баура въ Парижъ 1788 года 127

Послѣдніе дни жизни Князя Потемкина-Таврическаго (разсказъ самовидца) 137

Ганнибалъ, Генералъ Бонапартъ и Суворовъ въ Италіи 145

Стран.

Карѳагенъ и Ганнибалъ 155
Генералъ Бонапартъ въ Италіи, 1796 и 1797 г. 169
Начало военныхъ дѣйствій на Средиземномъ морѣ, и отправленіе Суворова въ Италію 1799. 179
Суворовъ въ Вѣнѣ 185
Суворовъ идетъ по слѣдамъ Генерала Бонапарта. 189
Людовикъ XVIII въ Митавѣ и превратность судьбы Суворова въ Италіи 195
Рѣшительная просьба Суворова объ отставкѣ . 203
Заключеніе. Судьба Ганнибала, Суворова и Наполеона. 209
Черты изъ жизни Графа Ѳ. В. Растопчина . . 215
Поѣздка въ село Вороново. 223
Разсказъ Графа Ѳ. В. Растопчина о Суворовѣ . 227
Москва и Графъ Растопчинъ 1812 года . . . 237
Анекдоты Графа Ѳ. В. Растопчина о Суворовѣ. 249
Два письма къ брату моему Владиміру Андреевичу Глинкѣ (Разсказъ о Наполеонѣ). . . 257
Взглядъ на событія до 1812 года и о второмъ Сентябрѣ 1812 года 281

